

УРАЛЬСКИЙ

ледостыт

10
1963

УРАЛЬСКОЮ

Следопыт

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ СВЕРД-
ЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ И СВЕРДЛОВСКИХ
ПРОМЫШЛЕННОГО И СЕЛЬСКОГО
ОБКОМОВ ВЛКСМ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
"ФАНТАСТИКА"

О ГЕРОЯХ -
ЗЕМЛЯКАХ

РАССКАЗЫ
БЫВАЛЫХ ЛЮДЕЙ

МЕТЫ
СОВРЕМЕННИКОВ

УРАЛ

ВЧЕРА
СЕГОДНЯ
ЗАВТРА

ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ
КРАЕВЕДЕНИЕ

КОРОТКИЕ
РАССКАЗЫ

Следопытские
дела

ЮНЫМ БОРЦАМ
ЗА ВЕРНОСТЬ СОВЕТОВ
ЛЕНИНУМУ И КРАСНОМУ

Их было трое: Борька Амосов, Володька Голубев и Колька Шарапенко. В 1938 году мы их принимали в комсомол. Наш всегда скупой на слова школьный секретарь Валерий Самохин, которого мы на полном серьезе называли Чкаловым, удивил всех: произнес на комитете речь, вернее не речь, а взволнованный рассказ. Валерка не говорил о том, что комсомолец обязан быть примером в учебе и труде, что с этого момента Амосов, Голубев и Шарапенко не просто ученики восьмого класса «Б», а комсомольцы. Валерка прекрасно понимал — все это известно и комсомольцам, и вступающим в комсомол, и даже младшеклассникам — известно не хуже, чем ему самому. Валерка просто поднялся из-за стола, вытер носовым платком лоб (он всегда робел выступать) и, обращаясь сразу ко всем, звонко проговорил:

— Ребята, мой отец был комсомольцем.

— Гениальное открытие, — не удержался от возгласа комитетский остролов Вилька Лукьянов. — Явление на пятнадцатом году жизни вполне допустимое.

Но Валерий бровью не повел, продолжал невозмутимо:

— Недавно поспорил я с ним. Помните, мы после долгих разговоров пришли к выводу, что прежде комсомольцы имели больше возможностей проявить себя в любом деле. Вот это я и

КОМСОМОЛЬЦЫ

заявил. Вам, говорю, в гражданскую благодать была. Клинок в руку и вперед! Высмеял отец мои доводы, рассердился. В прошлый выходной явился я со стадиона, а у нас гости. Отец сослуживцев пригласил. Устроили они мне вечер на тему «Наши годы в комсомоле». Я не жалею, ребята, ни капельки. Интересная получилась встреча. Товарищи отца вспоминали свои комсомольские годы. И, знаете, ребята, прожили они их здорово. Об отце рассказывать я не стану: он выступал у нас и говорил, как воевали парни и девчата в гражданскую. А вот Серафимович, оказывается, в двадцатые годы басмачей бил, первые пограничные заставы организовывал; Быстров с товарищами Шатурскую электростанцию строил; Васильев орденом награжден за Комсомольск-на-Амуре; Широков по путевке комсомола работал в ЧК; Соловьев осваивал Арктику... Короче, делали они героическую историю. Я и хочу сказать не только Борису, Владимиру и Николаю, а всем: давайте проживем наши комсомольские годы так, чтобы потом не только мы, но и другие вспоминали с гордостью дела комсомольцев нашего поколения. Ведь из наших дел, ребята, будет написана история комсомола тридцатых—сороковых годов.

Вот что сказал наш школьный секретарь Валерка Самохин. И я, дорогие читатели, продолжу рассказ Валерия, потому что воевал вместе с ним.

Наша батарея тогда стояла под деревней Деражичи на западном берегу Днепра. Бои были жаркие. Фашисты то и дело контратаковали наши траншеи, вырытые в песчаном берегу реки.

Комсомолу Урала; Златоуст.

Студентам Уральского политехнического института. Свердловск.

Часто вражеские автоматчики шли в атаку под прикрытием танков. Плацдарм, занятый нами, был настолько мал, что перебросить на него наши танки не представлялось возможным. Мы гордились тем, что сумели под жесточайшей бомбежкой и артиллерийским огнем перевести на «песчаный пяточок» дивизионные пушки и полковые минометы.

Фашисты озверели. В день они предпринимали по десять—двенадцать атак. Во время одной из них, поддержанной танками, наша пехота дрогнула и откатилась к Днепру. Артиллерия осталась один на один с противником. Пушки повернули фашистов вспять. В этом бою наш школьный комсорг Валерка Самохин дописал последнюю страницу своей короткой, но правильной жизни. С пистолетом в руке он выскочил из траншеи и повел пехотинцев в атаку. Он бежал среди воронок, не сгибаясь. Черные снопы разрывов порой скрывали его от нас, а когда они оседали, мы видели, что бежит наш Валерка вперед, ведет за собой грозную цепь солдат. Это была не бравада. Это был тот самый порыв, который рождается только в человеке с крепкой верой в дело, ради которого он идет на любые подвиги, ради которого, не задумываясь, жертвует жизнью.

На берегу Днепра, в братской могиле, мы похоронили нашего Валерку. Но то, что сделал он при жизни, вписано золотыми буквами в сорокапятилетнюю историю Ленинского комсомола. Борис Амосов, Владимир Голубев и Николай Шарапенко прошли всю войну. Сейчас они коммунисты. Но свои комсомольские годы прожили они так, как подобает советскому юноше. И сегодня, читая газеты и журналы, посещая самые отдаленные уголки Родины, я вижу, какие страницы год за годом вписывает новое комсомольское поколение в историю своего союза, носящего имя великого Ленина. На самых ответственных участках гигантских работ, в самых труднодоступных районах, по которым идут еще только первые партии изыскателей, встретишь ребят и девчат с комсомольским значком на груди.

Нет в нашей стране ни одного завода и рудника, ни одной любого масштаба стройки, шахты и фабрики, нет в море ни одного корабля, а в воздухе ни одного самолета, где бы рядом с коммунистами не было комсомольцев. Они всюду трудятся плечо к плечу.

Дорогие читатели, пользуясь правом воспитанника Ленинского комсомола, желаю вам всегда и во всем добиваться успеха, быть впереди, помня, что каждый ваш шаг, каждый поступок, каждое ваше достижение — история многомиллионного союза ленинской молодежи, которому нынче исполнилось Сорок Пять лет. Ваше поколение должно написать новую героическую главу славной истории служения молодежи своей Родине, своему народу.

В. ШУСТОВ

МОЕ

Обывательский шепот,
трамвайный скулеж,
Порет чушь голосок раздраженный:
— И откуда
такая пошла
молодежь,
Нигилисты,
стиляги,
пижоны?!

И метет
В буржуазной печати метель —
О «свободе», об «угнетении»:
«Поколение отцов...», «Поколение
детей...»

Ложь!
Мы знаем свои поколения!

Орленок. Челябинск.

ПОКОЛЕНИЕ

Борис МАРЬЕВ

Пусть болтают о тех,
кто напялил берет
Суперменом с чужого журнала,
Кто на водку
швыряет
папашин бюджет,

Метит замуж
за генерала.

Мой ровесник — не тот.
Он вспахал целину,
Он тайгу

повалил
на колени,

Он стоит у станка,
он готов на Луну:

Вышло в космос
мое поколение!

Мы — надежда Земли.
Мы на ней не в гостях.

Будет мир
обновлен
и распахан...

И распахнут
над нами
простреленный стяг,

Что над Зимним пылал
и Рейхстагом!

Мы в долгу пред отцами.
Но нету вины,

Что без страха
мы смотрим на небо,

Что почти не застали
разрухи,
войны,

Черных дум
и пайкового хлеба.

Мы в долгу пред отцами,
Но нету вины,

Что, мужая из сорванцов,
Как станок в пересменку,

внимательно
мы

Принимаем
наследство отцов.

Мы вздымаем
отцовский
обветренный стяг, —

Ну-ка, кто его вырвет из рук —
Рук, что чертят орбиты

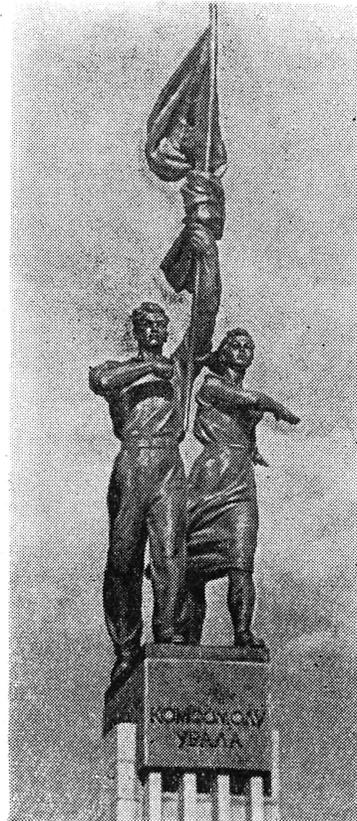
и рубят сосняк,
Что построили Город Наук,
Что маршрут на Тайшет
заносили в планшет,
Где клубит над болотами пар,
Что хранят рубежи,

что кладут этажи
У подножья горы Качканар,
Что к пылающим звездам

ведут корабли,
Что возводят в степи города,
Что тревожное счастье

планеты Земли
Взяли бережно
и навсегда!

Комсомолу Урала. Свердловск.

ПИСЬМО В БУДУЩЕЕ

Недалеко от нового Илекского кино-театра высится старинный дом, на котором, как два ордена,— две мемориальные доски. Первая сообщает, что в этом здании во время гражданской войны был штаб красногвардейского отряда. На второй мемориальной доске написано, что под ней в стене, 19 мая 1962 года — в день сорокалетия Советской пионерии — в торжественной обстановке замуровано ПИСЬМО В БУДУЩЕЕ от всех илекских пионеров.

„Дорогие мальчики и девочки! Сегодня мы отмечаем сорокалетие Советской пионерии. За этот период пионерской организации более ста миллионов советских людей в пионерских отрядах прошли первую школу коммунистической закалки. Сегодня они работают учителями, добывают руду, покоряют целину, космос, охраняют наши рубежи. В числе прославленных людей бывшие пионеры нашей родины — Юрий Гагарин и Герман Титов, Александр Покрышкин и Иван Кожедуб, Валентина Гаганова и Николай Май.

Сейчас юные ленинцы живут и учатся, как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия. „Стране социализма барчат не надо, нужны умелые руки в быту и на всякой работе“. Мы никогда не забываем эти слова Н. К. Крупской. Поистине трудно найти сейчас в нашей жизни такое дело, в котором не принимали бы посильное участие юные пионеры. Они занимаются благоустройством сел, участвуют в строительстве новых школ, украшают Родину садами. Большой вклад в общественное дело вносят юные ленинцы, собирая металлический лом, макулатуру, местные удобрения. Славными делами на благо Родины заполнили они летопись своей организации. Юные пионеры и дальше будут пополнять ее новыми делами во имя славы и могущества своей советской Родины. Президиум Верховного Совета наградил пионерию орденом В. И. Ленина. И теперь мы обращаемся к вам, славные ленинцы 1980 года, с уверенностью, что вы высоко и честно несете Красное Знамя Ильича через все трудности жизни и смело идете с ним вперед к новым победам. Сейчас вы живете в коммунизме. Знайте, что в вашем прекрасном настоящем есть и крупица нашего труда, пионеров 1962 года. Доброго и счастливого пути вам, славные ленинцы. Да здравствует коммунизм!“

Я узнал инициаторов романтического «мероприятия»: Климов А. В. — директор Дома пионеров, почетный пионер; Худомясова Ю. В. — инспектор Илекского роно, почетный пионер; Смелова Н. Г. — председатель районного Совета пионерской организации; Головина К. А. — методист роно, почетный пионер.

Ю. Парфенов

ПРЫЖОК ИЗ ПОДНЕБЕСЬЯ

ГОРЯЩИЕ КУПОЛА НАД ВОДОЙ

Ну, надо же было случиться такому! Тысячи людей, не отрываясь, в страшном смятении смотрели в воздух, а там...

Ну, надо же, надо же!... День Военно-Морского Флота. Народу собралось на берегу Верх-Исетского пруда черным-черненько. Объявили: будут показательные прыжки с парашютом. Появился самолет. Он сбросил двух парашютистов. С высоты в полторы тысячи метров оба «ушли» враз, несколько секунд были в свободном падении, затем над обоими легко, красиво, как лебединые крылья, развернулись белые купола парашютов и почти тотчас вспыхнули.

— Парашют горит! — пронеслось по толпе.

— И другой тоже!..

Оба купола дымили; длинные седые хвосты, завиваясь, тянулись в сторону. За ними следили не дыша. Погода была тихая, день солнечный, в небе ни облачка, и только эти два зловещих султана повисли в яркой чистой синеве.

На земле началась паника: спасать! Но как?! В эту минуту оба горящие купола неожиданно отделились и без груза едва заметно стали снижаться; две человеческие фигурки, кувыркаясь, опять пролетели в ничем не сдерживаемом падении какое-то расстояние, и вновь над ними легко, свободно раскрылись спасательные зонты.

Но едва на земле успели испустить вздох облегчения, оба парашюта опять, как по команде, задымили... Да что это у них там!

И только волнение снова достигло своего апогея, дымящие купола... отсоединились во второй раз.

Спасение или смерть? Да какое же спасение, ясно уж теперь — погибли оба! Вон как «пошли» к земле! Ведь каждому мальчишке известно, что парашютист берет с собой один основной парашют, побольше, и один поменьше — запасной; больше снижаться не на чем...

Но, словно поддразнивая, в небе вновь заколыхались два зонта. Окутанные дымом, отлали оба и возникли еще раз, в четвертый! Просто наваждение какое-то...

Близко была уже поверхность пруда. Оба парашютиста стоймя ушли в воду, потом всплыли. За ними уже спешила лодка. Ну, прямо скажем, поиграли на нервах!

Назавтра в аэроклубе весь день звонили телефоны.

— У вас вчера на ВИЗе была катастрофа? Живы ли люди?

— Не было никакой катастрофы, товарищи. Были показательные прыжки с парашютами по случаю Дня Военно-Морского Флота, только и всего. Все шло по плану.

— И народ пугали по плану?

— Это не входило в программу. Должны были дзвать пояснения по радио, а радио испоргилось.

...Чтобы не оставлять читателя в неведении, можно пояснить: спортсмены Сергей Киселев и Эдик Аристов взяли по два главных парашюта и по два запасных. Навьючились, как заправские ишаки.

Прыгали в плавках; к голым ногам привязали дымовые шашки и к парашютам. Ни люди, ни парашюты не горели — горели шашки. Но иллюзия получалась полная: пожар в воздухе! Да еще сбрасывание парашютов... В общем-то отчаянные ребята! Только в ста пятидесяти метрах от зеркала пруда они, наконец, перешли на спо-

койное снижение и целехоньки, веселехоньки достигли воды. Поплавав, покувыркавшись, подобно вольтижерам-гимнастам в цирке, в воздушной стихии, напоследок еще приняли водяную ванну. Закалка!

МАЛЬЧИШКА ХОЧЕТ ПРЫГАТЬ

Человек не может жить без прыжков. В этом глубоко убежден Сергей Киселев. «Блажь» прыгать пришла ему в Тобольске, где в войну жила семья.

Когда в городском ДОСААФе появился первый учебный парашют, Сергей организовал кружок. На лыжах ходили на аэродром. Как-то с приятелем решили покататься с парашютом на лыжах. Мчались со страшной силой и все как-то вбок. С тех пор запомнилось: парашют, как парус, прямо не «работает», тащит вкось. При сильном ветре может поднимать вверх.

К весне надумали прыгнуть в овраг. Овраг глубокий, метров семьдесят. Хорошо, что догадались сперва проверить парашют на раскрываемость, а то кто его знает, как бы оно там кончилось. Нагребли сумку земли, привязали, забрались на геодезическую вышку, раскатали и бросили.

Парашют зацепился за гвоздь, распоролся. Они долго обалдело смотрели на огромную дыру. После сами зашивали. С прыжками пришлось поременить.

Первый свой прыжок Сергей совершил в мае 1952 года, уже студентом Уральского политехнического института. Осенью пятьдесят первого, как приняли в институт, сразу пришел и в аэроклуб. В Уральском политехническом институте существовал парашютный кружок. Организовал его Валерий Захаров, бывший десантник, имевший на счету полтораста прыжков. Вот тут, сперва под руководством Валерия, а потом других инструкторов, и начала сбываться ребячья мечта Сергея Киселева.

За год сделал десять прыжков. В пятьдесят пятом, уже в качестве участника, попал на авиапарад в Тушино. Многому научился. В пятьдесят шестом — в год окончания института — вместе с товарищами предпринял первую попытку побить всесоюзный рекорд. Прыгали ночью. Рекорд побили, но результат не был утвержден: барографы оказались не в порядке. Обидно. Ведь старались!..

В следующем году он уже на сборе парашютистов-высотников в Тушино; участвует во Всесоюзных соревнованиях. Москва дала очень многое. Тренировал их Виктор Раков, чемпион мира по затыжным прыжкам, впоследствии ставший известным полярным летчиком.

Получив диплом инженера-радиота, Киселев некоторое время работал в институте преподавателем на факультете. «Шеф», как выражался Сергей, был недоволен, что все свободное время он отдавал любимому спорту, рвался на аэродром. Уже тогда он был общественником-тренером. Кончилось тем, что парашют, как он говорит, целиком «съел» его...

Так он подошел к своему рекорду, к 1958 году, который стал памятной вехой, этапом в его жизни.

АБСОЛЮТНЫЙ

Готовился, тренировался он усиленно, с какой-то одержимостью.

Главное — шлифовал технику, оттачивал каждый прием. Это дает всегда чувство уверенности в себе.

Первый рекорд поставил на зональных соревнованиях дома, на Урале. В одиночных комбинированных состязаниях на точность приземления. Прыжок сложный — с задержкой, да еще приземлиться аккуратно в цель. На земле выкладывается белый крест, — попади прямо туда. Хитрая задача.

Когда-то было: лишь бы спуститься благополучно. Теперь даже десять метров не результат. От центра бляшки, находящейся в середине креста, измеряют рулеткой расстояние с точностью до сантиметра и тогда скажут, мастер ты или недоучка, которому надо тренироваться и тренироваться. И сам прыжок стал совсем другим: он может быть дневным или ночным, групповым или одиночным, с затяжкой, с разной высоты, при разной погоде, с разными парашютами, с разными задачами...

Иногда, при ветре, парашют идет над землей со скоростью сорока километров в час. Мчит как рысак! И надо — точно! Прийти только в цель, только в цель!

У него было отличное стартовое состояние. Всю программу прыжков он проделал безупречно, добился точности приземления — 3,07 метра. Первый всесоюзный личный рекорд. Прежний существовал — 4,05. Стал абсолютным чемпионом зоны.

А затем Тушино, Всесоюзная спартакиада по техническим видам спорта. Труднейшее испытание. Кругом мастера, рекордсмены, соперники с огромным опытом. А он, как назло, незадолго перед тем разбил колено — приземлился неудачно. Бежать не мог, не давала боль, хромал. И, конечно, же, сразу потерял оценочные очки.

Пронгрыш? Ни в коем случае! Прыгун хороший, а ну, покажи свое искусство, докажи, на что способен!..

Очень хорошо выполнил он задержку с фигурами, два прыжка. Лучшее всех, хоть, как уже сказано, конкурентов было немало. Тем самым перекрыл утерянное ранее и стал абсолютным чемпионом страны. Его увенчали алой лентой. Присвоили звание мастера спорта. Было тогда ему ровно двадцать пять лет.

СТИХИЯ МСТИТ

Дорога в небо не вымощена асфальтом, не обсажена бордюриком из цветов. Стихия непослушна, сдается неохотно, туго, часто бунтует, мстит. Оплошаешь, зарвешься — накажет смертью.

Урок на всю жизнь дал товарищам Юра Б. Хороший был парень, талантливый парашютист. Сгубило его чрезмерное самолюбие, желание выдвинуться во что бы то ни стало, да, пожалуй, похвальба, неумеренное славословие, на которые мы иной раз большие мастера.

Вышло так. Однажды у Юры получился «перехлест» парашюта с вращением. Он прыгнул и вдруг вместо купола увидел над собой белый вращающийся клубок. Стропы перехлестнули ку-

пол, и с каждым мгновением скручивались все сильнее. А если парашют под влиянием воздушного потока начнет крутиться в воздухе — до несчастья недалеко, не зевай. Сплетется в веревку, после уж ничего не сделать — пойдешь камнем к земле.

Раскрыть запасной парашют нельзя: постигнет судьба основного. Тоже втянет в это верчение, сожмет, совет в жгут. Юрий не растерялся. Ножом он обрезал стропы. Но и этого оказалось мало, до всех не дотянулся, — тогда полоснул по лямкам. И в тот же миг дернул кольцо запасного парашюта. Однако парашют не раскрылся. При быстром снижении образуется так называемое затенение воздушного потока; парашют попал в него...

А стихия — вон она, голубая, безграничная, сверху, снизу, с боков, всюду. Земля — глубоко в проеме меж облаков; но она приближается с каждым мгновением, несется навстречу, как реактивный самолет... Как избежать столкновения с нею?!

Врешь, не поддайся! Юрий швырнул парашют вверх; оказалось мало — повторил еще; и вот, наконец, белый шелковый ком распался, раскрылся, наполнился воздухом и силой, частью этой голубой стихии, и, упруго подпертый ею, закачался, остановил падение тела спортсмена. И в пору: еще несколько секунд — и его ноги коснулись зеленого травянистого покрова. Толчок, рывок в сторону — белый купол тоже удержался оземь, закачался и потух... Он победил!

На беду его похвалили. Похвалили неумеренно, как бывает тогда, когда забывают о главном: о психологии. Кто-то тиснул статеечку в газету. Стали поминать на всех собраниях, ставить в пример, подняли на щит. Кто-то даже обосновал «теорию», как выходить из «перехлеста» в воздухе, опираясь на опыт Юры, а не заметили, как «перехлест» получился на земле, в воспитании спортсмена. Закружили голову парню, именно закружили, не сама закружилась. Это уже получилось после. А сперва ему было вовсе не до того: рад, что уцелел. Ну, а коли все так превозносят, видно, и вправду герой, выдающаяся личность...

А надо было похвалить за самообладание и хорошую физическую подготовку, но тут же и насторожить: в другой раз будь поаккуратнее, с воздухом не шути...

Он и раньше, случалось, став мастером, если что-нибудь не получалось, «заводился»: я да я... А тут — такие дифирамбы!

Словом, не учли личных качеств. Другой, может быть, и выдержал бы подобный искуc, а Юра оказался слаб. Личные качества в спорте (как впрочем и везде) имеют огромное значение.

И надо же было получиться, что вскоре он попал снова в точности в такую же передрагу. Он не растерялся опять, тем более не растерялся, поскольку уже имел опыт. Но, видимо, решил поразить (ведь столько комплиментов было сделано его мужеству, его находчивости, его отваге!). Падает, а не обрезает. Парашют над головой свисал, сжался в бесформенную мятую тряпку, а он все тянет, браврирует опасностью. Когда выдернул запасной, до земли было уже метров пятнадцать, не больше, парашют даже не успел выйти из ранца...

Эх, Юра, Юра, милый человек, тому ли учили тебя в парашютном классе? Ты сам погубил себя, погубил тем, что слишком уж рвался по-

Человек, «вжившийся в воздух», — мастер спорта и рекордсмен Сергей Киселев.

казать свою удачу. Ты заплатил за это самой дорогой ценой.

Жаль парня.

Так стихия отомстила за неуважение к ней.

Он поплатился жизнью за то, что презрел самый главный закон парашотизма: лихачеству здесь нет и не может быть места. Несложное сооружение из шелковых полотнищ и крученых прочных шнуров выручило в опасную минуту многих и многих, сохранило жизнь сотням и тысячам. Но нельзя зарываться.

Нельзя мужество подменять молодечеством, а героизм ухарством.

КОНЬ РЕТИВЫЙ — ПАРАШЮТ

Парашют — друг. Но парашют может стать и врагом.

Это, как говорится в учебнике, управляемый агрегат, но ограниченно управляемый. При сильном ветре везет, как лошадь. И уж совсем удивительно, вероятно, что на нем можно плыть. Да, да, плыть, как в лодке.

Некогда, когда он только родился на свет, он был предназначен лишь для того, чтобы помочь безопасному спуску, ослабить удар при приземлении. Но это уже далекое прошлое парашют-

ного спорта. Теперь парашют выполняет куда более сложные задачи.

Прежде всего, выяснилось, что он обладает реактивной силой, то есть способен «везти» в сторону. Именно поэтому в нем в последние годы, вместо традиционного круглого отверстия в центре купола, появилась боковая щель, что-то вроде створки, регулируемой по желанию. Вот она-то и помогает «плыть».

И стропы теперь не из шелка, а из более современного материала — капрона. Это делает парашют надежнее, прочнее.

Но еще по сию пору парашют коварен, может «взбрыкнуть», как дикий мустанг, особенно если неудачная погода.

«Зависим от погоды», — говорят парашютисты. А на Урале она, как известно, весьма переменчивая.

Непостоянство парашюта Киселев испытал на себе.

За эти годы он участвовал во многих крупных соревнованиях, набрал много медалей. Тренировал ребят и прыгал, ставил рекорды сам. В 1959, на международных соревнованиях в Болгарии, взял второе место по задержке. На первенстве Союза — третье место по многоборью, второе по задержке. Перед Болгарией ушибся, столкнувшись в воздухе с товарищем. Парашют закрылся, с высоты десяти метров Сергей грохнул наземь. Отделался в общем счастливо: через две недели уже стал прыгать на воду, но то, что парашют «юдвел» его, в какой-то мере повинен в падении, не выходило из головы.

Года не прошло — упал опять, сломал ногу... Прямо напасть! Сделал резкое движение во время спуска, парашют просел. «Он тоже ласку любит, иногда прощает грубость, иногда мстит», — нравоучительно говорил после Сергей. Правда, был сильный ветер.

Полгода ходил на костылях, с палкой. Таким и тренировал команду к первенству ДОСААФ, ездил в Нижний Тагил. Там прыгали на городской окраине, на огородах. Передавать тренировки другому не хотел.

Каждая тренировка была не только обучением других, но и проверкой каких-то своих соображений, выводов.

Постепенно родился спортивный парашют собственной конструкции, имевший ряд преимуществ по сравнению со старым.

Киселев вместо одной щели сделал две и другой формы. Парашют стал более управляемым, более «спокойным». Первый образец был изготовлен еще в 1960 году. Уже тогда на его парашюте ребята выиграли командное первенство. Много раз он прыгал с ним сам. После — опять расчеты да подсчеты... Так он сделался не только спортсменом-высотником, тренером, известным рекордсменом, но и конструктором, изобретателем...

К слову, многим, вероятно, будет небезынтересно узнать, что Свердловск по праву может быть назван родиной парашюта.

Изобретателем парашюта считается Г. Е. Котельников. Относят это к 1910—1911 годам. Однако совсем недавно в архивных материалах раскопали, что еще 28 января по старому стилю (или 10 февраля — по новому) 1911 года житель города Екагеринбурга, крестьянского сословия, по фамилии И. Сонтага, получил охранное свидетельство за № 46 600, а позднее привилегию за № 24 050 (от 31 мая 1913 года) на ранцевый ав-

тономный парашют. Из описания явствует, что то было устройство, похожее на зонт, и со спицами, как у зонта; помещалось оно в полый коробке и привешивалось на спину авиатору (отсюда и выражение «автономный», — парашюты других типов помещались в кабине самолета отдельно от человека). Парашют имел купол из двадцати четырех сшитых вместе радиальных полотнищ и пружинный механизм для быстрого раскрытия. Отверстие в центре купола, через которое выходил воздух, устраняло колебания парашюта и толчки при спуске (принцип тот же, что и ныне).

В учебниках и по сей день первым стоит имя Г. Котельникова. Не опарывая его заслуг, надо все же заметить, что И. Сонтага получил охранное свидетельство на изобретение примерно на семь месяцев раньше, чем его соотечественник.

Сергей Киселев продолжал работу своих предшественников.

ПОКОРЯЮЩИЕ СТИХИЮ

Уже много лет команду парашютистов Свердловска называют непобедимой. Начиная с 1958 года, она систематически выигрывает первенство Уральской зоны. Неоднократный победитель первенства Российской Федерации и страны.

В доме по улице Малышева, с начала тридцатых годов называемом Домом Обороны, на плоской площадке первого этажа которого долгое время стоял старенький учебный самолетик «У-2», где и поныне помещается Свердловский аэроклуб, вы можете увидеть на доске Почета много молодых лиц. Юноши, девушки. Это чемпионы и рекордсмены, выращенные здесь.

Вот чемпион России 1962 года — смешанная команда: мастера спорта Гурьяшина, Виктория Ильинская, Илья Лузанин, Петр Шабашев, Евгений Лешуков, перворазрядник Бронислав Лапин.

Вот Ирина Соловьева, рекордсменка с мировым именем.

Инженер-строитель и мастер увлекательнейшего вида спорта Ирина Соловьева впервые стала чемпионкой СССР на точность приземления днем и ночью в 1959 году, когда выступала еще по группе девушек. Неоднократная чемпионка мира. Она была во Франции, в Чехословакии, и всюду успех сопутствовал ей. В Младо-Болеславе близ Праги, в составе сборной Советского Союза, состязалась со спортсменами Болгарии, Венгрии, ГДР, Китайской Народной Республики, Чехословакии. В упорной борьбе первенство отвоевала советская сборная, в личном зачете — Ирина Соловьева.

В групповом комбинированном прыжке с высоты в полторы тысячи метров наши девушки установили мировой рекорд. Другой мировой рекорд, в прыжке с шестисот метров, установила Соловьева — точность приземления 0,6 метра.

В Ла Фергэ-Гюшэ, недалеко от Парижа, состязаясь по программе VI чемпионата мира по парашютному спорту (накануне соревнований в Америке), советская женская команда вновь заняла первое место. И опять в ее составе была Ирина Соловьева.

Вот — Гурьяшина, Инженер Свердловского

компрессорного завода. Чемпионка РСФСР по комбинированному прыжкам. В ее списке более дюжины побед международного класса, достигнутых в одиночку и с подружками. Лишь в течение одного года, в Фергане, она поставила семь рекордов.

Иван Сикорский. Чемпион мира, командир звена, завоевал десять золотых медалей, установил ряд всеюозных и мировых рекордов, подготовил 1500 человек. Летчик-парашютист, совершенствуя личную подготовку, он продолжает неутомимо штурмовать небо.

Всех не перечтешь!

Только в одном 1962 году свердловчане привезли домой 43 золотых медали. Стали традиционными зимние состязания парашютистов, начатые по инициативе Свердловского аэроклуба. На них съезжаются спортсмены Москвы, Ленинграда, Уфы, Челябинска, Алма-Аты, Казани, Горького...

А вот учитель Сергея Киселева и многих других — Дмитрий Мухачев, ныне летчик ГВФ. Им поставлены мировые рекорды на точность приземления в 1959, в 1961.

Вспоминаю Тину Самарину, первую уральскую парашютистку, одну из зачинательниц парашютного спорта на Урале. Заметка о ней была помещена в 7-ом номере журнала «Уральский следопыт», выходившем в 1935 году. А познакомил меня с этой замечательной девушкой тогдашний редактор «Следопыта» Владимир Алексеевич Попов. Память уже утратила многие подробности этой встречи. Помню лишь весело улыбающееся лицо в рябинках, стройную, перетянутую в талии хрупкую фигурку... Но она была совсем не хрупкая, эта Тина Самарина.

Тогда сперва прыгали с парашютной вышки

(их в те годы сооружали во всех парках, где бывало много народу и устраивались большие гуляния), потом «облет», потом прыжок с самолета.

Описывая свое состояние перед первым прыжком, Тина отмечала: «Было восторженное, волнующее чувство полета.³ На борту самолета (того самого «У-2», который позднее долго красовался на Доме Оборона. — Б. Р.) я собственными глазами убедилась, что Урал, моя родина, не отвлеченное географическое понятие, что это действительно страна лесов и гор...» И после, когда первое боевое крещение состоялось, она прыгнула: «Пьянила радостью удача первого прыжка, и волновало непередаваемое чувство скольжения к земле. Хотелось петь, кричать или декламировать горделиво пушкинские стихи...».

Тина была участницей Первого Всесоюзного слета парашютистов на Тушинском аэродроме. Совершила там три прыжка.

А ровно за пять лет до этого, 26 июля 1930 года, в Воронеже состоялись показательные товарищеские прыжки с парашютом наших военных летчиков. Руководил ими выдающийся мастер парашютизма Я. Д. Мошковский. Вот тот день и явился началом массового развития парашютного спорта в Советской стране...

Вспоминаются и первые авиационные праздники. С каким замиранием сердечным следили мы за манипуляциями парашютистов, за их смелыми действиями в воздухе. Они казались нам какими-то совсем особыми людьми, не такими, как все, сделанными из другого теста. И вообще все выглядело чудом...

Далеко же вы ушли, уральские ребята, и все вы, советские смельчаки-высотники, с тех пор! Далеко!

Б. РЯБИНИН

— Главное, друг, четкость и хладнокровие! — Сергей Киселев инструктирует молодых парашютистов перед прыжком.

О счастье

Не хочу такого,
Что обещано,
Тетею богатою завещано, —
В сундуках лежит,
Пронафталинено,
С ларчика глядит
Собакой глиняной.

Счастье для меня —
Быть начинающим,
Как в истоке чистая вода,
Чувствовать в пути
Плечо товарища,
В дружбе
Не слукавить никогда.

Счастье,
Коль не станет даже голоса, —
Через пласт пробиться,
Вызреть колосом
И в ладонь
Осыпаться, звеня!

Вот что значит
Счастье
Для меня.

ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ УРАЛ?..

На Урале культивируется около 500 видов полезных растений. Главную массу представляют декоративные. Хлебных и крупяных растений — десять видов, овощных и кормовых — по 30, технических — 20, плодовых — 15 видов.

Только на Урале вы можете встретить гвоздику иглистую, шиверекию горную, пырей отогнуто-острый, мокричники Гельма и Крашенинникова, гипсолюбку уральскую, ясколку Крылова, — всего двадцать на-

званий. Некоторые из этих растений — мокричники, ясколка — носят имя исследователей флоры Урала.

У нас на Урале насчитывается около 1600 видов растений, из них 50 лекарственных, 300 медоносов и 160 видов кормовых трав.

Из десяти выводимых на Урале хлебных и крупяных культур девять высевались здесь еще в прошлом столетии. Интересна история пшеницы, которая существует в наших западных районах уже несколько сотен лет.

На полях древнего Булгарского государства высевался особый ее вид — полба. Это о ней писал Пушкин в «Сказке о попе и его работнике Балде». Из Булгарии полба проникла в современную Башкирию, но потом стала постепенно заменяться другими зерновыми.

Еще 50 лет назад в Башкирии засеивалась полбой 77 тысяч десятин, сейчас она почти совершенно вытеснена новыми культурами.

Все наши хлебные, крупяные, овощные растения прибыли на Урал изда-

Ужасстра

Костер прозрачными руками
Тянулся в темь,
Тянулся к звездам.
А звезды
Весело мигали,
Как будто он
Для них лишь создан,
Как будто им
Одним понятен
Полночный этот разговор.
В лесу
Несмело
Стукнул дятел,
Туман пополз
По склонам гор.
Костер убрал
В карманы руки,
Рассвет вспугнул
На небе звезды.
Они ушли,
Ушли без звука...
А мы поем,
И спать уж поздно!

Лесной новосел

Затаила
дыханье Земля.
Облака
собираются в тучу.

С силой
гром разразился
над кручей,
и метнулись
полоски огня.

Дождик слаб.
Понапрягся и выжил,
и пошел,
и пошел,
и пошел...

Глядь:
стоит под зонтом
в чаще рыжик —
удивленный
лесной новосел.

лека: из Китая — гречиха, про-со, репа; из Индии — огурец, баклажан; из Закавказья — рожь и пшеница; из Средней Азии — горох, лук, чеснок, конские бобы; из Малой Азии — чечевица, люцерна, капуста; из Средиземноморья — салат, брюква, свекла; из Абиссинии — ячмень; из Центральной Америки — кукуруза, тыква; из Южной Америки — картофель, томат.

В лесах Урала, на древесине и почве, живет более 500 видов грибов. Одни прячутся в землю, другие селятся на деревьях, кустарниках, траве и даже на насекомых. А третьи — наши старые знакомые, которые мы собираем каждым летом.

Среди грибов есть микроскопические, невидимые невооруженным глазом. И встречаются грибы-гиганты, достигающие в диаметре 50 сантиметров.

Из уральской флоры человек использует около 200 видов. Это лекарственные растения, лесные ягоды, сенокосные травы, некоторые дубители, злаки.

Урал — крупнейший лесопромышленный район страны. По заготовке и по переработке древесины он конкурирует со многими районами мира. В одной только Свердловской области древесины заготавливается больше, чем во всем тихоокеанском лесопромышленном районе

(Австралия, Новая Зеландия, Океания, Филиппины и другие), почти столько же, сколько в центрально-американском, и чуть меньше, чем в Швеции.

В нашем крае обитает около 300 видов птиц (считая залетных), более 80 видов млекопитающих (не считая морских).

За годы Советской власти фауна Урала обогатилась ондатрой, американской норкой, енотовидной собакой, алтайским сурком, маралом и пятнистым оленем. Ввезены белки, баргузинские соболи. В прудах и озерах появились новоселы — чудской сиг, ладожский рипус, лещ, карп и пелядь, или сырок.

ДОРОГОЙ СТАР

Это было 17 октября 1962 года. В 8-м классе Свердловской школы-интерната № 10 собрались ученики и бригада литейщиков 12-го цеха Уралхиммашзавода во главе с бригадиром Иваном Александровичем Соколкиным. Ребята волновались. С начала учебного года они соревнуются с литейщиками. Подводятся первые итоги. Кто же кого обогнал?

Бригада Ивана Александровича Соколкина выполнила план на сто с лишним процентов. Ребятам похвастаться было нечем: отстающих много.

По-разному реагировали на это школьники. Люся Дзюба, Люба Чиркова, Юра Шагубаков серьезно задумались над тем, как исправить положение. А другим победа литейщиков показалась закономерной.

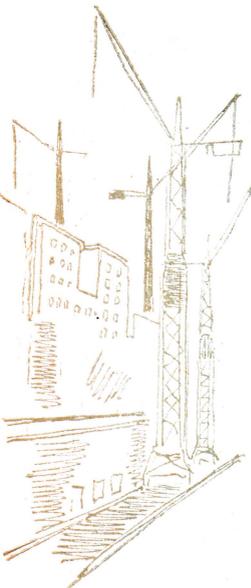
Тамара Микулина даже рассердилась.

— Почему бы им не выполнять план! Они только работают. А у нас и учеба, и самообслуживание, да еще общественной работы сколько!

Литейщики не стали опровергать легкомысленного заявления Тамары, а просто сказали:

— Приходите, ребята, к нам в цех.

И вот настал день, когда в дневнике группы творческого содружества та же Тамара Микулина записала:

«Мы увидели наших шефов на своем рабочем месте. К нам они приходили веселые, подтянутые. А сейчас они были серьезные, в промышленных комбинезонах, вели ответственную плавку. Четыре часа мы наблюдали за ними. Очень волновались. В первые часы, видимо, что-то не ладилось. С каким терпением бригадир давал разъяснения товарищам! По его лицу струился пот, но он не отходил от печи. А печь глотала все, что туда забрасывали, и глухо рычала, как будто была недовольна.

Возвращались мы из цеха, когда зажглись первые огоньки. Думали о том, что увидели. Мы поняли: им труднее, чем нам. А впереди нас в соревновании они идут потому, что больше у них трудового мужества, характера, воли...»

Как это началось

В школе было два седьмых класса — «А» и «Б». Нину Дмитриевну Шурову, воспитателя одного из них, волновало нездоровое соперничество между классами. Ребята задирались по пустякам и в то же время были как-то равнодушны к делам друг друга.

«Классы объединят. Как создать коллектив дружный, боевой? — думала она. — И восьмой — это выпускной. Ребятам надо помочь определить дороги: будут ли они учиться дальше или пойдут на производство? Только общий труд, общие цели, планы могут сплотить, сдружить их».

Решить все эти вопросы помогли шефы — рабочие 12-го цеха Уралхиммашзавода. Они и раньше шефствовали, — посылали в класс пионервожатых. Вроде бы делали все правильно, не хуже, чем другие, но контакта не получалось, не хватало «живинки». Тогда литейщики решили действовать иначе.

В первые дни учебы бригада Соколкина в полном составе пришла в школу.

— Давайте соревноваться, — предложил Иван Александрович восьмиклассникам. — Вы добивайтесь высоких показателей в учебе, хорошей дисциплины, а мы решили заслужить звание бригады коммунистического труда.

Призыв рабочих был поддержан ребятами.

Но кто-то должен в классе следить за повседневным выполнением обязательств. Решили создать группу творческого содружества. В нее вошли Зоя Несмеянова, Наташа Большакова, Юра Игишев, Саша Бирюков — всего десять человек, а старшая — Тамара Микулина. Перед группой стояла цель — поддерживать связь класса с цехом, установить содружество с техническим училищем № 12, познакомить ребят с профессиями, организовать встречи с людьми труда. Вместе с воспитателем и представителями бригады разработали подробнейший план. Решили обмениваться стенгазетами «Юность» и «Литейщик», чаще встречаться не только в деловой обстановке, но и на спортивной площадке, вместе отдыхать.

Соревнование шло под лозунгом: «Будем резервом бригады коммунистического труда!».

Твой труд нужен всем

В конце сентября 1962 года проводился общегородской воскресник по уборке картофеля. Рабочие пригласили учеников ехать вместе. Трудились на славу, ребятам было приятно сознавать, что есть доля и их старания в общем деле.

Таня Кондратьева вспоминает:

— В седьмом классе нас посылали на подсобное хозяйство, а мы ворчали: «Для чего работать там, нас ведь и так государ-

ШИХ БРАТЬЕВ

ство обеспечит продуктами». Работали мы на подсобном хозяйстве плохо, без всякой охоты. Стыдно сейчас вспоминать об этом, не понимали мы многого...

Шефы помогли нам правильно разобраться, изменить свое отношение к труду.

Наивное представление, что рабочим легче, чем учащимся, быстро улетучилось, как только ребята поближе познакомились со своими шефами. У каждого из них — ответственный труд на заводе, общественная деятельность, а вечерами многие учились: кто в школе, кто в техникуме, кто — в институте. Мало же у них свободного времени. А нужно еще идти на самстрой. Узнав об этом, члены группы посоветовались с ребятами и решили помочь шефам.

И вот как-то после уроков отправились на стройку. Прораб распределил обязанности. Девочки шкурили стены, мыли окна. Мальчики выносили мусор из комнат, носили доски. Работали дружно и весело. Каждый знал, что скоро в новый дом въедут новоселы, в том числе и их друзья.

На самстрое в пользу двенадцатого цеха восьмиклассники отработали 120 часов. Счастливы были ребята, когда прораб оценил их труд на «отлично».

— Очень радостно это, — единодушно решили они, — когда ты нужен другим.

Ты нужен всем! Твои знания, твой ум, твои руки, твои глаза нужны окружающим тебя людям. Это стало девизом для восьмиклассников.

Вскоре большая группа восьмиклассников начала готовиться к вступлению в комсомол. Рабочие помогали, разъясняли Устав, вместе читали газеты, спорили, добивались истины. Прием проходил торжественно на объединенном бюро в цехе. Ох, как волновались подшефные: что-то вспоминали, задавали друг другу вопросы.

— Мотовилова Вера!

— Бажин Володя!

Один за другим заходили ребята в красный уголок цеха. А высказывали возбужденные, сияющие.

— Принят!

— Принят!

В классе из тридцати двух человек двадцать восемь стали комсомольцами. А в сентябре их было всего пять.

Дружба крепла. Стало обычным, что бригадир часто заходит в школу, беседует с подшефными, просматривает дневники. Надо — пожурит. Надо — поможет. Что скажет Иван Александрович? Как отнесется к какому-то поступку вся бригада? Эти вопросы не раз задавали себе ребята.

Таня Коңдратьева руководит группой беседчиков-«передвижников». Так называют в классе ребят, которые проводят беседы, политинформации, читают доклады.

Для Тани сейчас нет дела интереснее и увлекательнее. А в начале учебного года ее еле уговорили вступить в группу. Вскоре Таня уже стала помогать своим товарищам, придумывала темы, подбирала материалы, и, наконец, ее назначили руководителем группы.

Володя Жилин в интернате знаменитый человек. Он один из лучших школьников-слаломистов города. Но неожиданно раскрылись его новые качества. Во-первых, красноречие. Володиной лекцией о спорте все заслушались. Во-вторых, Володя — инициатор и выдумщик. Он не только рассказал о Брумеле о Стенине, о Колчиной и Латыниной, но и продемонстрировал их мастерство. Раздобыл киноаппарат, пленку и «прокрутил» спортивные журналы. Оказывается, Володя и киномехаником может стать, если нужно.

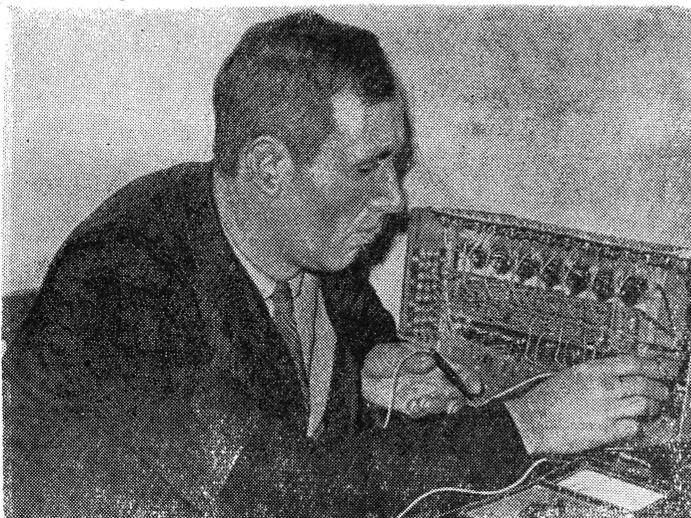
Упрямым и недисциплинированным слыл Геша Шивков. Кто-то узнал, что Геша увлекается техникой. Назначили его механиком бажовской группы (эта группа отвечает за литературно-краеведческую работу). А спустя месяц механик превратился в электрика. Геша Шивков стал просто незаменимым человеком в интернате. Всюду, где нужна его помощь — в классе или на кухне, в физическом кабинете или в игровой, — Гешины умелые руки никогда не подводили.

Подружились восьмиклассники и с учениками профессионально-технического училища, которое готовит кадры для Уралхиммашзавода. Те часто приходили к ним, рассказывали о профессиях, которым обучаются. Многие после бесед серьезно задумывались о том, чтобы пойти после школы на завод, ставший родным.

Окончился учебный год. Из школы-интерната № 10 полностью ушел весь класс. Первый выпуск хороших девочек и мальчишек, тех, кто завоевал право быть достойной сменой, резервом бригады коммунистического труда. И верится: куда ни попадут они — на завод, в техническое училище, в техникум или институт — всюду они будут впереди идущими, потому что они научились главному: быть нужными людям, приносить им радость.

Э. ЕРМАКОВА.

Т Р И М Е Д А Л И

В те дни, когда первый советский искусственный спутник Земли бороздил космическое пространство, Шаповалов подолгу не отходил от радиоприемника, собранного своими руками. Однажды он включил приемник, чтобы послушать очередную передачу. Прошло несколько секунд, и из динамика послышался голос диктора.

Короткий промежуток времени от щелчка выключателя до появления звука — обычное явление. Но сейчас оно произвело на Александра Ивановича прямо-таки ошеломляющее впечатление.

— Нашел! — взволнованно закричал Шаповалов, забыв, что в доме все давно уже спят.

Потом испугался. Испугался своей самоуверенности. «Что нашел? Тоже, новый Архимед объявился!..».

В проверке догадки незаметно прошла ночь. А утром, не чувствуя усталости, Александр Иванович побежал к друзьям — горному инженеру Ивану Ковыршину и слесарю Николаю Хорькову, страстным любителям радиотехники.

...Началось это давно. Ученик школы рабочей молодежи электрослесарь шахты Буланаш 2—5. Александр Шаповалов

заинтересовался работой погрузочных конвейеров. Растянутые в линию, они включались при помощи кнопок. Для каждого — своя кнопка, а возле машинист. Иногда кнопки выносились к погрузочному пункту, и отсюда конвейеры включались люковым поочередно. Включать все сразу было небезопасно: в кабельной линии «накладывается» слишком большой пусковой ток.

А нельзя ли сделать так: нажал только одну кнопку — и конвейеры начнут включаться в работу один за другим?

Шаповалов занялся специальной литературой, познакомился с различными устройствами, которым предназначена роль «стартеров». Каких только аппаратов тут не было! И электрические, и гидравлические, и электромагнитные...

Немало месяцев прошло в напряженных поисках компактного и надежного устройства. И вот нужное решение, кажется, пришло. И так неожиданно!

Ковыршин и Хорьков одобрили идею изобретателя — заставить работать радиолампу.

Так появилось электронное реле времени. Сначала шутя, а потом всерьез его стали называть «ШАИ» — по инициалам

изобретателя Шаповалова Александра Ивановича.

Но радость оказалась непродолжительной. Конвейеры включались, однако огорчало другое: как только обрывалась цепь, не остановленный вовремя двигатель гнал ее вниз. А Шаповалов хорошо знал, что такое подъем оборванной цепи.

Изобретатель стал искать способ мгновенной автоматической остановки двигателя.

И вот на одном из добычных участков к приводным головкам конвейеров слесари начали приделывать скобы и какие-то металлические метелочки.

— Что маракуете? — интересовались любопытные.

— Монтируем шаповаловскую технику. Хватит вам потеть при обрывах.

— Поможет?

— А вот увидите.

Когда все было готово, приступили к испытаниям. Сперва искусственно порвали скребковую цепь. Через доли секунды двигатель выключился. Потом стали перегружать конвейер. Наконец, перерезало предохранительную шпильку. И опять тот же результат. «Сторожа» бдительно следили за авариями.

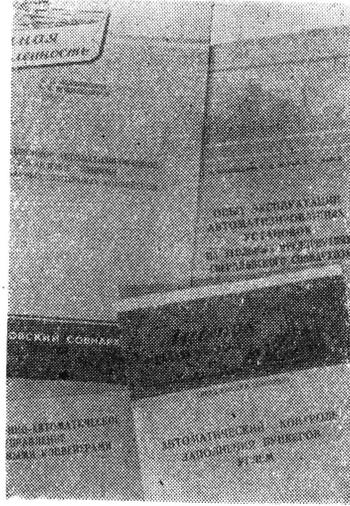
По душе пришлось шахтерам изобретение Шаповалова. Ведь оно освободило десятки людей от обязанностей обслуживания, до минимума сократило простои. А чем меньше простоев — тем больше топлива для страны.

Вскоре описание схемы появилось в журнале «Уголь». На имя уральского изобретателя стали приходить письма от рабочих, инженеров и ученых.

Изобретателя пригласили в Москву. Его аппарат был представлен на выставке достижений народного хозяйства.

Подъемные машины безостановочно грузят уголь. Бункер уже полон. Уголь начинает сыпаться через край, падает в ствол шахты. В этом трудно винить машиниста: он не видит, как наполняется бункер. Выход один — поставить сигнальщика. Но это большая роскошь.

Правда, изобретатели уже давно предложили сигнальные устройства — механические и электрические. К сожалению,

В этих брошюрах рассказывается о рационализаторских предложениях А. И. Шаповалова.

нию, они оказались с одним недостатком — очень громоздки.

Александр Шаповалов стал искать новое решение. И здесь верным союзником у него вновь оказалось радио, точнее, радиолампа.

Изобретатель установил в бункере оголенный металлический стержень и подсоединил его к «сетке» лампы.

Когда бункер пустой, по стержню к «сетке» идет положительный заряд (лампа пропускает электроны). Но едва уголь достигает намеченной высоты, происходит соприкосновение со стержнем — и лампа мгновенно «закрывает» электронам дорогу. Электрическая цепь, как говорят, запирается. В ту же секунду в подъемной машине загорается сигнальная лампочка: «Стоп. Бункер полный».

Просто и надежно.

Ленточные конвейеры выстроились в многометровую линию. На своих могучих «спинах» они переносят тысячи тонн угля. Но что случилось? Лента одного из конвейеров остановилась, а на нее сыплется и сыплется уголь.

Авария! Хорошо, если вовремя заметят ее и выключат всю линию. Но так бывает не всегда.

Александр Иванович начал искать способ предупреждения аварий. Через некоторое время в роли сторожа стал применяться... конденсатор.

Что собой представляет этот прибор, знает каждый семиклассник. Известно также, что для прохождения заряда-разряда конденсатора нужно очень короткое время. Оно зависит от емкости конденсатора, сопротивления цепи и может составлять всего несколько секунд.

...Уверенно ползет лента с углем. Беспрерывно вращаются несущие ролики. На одном из валиков укреплены металлические щетки. Они то и дело касаются «земли» — корпуса. Каждое прикосновение щетки — это порция заряда для конденсатора. Не успеет он разрядиться, как «земли» касается вторая щетка. Остановилась лента — значит, конденсатор перестал получать питание и специальная катушка, лишенная тока, выключает всю конвейерную линию, да еще и сигнал даст. Одновременно сигнальная лампочка точно указывает, где случилась авария.

Аппарат этот получил название «Карьер-ШАИ» и теперь широко применяется на многих угольных разрезах и других открытых разработках полезных ископаемых.

Действующая модель схемы дважды — в 1960 и 1961 гг. — экспонировалась на ВДНХ. Шаповалов получил Большую серебряную медаль. Но это была не первая его медаль. Первая, бронзовая, и самая памятная, была вручена Александру Ивановичу годом раньше в связи со столетием со дня рождения великого русского ученого-изобретателя радио А. С. Попова «за заслуги в деле развития и практического применения радиотехники, радиоэлектроники и электросвязи».

В 1962 году в адрес Всесоюзной выставки ушла из Буланаша посылка. То была новая действующая модель автоматической схемы управления шахтными насосами. В павильоне выставки она помещалась в... хозяйственной сумочке. А ее «однофамилице», рожденной в специальном институте, потребовалась бы чуть не целая комната.

Дома, на шахтах, она уже трудилась и получила добрую славу. На Выставке модель получила Большую серебряную медаль.

Сейчас Александр Иванович Шаповалов полон новых интересных творческих замыслов.

П. КОВЕРДА,
инженер

ОТЕЦ РУССКОГО БЕССЕМЕРОВАНИЯ

В начале июля 1866 года шло заседание Совета управления Нижне-Тагильских заводов. Членов Совета не на шутку встревожило сообщение Петербургской конторы Демидовых, что работники Николаевской железной дороги плохо отзываются о рельсах, поставляемых с Салды, рельсы оказываются мягкими, и головки их скоро стираются, а иногда совсем отпадают от подошвы.

Под конец члены Совета приняли решение из множества пунктов. Выполнять его должен был управитель Салдинских заводов К. П. Поленов. Переехал он в Нижнюю Тагилу всего год с небольшим из Нижнего Тагила, где заведывал ремесленными классами.

Один из пунктов решения предлагал Поленову применять для головки рельса сталистое железо вместо мягкого. Управитель не согласился и записал в протокол: «Употреблением мягкого железа для верхней доски (головки рельса — М. П.) и охлаждением водою рельсов после обреза концев настолько улучшена сварка и увеличена твердость рельсов, что их нельзя и сравнивать с прежними рельсами».

Получилось так, что пока члены главной заводской конторы думали, как улучшить заводское изделие, Поленов принял свои меры: стал «замачивать» рельсы в воде. Такая закалка и повысила их стойкость.

Одним этим нововведением Поленов выполнил все длинное решение заводского Совета, на Николаевскую дорогу рельсы с Салдинских заводов

стали поступать с восьмилетней гарантией службы.

Спором с «именитыми» людьми из управления заводами и вошел Поленов в русскую металлургию, вошел со своим, поленовским, характером: медленно, но верно улучшать производство.

В 1875 году в Нижней Салде Тагильское заводоуправление стало строить первый в России конверторный цех, или как тогда называли, — бессемеровскую фабрику для выработки литой стали. Проект купили во Франции у инженера Вальтона. Он же потом обучал тагильчан и бессемерованию.

Но Вальтон и его тагильские ученики имели дело во Франции с чугунами иного свойства, чем тагильские. Поэтому бессемерование малокремнистых салдинских чугунов проходило чрезвычайно трудно. Бессемеровская сталь получалась дорогой, а прокатанные из нее рельсы обходились заводу около десяти рублей, при продажной цене два рубля.

В начале Поленов не занимался бессемерованием. Им заведывал практиковавшийся во Франции Н. И. Алексеев. Когда же освоение затянулось и не дало нужных результатов, главная заводская контора обратилась к Поленову и передала ему управление новым производством. Сначала его командировали за границу. На заводах Франции, Англии, Швеции Поленов наблюдал за работой иностранных металлургов и пришел к выводу, что успех бессемерования любых чугунов зависит от температуры процесса. Случай подтвердил это.

...Поленов только что пришел домой. Кухарка уже готовила обед. Вдруг без стука дверь кухни отворилась и в нее вбежал запыхавшийся рабочий.

— Где господин управитель? Беда у нас, сальник пробило...

Из гостиной с папиросой в руках появился Поленов. Выслушав сбивчивый рассказ рабочего, он велел исправлять сальник.

— Я буду, — только и сказал он вслед.

Константин Павлович и на этот раз не изменил своему обыкновению не спешить. Плотню пообедав, он зашел в кабинет, свернул папиросу и, выкурив половину — полную он иногда не выкуривал, — полистал новый «Горный журнал» и только после этого, переодевшись, пошел в завод.

Ему доложили, что сальник у реторы исправили, но бессемеровать боятся, так как чугун в отражательной печи сидит вот уже два часа и, наверно, весь кремний выгорел. Придется сливать...

— Давайте в ретору его, — не спеша сказал Поленов конверторщикам.

Рабочие недоуменно оглянулись: ведь так до сих пор не делали, и Вальтон их предостерегал, чтобы чугун в отражательной печи ни в коем случае не передерживать. Иначе процесс пойдет холодным и сталь не получится. Однако распоряжение принялись выполнять.

Когда чугун вылили в конвертор и стали продувать воздухом, в нем развилась очень высокая температура: как бы металл не начал гореть. Константин Павлович распорядился покидать в конвертор рельсовые концы. И опять рабочие в недоумении: этого они и во Франции не видели...

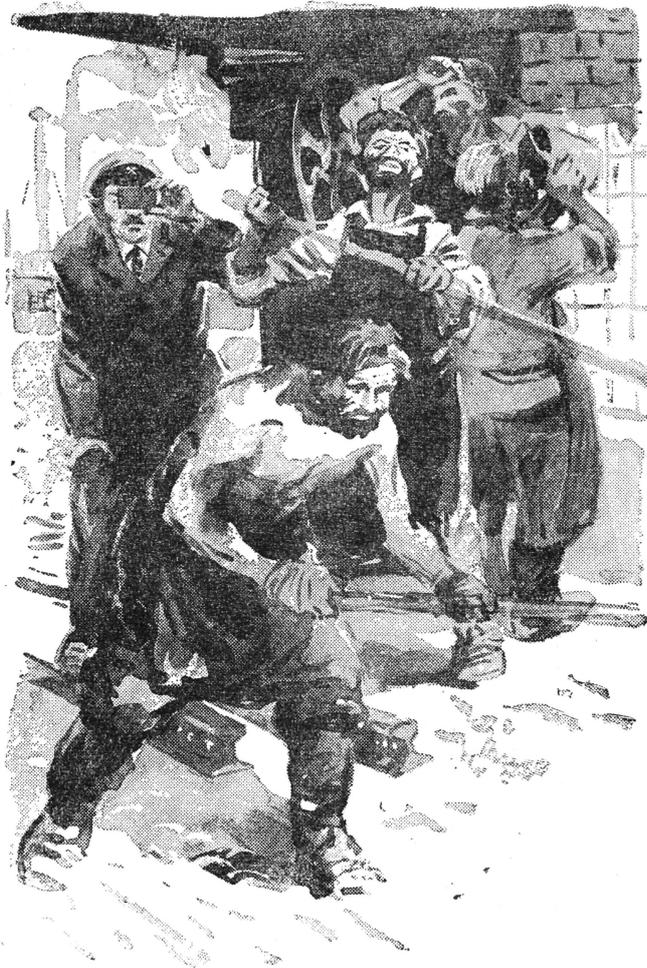
Но, против ожидания, операция бессемерования прошла успешно. Добавленные рельсовые

концы только улучшили металл. Значит, заключил Поленов, перегрева опасаться не следует.

В дальнейшем уже не случайно, а намеренно управитель завода стал заставлять сталеваров передерживать в отражательной печи чугун, предназначенный к бессемерованию. Вскоре такая практика вошла на Салдинском заводе в обязательную технологию производства конверторной стали.

Когда о новом методе узнали на других металлургических заводах, Поленова подняли на смех. Говорили прямо, что он переливает из пустого в порожнее. Даже выдающийся русский металлург Д. К. Чернов, побывавший в Нижней Салде и наблюдавший способ бессемерования, введенный Поленовым, не мог уяснить, что это в сущности то же, над чем и он работал на Обуховском заводе. Только там Чернов грел чугун в вагранке.

И все же Поленов продолжал варить конверторную сталь с предварительным перегревом чугуна. В отражательной печи кремния выгорало так мало, что всякий раз при продувке в реторту забрасывали металлический лом, предупрежда-

дая выгорание металла. Но, как потом было установлено, добавка лома повысила экономические показатели производства. Процесс бессемерования с металлоломом стал длиться не дольше 12—13 минут, тогда как при прямом бессемеровании затрачивалось 25 минут. Сталь салдинский способ давал не только качественную, но и дешевую.

Успех нового метода стал очевиден. Если в том же 1880 году Чернов с сожалением говорил о грустном явлении, «когда английские стальные рельсы Уральской железной дороги улеглись около самого Тагила», то так длилось недолго. Вскоре все эти английские рельсы, что «улеглись около Тагила», из-за негодности были сняты, и Тагильское заводоуправление закупило их как металлолом. Вместо них уложили прокатанные в Нижней Салде из бессемеровской стали с гарантийным сроком в 10 лет. Такие стойкие рельсы Тагильские заводы стали получать благодаря новому методу бессемерования, введенно-го К. П. Поленовым.

Несмотря на выгоду, Салдинский способ долго не признавали. Виноват в этом был и сам Поленов. Он и не пытался отстаивать его, теоретически обосновать. По свидетельству современников, Константин Павлович не стремился закрепить авторство, так как принципиально считал, что открытие человеческого ума должно быть общим достоянием.

И, может быть, еще долго бы поленовский способ бессемерования не был признан, если бы в 1889 году другой выдающийся русский металлург, ставший в советское время членом-корреспондентом Академии наук СССР, В. Е. Грум-Гржимайло, начинавший трудовую деятельность надзирателем Н.-Салдинского завода, не выступил со статьей в «Горном журнале». В ней он

дал теоретическое обоснование салдинскому способу бессемерования и показал его экономическое преимущество по сравнению с английским, когда чугуны прямо из домы идет в конвертор. Только после этого металлурги и ученые и практики обратили внимание на этот метод и, убедившись в его выгоды, присвоили ему название: «Русское бессемерование». Под этим названием он и до сих пор известен и применяется во многих странах мира.

Русский способ производства стали был введен в Нижней Салде в конце 80-х годов прошлого века, когда мартеновские печи еще только пробивали себе дорогу. Затем этот метод в нашей стране стал вытесняться мартеновским. Мартен давал сталь более высокого качества, а кроме того, позволял использовать огромные запасы металлолома, скопившиеся к тому времени на заводах.

Теперь конверторный процесс восстанавливают: ученые установили, что бессемерование с применением кислорода позволяет выдавать сталь ничуть не хуже качеством, чем мартеновская. Зато кислородный конвертор дает очень высокую производительность, он гораздо экономичнее мартена, да и производительность труда на нем выше.

На XXII съезде КПСС Н. С. Хрущев говорил, что «...выплавка стали в конверторах с применением кислорода значительно выгоднее, чем мартеновское производство». К концу 1965 года производство конверторной стали в стране возрастает. Войдет в эксплуатацию несколько мощных цехов. И один из первых в стране — Нижне-Тагильский.

М. ПАРАНИН

Первый кавалер ордена Красного Знамени

20 сентября 1918 года десяти тысячная уральская партизанская армия под командованием Василия Константиновича Блюхера, завершив беспрецедентный рейд по тылам белых, входила в Кунгур. Позади остался полуторатысячеверстный путь непрерывных ожесточенных боев.

Уральский обком РКП(б) и облисполком писали В. И. Ленину и Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету об этом походе: «В лице Блюхера, его полков мы имеем подлинных героев, совершивших неслыханный в истории нашей революции подвиг», и ходатайствовали, «чтобы Блюхер с его отрядами был отмечен высшей наградой».

Постановлением ВЦИКа от 30 сентября 1918 года В. К. Блюхер был награжден только что учрежденным орденом Красного Знамени. Он стал первым человеком в стране, удостоенным самой высокой в то время награды.

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ФЛАГ

*Текст Е. Косиной,
Фото В. Ветлугина*

Восемнадцатый флаг поднят! Флаг традиционного слета туристов Свердловской области. В палаточный городок, что в один день раскинулся на полуострове Гамаюн, прибыло 160 отрядов: две тысячи следопытов.

Еще не успели ребята установить все палатки, как рядом с лагерем выросла краеведческая выставка. Тут можно было увидеть самые интересные вещи: образцы из открытых месторождений полезных ископаемых, фотовитрины и газеты, рассказывающие о первых ударниках коммунистического труда, о героях гражданской войны и Героях Советского Союза, найденные юными археологами украшения и орудия труда древних людей...

Не все находки удалось определить сразу на месте. Идут консультации.

— А это что за минерал? — обратились ребята к Модесту Онисимовичу Клеру.

Начались соревнования: на быстроту и ловкость в преодолении препятствий, на правильное ориентирование на местности, на знание природы родного края.

Кто окажется самым умелым? Кто скорее определит породы минералов? Кто проявит образец взаимовыручки и товарищеской взаимопомощи? Кто из поварят вкуснее приготовит для своего отряда обед? Может быть, Аня Самочурова и Юрий Ежов из Березовска?

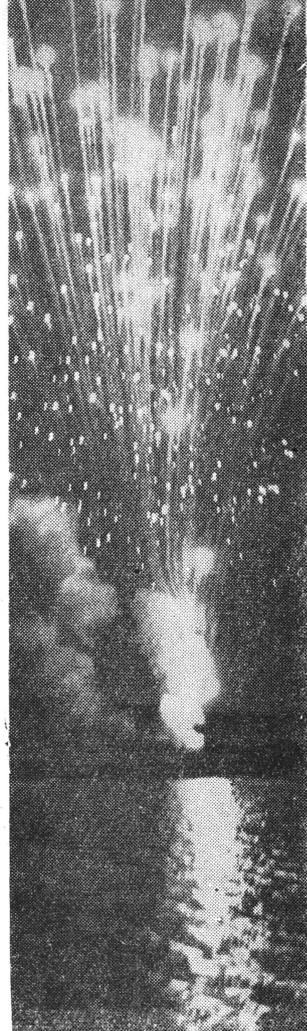
И вот известны победители: отряды школы-интерната Ирбита, восьмилетней школы № 82 Свердловска и Каменск-Уральского Дома пионеров алюминщиков.

Взвилось ввысь пламя костра дружбы. Опущен флаг восемнадцатого традиционного. Прощай, слет! Прощай, лето! Один за другим уходят отряды со слета.

— В добрый путь! До встречи в будущем году! — провожает ребят Светлана Игнатенко.

В добрый путь, к новым поискам и открытиям, следопыты! — повторяем мы.

ПОСЛЕДНЕЕ ПОВЕЛЕНИЕ ГАТО

Ю. КОТЛЯР

Рисунки Ю. Ефимова

Гато бдительно стерегут, часто сменяясь, неподкупные стражи — Хранители Жизни Отвергнутого.

Днем он бредет от селения к селению, а ночи всегда проводит на новом месте. Ему дают кров и пищу, ибо наказание — не смерть, а жизнь, которая страшнее смерти. Панцирь выдержки и личина равнодушия — его единственная защита и слабое оружие.

— Поплачь, Гато! — злорадно кричат дети.

— Мои слезы давно иссякли.

— Возьми мои объедки, — насмешливо угостят женщины.

— Я не голоден.

— Ты прозорлив, «повелитель», сосчитай мои волосы, — подскочил заросший до самых глаз погонщик слонов.

— Мой ум притупился.

— Станцуй нам, Гато! — смеются девушки. — Ты грациозней газели...

— Гато боец, а не плясун, — заступился старый воин. — Вот копье. Метни!.. Порази насмешников мощью мускулов и меткостью глаз.

На миг он поверил: жадно схватил гладкое древко, с наслаждением ощутив гордую тяжесть оружия, широко размахнулся, и... на землю посыпались куски заранее сломанного и слегка подклеенного копья.

Взрыв злорадного смеха всколыхнул толпу. Не помня себя, Гато ринулся на оскорбителя, но сильные руки сковали тело.

— Не забывайся, Отвергнутый. Твое время миновало...

— Ты послал на казнь моего сына, а он был невинней утреннего неба, — мрачно сказал старый воин.

— Как его имя?.. Не помню. И, наверное, ты лжешь! — гневно отозвался Гато.

— Я лгу? Тебе?.. — презрительно сплюнул воин. — Зачем?.. Раздавленному червю не лгут.

— Спой мне, Гато! — протиснулась миловидная черная рабыня.

— Мое горло пересохло.

— Вот освежающий напиток. Я щедрая. Возьми!

Плохо соображая, он жадно припал к сосуду и тут же молниеносно метнул его в издевательски смеющееся лицо — вода обожгла горькой солью. Но чья-то ловкая рука перехватила кувшин в полете.

— Ты поднял руку на женщину! Где твой стыд, Гато?

— Это за то, что ты посягнул на отдых невольников в новолуние. Смрадный козел! — мстительно прошипела девушка.

Гато била дрожь. Перед глазами колыхался багровый туман. Сегодня чаша терпения переполнилась...

— Ты обладаешь правом омовения... — шепнул чей-то сочувственный голос.

Гато встрепенулся. В самом деле! Как он мог позабыть? Это избавление...

Ему не препятствовали. Он приблизился к берегу, немного опередив Хранителей Жизни и толпу. Сдерживая волнение, Гато медленно нагнулся, словно собираясь зачерпнуть ладонями воду, и вдруг, стремительно распрямившись, нырнул. Взмах сильных рук послал тело в мерцающую холодную глубину. «Кончено. Перехитрил всех!» — мелькнула торжествующая мысль. И тут же цепкая сила властно подхватила и выбросила на поверхность... Большой, бородастый и смешной, обезумев от гнева и стыда, он бешено бился на потеху толпе в складках широкой рыбацкой сети.

* * *

В тихий предутренний час Гато неподвижно сидел на камне, глубоко задумавшись. Его не беспокоили. Хранители Жизни, пресытившись насмешками, сонно дремали вокруг.

Он думал свою неотвязную думу. У него оставалась всего одна надежда, слабая и ничтожная, — Последнее повеление. Последний приказ низвергнутого властелина. Выполнят его беспрекословно, если только оно не несет людям смерть и беду. Таков освященный тысячелетиями закон страны Вад.

Нужно измыслить неожиданное, неслыханное и полезное всем. Придумать, пока страдания не притупили еще остроту разума.

Так было всего один раз. Об этом рассказывает легенда.

Люди испокон века возили грузы на буйволах, лошадях и могучих слонах. Груз слишком тяжелый и громоздкий укладывали в плетеные корзины на деревянных полозьях, и животные медленно волокли кладь. Так поступали с незапамятных времен... Свергнутый властелин Джарг приказал поставить волокушу на поперечину с дисками, отрезанными от толстого бревна. Совершилось чудо: животные повезли тяжелую кладь бегом. Колесницы быстро завладели дорогами страны. Благодарный народ вернул власть Джаргу.

Так было, но всего один раз. И все же Гато думал. Думал непрестанно, без отдыха, в пути и на привалах, днем и ночью. Думал под градом издевательств и насмешек.

...Протяжный, сотрясающий вопль разорвал тишину. Он звучал печальным и тревожным призывом. Хранители Жизни встрепетались.

— Черная птица!.. Черная птица!..

«Опять Черная птица. Недобрый вестник», — подумал Гато. Это она повернула колесо его судьбы. С ее первого появления прошло немало новолуний. Каждое утро птица черной точкой пронеслась в недостижимой выси, выше самых легких облаков. Или же злоеший крик доносился из-за туч, и она пролетала невидимой. Ее пронзительный вопль затихал вдали, и она улетаала неведомо куда. Потом, нескоро, с неба сыпались перья Черной птицы. Перья странные — твердые, упругие и звонкие. На них был — что совсем неслыханно — загадочный двойной рисунок. Сверху — маленькие человечки несут огромный камень. Снизу — частая сетка линий и на ней веретено. Что это означало? Кто разукрасил так перья Черной птицы? Быть может, она ручная, подобно охотничьим орлам и ястребам? Что нужно было птице или ее неизвестному хозяину? Может быть, она требовала жертву?..

Предусмотрительные жрецы оросили кровью нефрит в храмах Гиппамата. Однако зло-

вещая птица не улетаала; она появлялась каждое утро, кричала и роняла перья с тем же непонятным рисунком. Ее крик нагонял тоску и вселял страх в сердца. Народ волновался...

Верховный жрец уединился на вознесенной к звездам башне Небесных Дев. Откровения он поведал властелину, и Гато повелел... Многие тысячи людей принесли на руках из Лунных гор колоссальный камень. Поступили так, как предписывал рисунок на перье. Покорность людей не смягчила птицу, ее надрывный вой продолжал тревожить страну.

Три дня в глубокой тайне совещались старейшие жрецы. Верховный жрец опять посетил властелина. Они говорили долго. Гато вышел мрачный и отдал жестокое повеление... Сотни тысяч людей, надрываясь, таскали проклятые камни. Многие искалечились и погибли. Поля пришли в запустение, стране грозил голод. Гато не знал, что делать, и вновь созвал жрецов.

Жрецы долго тянули с ответом. Говорили, что нужно закончить пирамиду. Осталось немного, нельзя бросать работу незавершенной, это вызовет немилость самого Гиппамата. Потом же, когда каменная гора вознеслась чуть не к облакам, а птица так и не улетаала, возмущенный народ сверг Гато...

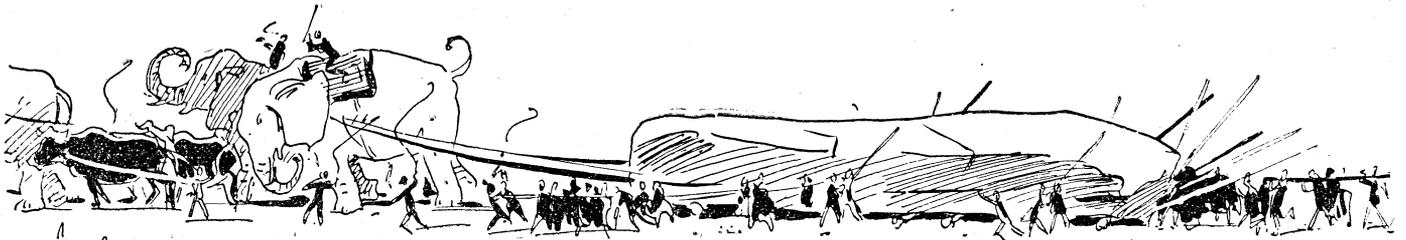
Замирающий вопль Черной птицы прервал его воспоминания. И что ей нужно? Откуда она прилетает и куда улетаает? Долго ли еще она будет летать?.. Проклятие!.. Почему лезут сегодня в голову непрошенные и никчемные мысли о Черной птице? Последнее повеление — вот о чем следует думать. Птица же пусть летает.

К ногам упала с легким звоном блестящая пластинка — перо Черной птицы. Гато нагнулся и поднял. Все тот же рисунок. Но что ему до рисунка?

Он хотел отбросить пластинку прочь... и задержал руку. Предвестие необычного властно заявило о себе. Внезапная догадка хлестнула спящей мыслью...

— О-о!.. Вот оно! — воскликнул Гато, вскакивая на ноги.

Воины подняли удивленные лица.
— Внимание и повиновение! Слушайте мое
Последнее повеление!
Хранители Жизни склонились ниц.

* * *

Во все концы страны Вад помчались опережающие ветер гонцы, Люди услышали:
«Внимание и повиновение!». Последнее повеление низвергнутого повелителя Гато. Отныне каждый взрослый мужчина седьмой день отдаст Гато. Каждые семь человек приведут Гато слона, двух буйволов и принесут сто шагов прочных ремней. За ослушание — смерть. Так повелевают Гато и незыблемый закон».

Гато сам выбрал место — обширное ровное поле у подножья Лунных гор. Туда потянулись колесницы с пищей и орудиями для тяжелых работ. Знающие люди отыскивали родники и копали колодцы. Другие ставили шатры и заготавливали топливо. Во время Великих работ никто не должен слабеть от голода и жажды и дрожать от холода ночами. Так решил Гато.

Его замыслы покрывала тайна. Он снова обладал большой властью. Теперь Гато мог избрать для ночлега роскошный дворец, но он предпочитал отдыхать в хижинах поселян и делил с ними скромную пищу. Гато принимали с почетом. Он о многом спрашивал, и ему отвечали охотно, без опаски и утайки. Гато многое узнал, понял и запомнил.

...Начались Великие работы. Множество людей обтесывало каменные глыбы. Невиданно большие и тяжелые плиты стаскивали в одно место и укладывали рядом. Каждую глыбу тащили тысячи слонов и буйволов. Люди подкла-

дывали бесчисленные катки и помогали длинными рычагами. От тяжести глухо гудела и дрожала земля, но работалось легко — об этом заботился Гато. Он оставлял труженикам достаточно времени для отдыха и сна, давал вдоволь еды и питья.

Шли дни, складываясь в новолуния, росло и ширилось каменное поле. Зачем оно? Это ведал один Гато. Несомненно, он знает тайное...

Черная птица не осталась безучастной к замыслу Гато. Она изменила путь и пролетала над стройкой. Она не роняла больше перьев. Все поняли: они делают угодное ей. Из ее крика исчезла тревога, он звучал мелодичной гигантской флейтой. Внимание и милость Черной птицы снижали великое уважение к Гато.

Пришло время, и Гато сказал долгожданное:
— Довольно. Труд завершен... Оставайтесь здесь до следующего новолуния. Отдыхайте и веселитесь, но подалее от каменного поля. Пусть никто не дерзнет поставить на него ногу! Бодрствуйте в час Черной птицы и увидите невиданное...

* * *

Невиданное пришло утром второго дня, после окончания работ. За короткие сутки Черная птица сказочно выросла: пролетая, затмила солнце и отбросила на землю гигантскую тень. Ее громоподобный вопль подверг в трепет самых бесстрашных. Она пронеслась черной молнией, и не успели люди опомниться, как чудовище вернулось, став еще громадней. На этот раз птица не улетела, а закружилась, снижаясь, потрясая землю и небо неистовым криком. Потом чудовище на миг застыло над каменным полем и с ревом ринулось вниз. Люди в ужасе бросились ниц, закрывая головы. В безумном страхе они вопили и стонали.

— Это злой демон!

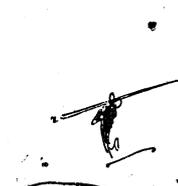
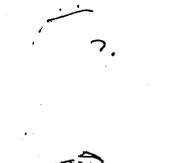
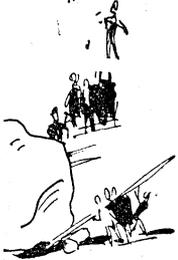
— Мы погибли!

— Она пожрет нас!

Вопли многотысячной толпы не могли пробить давящий рев Черной птицы, каждый слышал лишь себя.

Гато стоял недвижно, не склоняя головы, затаив дыхание, не чувствуя биения сердца. Он ждал прибытия Черной птицы, но не предвидел такого ужаса. Неужели он своими руками подготовил беду? Что делать? Если это гибель, то пусть она поразит его первого. Он шагнул вперед...

Черная птица спускалась, замедляя падение. Навстречу ей земля выбросила столб дыма и пламени, он поглотил все. Когда стихло и дым рассеялся, люди, робко подняв головы, увидели

Черную неподвижную птицу уже на земле. Но была ли она птицей? Кто мог сказать...

На поле возвышалось колоссальное черное тело, подобие веретена. Его острый конец вздымался к облакам, выпуклые бока слегка дымились. От них и от каменных плит несло тяжелым жаром. Над полем трепетало знойное марево. Было тихо, поразительно тихо, такой тишины не знала земля. Молчали люди, молчал ветер, молчала Черная птица, лишь глухо ухали, остывая, каменные плиты.

* * *

Черная птица не принесла бед стране Вад. Она принесла людей, оказавшихся совсем не страшными и не такими уж странными. Под блестящей одеждой угадывались знакомые контуры тела. А прозрачные, как родниковая вода, сверкающие шары вблизи не скрывали лиц, совсем обычных, только белых, Синеглазые люди — дети Черной птицы — никому не делали зла.

Прошел ряд новолуний, и научившиеся говорить с пришельцами обитатели страны Вад узнали необыкновенные вещи.

Черная птица — совсем не птица, а творение рук синеглазых. Они прилетели с далекой звезды и долго не могли сесть на Землю. Почва не выдержала бы колоссальной тяжести летающей колесницы. Пришельцы бросали людям страны Вад звенящие пластинки с рисунком, зывая о помощи, но догадался один Гато. Звездные люди много, много раз облетели круглую Землю и нигде не видели такой большой и населенной страны, как страна Вад. В других местах не приходилось ждать помощи, а синеглазые не хотели вернуться домой, не посетив Землю.

Звездные люди настойчиво и упорно изучали жизнь и нравы страны Вад. Летали над ее землями и бродили по ним с диковинными инструментами. Беседовали с ее обитателями и спали в их хижинах. Они не стеснялись расспрашивать. Не сердились, не понимая сразу, и сами охотно отвечали на вопросы. Пришельцы не

только рассказывали, но много показывали, щедро делали добро. Больным и умирающим давали животворный напиток. Исцеленные славили добрых и могучих звездных людей.

Это они научили извлекать при помощи огня из ничемных камней драгоценную пламенную массу. Из нее изготовляли чудесные вещи — ножи, топоры и плуги невиданной остроты и прочности. Звездные люди показали, как записывать мысли и события говорящими значками на кожах и каменных плитах. Они научили и многим другим замечательным вещам, впоследствии позабытым или скрытым жрецами.

Постоянным спутником, тенью пришельцев стал Гато. Он не расставался с ними, и они благоволит к нему.

— Они зовут меня с собой. К Солнцу, к звездам, — таинственно говорил он, и слушатели в безмолвном восхищении качали головами: «Что и говорить, умней Гато нет в стране Вад. Лучше бы он остался с нами. А синеглазые можно отдать самого толстого и самого мудрого жреца. Жрецов много, а Гато один».

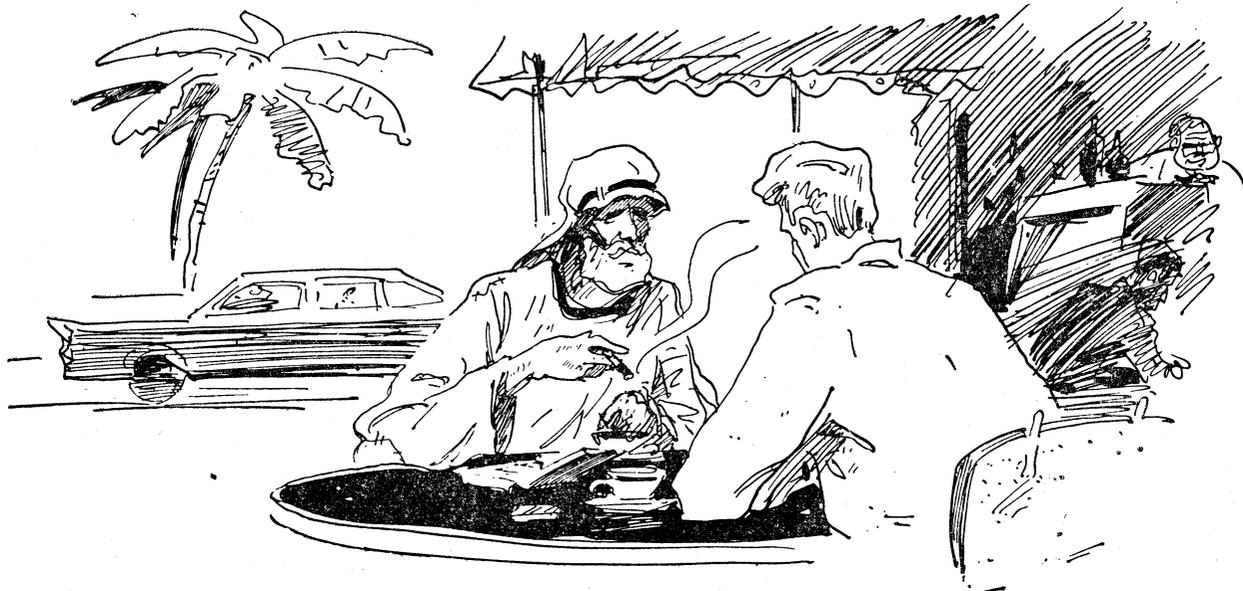
— Не покидай нас, Гато, — просили они, и Гато благосклонно обещал:

— Подумаю...

— На Земле неплохо, и мы постараемся, чтобы тебе было совсем хорошо. А как там, на звездах? Кто знает...

Гато многозначительно молчал и тем вызывал еще большее уважение.

Ученые жрецы и Гато услышали от синеглазых поразительные вести о Солнце, Луне и звездах. Простые жители страны Вад не очень интересовались Солнцем и звездами, но чудесные орудия и могущественные снадобья пришлись им по вкусу. Добрых звездных людей призвал Гато, и народ, возвратив ему власть, нарек его Гато Мудрым. И он правил мудро до конца своих дней. Седьмой день избрал днем отдыха, равным для всех. Но со жрецами повелителю Гато приходилось ладить. После отлета звездных людей они стали единственными хранителями высоких тайн и держали в своих руках могущественные познания. Многого знал и сам Гато, но память не может удерживать всего, а

таблицы с говорящими значками жрецы укрыли в храме Гиппомата и объявили неприкосновенными.

К великому огорчению обитателей страны Вад, люди звезд покинули Землю. Они улетели бы и раньше, но ждали своих братьев, отправившихся на Север в небольшой летающей колеснице. Ждали долго и безуспешно... Черная птица, не бывшая птицей, в вихре пламени и дыма унесла синеглазых людей к вечным звездам. Они улетели навсегда. Отныне каменное поле Гато давало приют только легкокрылым птицам Земли...

Прошли века. Истекли тысячелетия. Много тысячелетий. Никому не дано знать тайны песков. Пески загадочной пустыни Згар изменили путь и погребли цветущую страну. Неумолимое время изгладило из слабой памяти человеческой не только повесть о Последнем повелении Гато, но само воспоминание о древней стране Вад...

* * *

— Вот так я записал твою повесть. Все правильно?

— У тебя чуткий слух и верный глаз.

— А теперь признайся мне, Аль Мансури: сам ты веришь в эту историю?

— Как знать? — ответил он уклончиво, и от сощурившихся глаз по его лицу лучиками разбежались хитрые морщинки. — Тебе легче судить, ты ученый, а я простой носильщик. Ты из страны богатой и большой, а я, увы, из маленькой и бедной. Твоя страна послала к звездам Небесных братьев, ты и сам привык подниматься в небз, а я там не бывал... Суди сам, суди сам и не терзай меня жалом сомнения. Лучше я закажу еще немного кофе и расскажу тебе...

— Погоди, уважаемый Аль Мансури. Я охотно послушаю что-нибудь еще, но скажи мне сначала, где была страна Вад и сохранилось ли каменное поле Гато?

— Я не знаю, где начинались и кончались

земли страны Вад, но она была где-то здесь, — он описал широкий круг своей смуглой длинной рукой. — А каменное поле Гато можешь увидеть и ты...

— Как? Ты не шутишь?!

— Я сказал — можешь увидеть, — невозмутимо повторил он и торжествующе замолчал. Я терпеливо ждал.

— ...Да будет благословенна тяжесть твоего чемодана, которую еще чувствуют мои плечи, если там много таких толстых, крепких и вкусных папирос. Трижды благословенна твоя благородная щедрость, позволившая мне, бедняку, предаться сладостному досугу в твоём несравненном обществе. Но ты не смотришь на ковер моей признательности! Ты в нетерпении, я вижу, — лукаво улыбнулся он. — Не буду томить тебя зноем ожидания... Древняя каменная площадка у тех далеких гор... Их отсюда не видно. Там побывали ученые люди Запада.

— И что они сказали?

— Признались в своем неведении. Ведь я не делился с ними тайной, — усмехнулся он. — Они назвали каменное поле Баальбекской верандой и успокоились. Человеку всегда легче, когда он даст имя непонятому...

Я вспомнил. О загадочной каменной веранде, сложенной из циклопических плит, в свое время писали газеты. Никому из ученых не удалось пролить свет на ее происхождение и бывшее назначение. Некоторые сочли Баальбекскую веранду в горах Антиливана древним космодромом. Но эта версия вызвала недоверие — требовали фактов. Как отделить правду от вымысла в повести Аль Мансури? Я спросил напрямую:

— Откуда ты узнал все рассказанное мне?

— Не все ли равно? — опять уклонился он. — Догадайся сам, где начинается яркий цветок фантазии и где кончается скромный стебель истины. Только помни: стебель и цветок растут от одного корня. Их общая мать — Земля... Порадуй меня еще одной восхитительной папиросой.

Вик. БЕЛОУСОВ

Ружь

*Он пел в прокуренном вагоне,
Что, мол, когда-то воевал,
А сам играл не на гармонии —
На чувствах добрых он играл.*

*И хоть ни голоса, ни слуха,
Но стьяну петь он был мастак,
И даже ветхая старуха,
Перекрестясь, дала пятак,*

*А за окном мелькала осень...
Гармошқа плакала навзрыд.
Но ни гроша ему не бросил
Со мной сидевший инвалид.*

*О скупости тут буркнул кто-то,
Но он на это смог сказать:
— Одна рука,*

*чтобы работать,
И нет другой,
чтоб подавать!*

Казашку Катю мне довелось видеть и раньше. Но настоящее знакомство произошло только здесь, в старинном особняке на шумном киевском бульваре. Долго не мог я оторвать взгляд от ее головы, ее фигуры.

Милый овал девичьего лица. Высокий чистый лоб. Глубоко посаженные, чуть раскосые глаза. Прямой нос. Пухлые, как у ребенка, губы...

Но привлекало не только это.

Во взоре девушки, во всем облике читалось нечто большее. Глубокое раздумье. Трепетное чувство...

Трепетность эта была и в несмелом повороте головы, и в нежной округлости плеч, и в прозрачности кисти, затеняющей огонек свечи, и в самом огоньке.

О чем она думает в полумраке? Что ее тревожит?

— Що, гарно?

— Хорошо! Да ради такой красоты можно приехать за тысячи километров и специально!

— А вы здалеку?

— Из Оренбурга...

— О, мисто для Тараса не чуже!..

Хранитель зала, с которым мы разговорились, в раздумье умолк. Но вдруг, как бы встрепенувшись, он задал вопрос, показавшийся мне сразу неожиданным и даже случайным:

— А Бугуруслан ваш?

— Бугуруслан? — переспросил я. — Конечно, наш. Это город Оренбургской области. Центр нефтяной промышленности...

Немолодой хранитель улыбнулся.

— Выходить, земляки вы з Катюю, — кивнул он в сторону девушки, которая давно уже занимала мое внимание. И, не ожидая вопроса, пояснил: — Картина з Бугуруслану. Коллекция Смоляк.

Названная фамилия не говорила мне ничего. Ни о Смоляк, ни о ее коллекции до этого слышать не приходилось. Но, прощаясь с «Киргизкой Катей»¹ и соседними с ней картинами Государственного музея Тараса Шевченко, я поставил перед собой цель: прочесть историю чудесного собрания. Прочесть и рассказать другим...

* * *

Надежда Смоляк (до замужества она звалась Надей Усковой) была знакома с поэтом всего девять месяцев — первые девять месяцев ее жизни...

Наденька, конечно, не запомнила усатого солдата, который так любил ее «потютюшкать». Но сколько помнила себя, столько слышала и рассказов о Тарасе Григорьевиче, или «Гориче», как звала его старшая сестра Наташа.

Майор Усков, их отец, был комендантом Ново-Петровского укрепления. Человек большого сердца, он много сделал для того, чтобы облегчить тяжкую долю сосланного сюда Шевченко.

Рядовому Шевченко запрещалось отлучаться из крепости, ночевать вне казармы. Новый комендант стал смотреть на все это как бы сквозь пальцы.

А главное, в прикаспийской пустыне, оторванной от всего света, у поэта-художника появился дом, в котором он мог отвести душу.

Для знакомства много времени не потребовалось. Вероятнее всего, Шевченко был знаком с Усковым еще по Оренбургу. Будущий комендант, тогда адъютант командира корпуса, жил в том самом доме Кутина, где в гостях у Федора Лазаревского часто проводил время Тарас Григорьевич.

Так или иначе, но скоро, очень скоро стал он у Усковых своим человеком.

¹ Во времена Шевченко киргизами называли и казахов и киргизов, поэтому картина числится в каталогах музея под названием, данным ей самим художником.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ КОЛЛЕКЦИИ

Вопреки категорическому запрету, они помогали Шевченко и писать, и рисовать. Много картин, портретов, рисунков сделано было в этом доме. В живых, непринужденных разговорах на самые разнообразные темы проводил поэт вечера с Ираклием Александровичем и Агатой Емельяновной. Хозяйка дома казалась ему «самым блестящим перлом в венце созданий». С восторгом признавался он другу: «Я полюбил ее возвышенно, чисто, всем сердцем и всей благодарной моей душой».

Но особенно привязался Тарас Григорьевич к детям.

Тяжелым личным горем была для него смерть трехлетнего первенца Усковых, последовавшая вскоре после их приезда в форт над Каспием. Зато несказанную радость принесло появление в семье Наташи, а позднее и Наденьки. Он придумывал для них забавы и лепил игрушки, пел им песни, и молодеца душа, измученная многими годами страданий.

После отъезда из Ново-Петровского, находясь далеко от берегов Каспийского моря, Шевченко продолжал интересоваться своими любимцами. А они жадно слушали рассказы родителей о большом друге. Вспоминали его Усковы часто и хорошо. Достаточно сказать, что ни одна семья не сохранила для потомков так много воспоминаний о ссыльном поэте, как эта. Их оставили и Агата Емельяновна, и Наталья, и Надежда. Она, Надежда, сберегла не только семейные предания, но и семейные реликвии — художественные работы Тараса Григорьевича.

...Вот кем была Надежда Смоляк, о которой я впервые услышал в старом киевском особняке.

* * *

Если не половина, то уж наверняка треть всех работ Шевченко-художника создана в Казахстане.

И поистине замечательно: на пустынном Мангышлаке его большой талант живописца продолжал расти. Расти вопреки самым неблагоприятным для творчества условиям!

К такому выводу исследователи пришли не сразу.

Многие работы этого периода долгое время пребывали в неизвестности, раз-

бросанные по «городам и весям» огромной нашей страны. Попробуй-ка изучи рассеянное по песчинкам богатство, оцени его со всей полнотой!

Собирание не окончено и поныне. Не исключена возможность обнаружить даже то, что пока считается навсегда утраченным. Но главная часть кропотливой собирательской работы проведена. И именно благодаря этому стало возможным опровергнуть утверждения некоторых дореволюционных биографов о будто бы беспорном в невольничьи годы упадке шевченковского творчества.

Нет, он не сдался и не сдал! Ни в позиции своей. Ни как художник.

Восемь работ бугурусланской коллекции убеждают в этом.

Даже если бы мы знали только их, для такого единственно правильного вывода оснований было бы достаточно много.

Сколько глубокой простоты, реалистичности, эмоциональности в «Лунной ночи среди гор» и «Новопетровском укреплении с моря», в зарисовках сада крепости — того самого, который он сам же заботливо растил и пестовал!.. Как одухотворены лица Усковых, глядящие на нас с портретов!..

А о «Киргизке Кате» и говорить много не приходится. В этой небольшой картине и безмерное уважение к степному народу, и понимание глубины его чувств, и преклонение перед незнакомой красотой.

О чем все-таки она думает? Что забывает неведомую нам Катю?

Есть среди старых казахских обычаев такой: скорбя го близким, родным, помяная дорогих сердцу людей, жечь ночью жир в плошке — огонь памяти.

Шевченко об этом обычае знал; он даже писал о нем другу своему Брониславу Залескому. Истолковывая картину, исследователи связывают ее возникновение только с «молитвой по усопшим». Таково второе название, второе имя картины.

Но мне, скажу прямо, гораздо ближе версия другая.

Есть у казахов еще один обычай. В нем меньше от религии и больше от жизни.

В ночи, когда за окном буран, девушки жгут в плошках жир, чтобы застигнутый в степи путник легче нашел дорогу, не заблудился, не погиб.

Посмотрите на картину еще и еще раз. Разве не передано в ней буйное игрище природы? В тревожном взгляде, устремленном за окно? В девичьей ладони, словно защищающей огонь от неугомонного ветра?..

Огонек-надежда... Огонек-жизнь... Огонек, который светил самому Шевченко...

«В этом огоньке что-то символичное. Он в лице Агаты Емельяновны, Кати, Наташи и Нади помог Шевченко не погибнуть в дикой степи. Он согрел в суровой ссылке».

Так писал И. Пронин, который познакомился с «Киргизкой Катей» и другими работами бугурусланской коллекции непосредственно в доме Смоляк, ее тогдашней владелицы.

Думаю, что я не ошибусь, высказав предположение (и даже уверенность): вторая версия о содержании картины исходит от самой Надежды Ираклиевны. Она, до глубокой старости сохраняя ясную память, верно берегла воспоминания о прошлом, о виденном и слышанном.

Кстати, именно по ее рассказам знаем мы, что Катя, которую увековечил в своей картине Тарас Шевченко, была сестрой няньки маленьких Усковых. Она жила в семье на правах воспитанницы. Как утверждала Смоляк, Шевченко любил обеих казахских девушек как брат.

Между созданием этих произведений и народным их признанием пролегли долгие годы, большие события.

Более семидесяти лет хранились картины в семье Усковых, совершали вместе с ними переезды, сопутствовали на всех жизненных поворотах.

После смерти родителей единственное богатство семьи досталось дочерям. Не все оказалось сохраненным. Надежда Ираклиевна с глубоким огорчением рассказывала, что сестра ее, Наталья, утратила «чудесный портрет свой с собачкой». Сама же она берегла шевченковские работы как святыню.

В Бугуруслане и не подозревали, что одинокая старая женщина, вдова давно умершего чиновника Смоляка, единственным источником существования которой было рукоделие, обладает таким сокровищем.

...Комната пахнет старостью... Дрова... Примус... Белые на протянутой от угла к углу веревке. Едва живой стул. Такой

же древний стол, накрытый ветхой скатертью.

Здесь, под этой скатертью, в столе, а вернее в ящике от буфета и хранилось то, что было создано бессмертной кистью славного сына Украины.

В качестве «мандата» на право говорить о поэте хозяйка предъявила подлинное шевченковское письмо. Тарас Григорьевич написал его Ускову из Нижнего Новгорода. Он помнил о своих друзьях, делился с ними новостями, планами, надеждами. «Целую вас всех, и Катю, и няню, и в особенности больших друзей моих Наташеньку и Наденьку...» — обращался автор к Ираклию Александровичу.

Одна из этих «больших друзей», Надежда Ираклиевна, не могла, естественно, рассказать о Шевченко по личным

воспоминаниям. Она родилась в ноябре 1856, а в августе следующего, 1857, года долголетняя ссылка поэта-революционера была окончена. Но в памяти ее запечатлелся унылый форт на берегу Каспия. Картины его, несмотря на то, что уезжала оттуда восьми лет от роду, так и стояли перед глазами. Хорошо запомнились рассказы родителей. В каких-то деталях она могла быть не точной, однако в главном воспоминания отличались бесспорной достоверностью.

И, наконец, художественные работы. Можно представить восхищение человека, вдруг увидевшего в комнате старой женщины, среди дров, примуса и белья, акварели и сепии Шевченко! Нужны ли слова для того, чтобы передать всю гамму чувств? Да и найдутся ли такие слова?

— Я в последние годы перенесла много горя, — говорила Надежда Ираклиевна, глядя на картины. — Видите, как

живу. Мне семьдесят первый год. А между тем есть у меня неоконченное дело: мне нужно передать шевченковские реликвии его народу...

Эти слова скоро стали известны на Украине. «В гостях у друга Т. Г. Шевченко», — так назывался очерк, напечатанный в третьей книге журнала «Життя й революція» («Жизнь и революция») за 1928 год.

Прошло немного времени, и картины оказались на украинской земле — родине Тараса.

Но прежде их увидели жители Бугуруслана, тогда совсем неприметного городка. Именно здесь состоялась первая выставка произведений, созданных Шевченко в неволе и сохранных для народа хорошей русской женщиной.

Она выполнила свой долг.

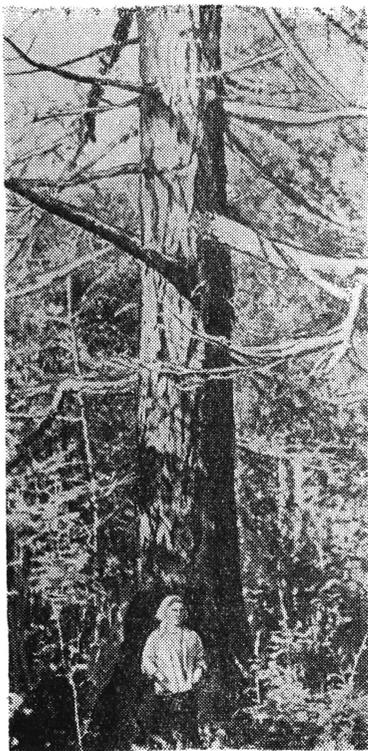
Долг дружбы.

Л. БОЛЬШАКОВ

Оренбург

СВИДЕТЕЛИ ВЕКОВ

Большинство памятников природы в каждой из областей Урала взяты на учет. Но ученые в экспедициях, следопыты в походах находят и открывают новые. К ним относятся и лиственницы, о которых рассказывают члены Общества охраны природы Е. Кучеров и Б. Федорако.

Многовековая лиственница.

В лесах Южного Урала до сих пор сохранились многовековые деревья.

В районе села Кызлар-Бирган на Зилаирском плато во время экспедиции мы обнаружили лиственницы, возраст которых 600—700 лет. При метровом диаметре они имеют высоту 25—27 метров. Деревья здоровы и нормально плодоносят. Такие же лиственницы мы видели на склонах горы Большой Шатак в Белорецком районе.

Как известно, все деревья ежегодно отмечают свой прирост в виде так называемых годовичных колец. Нам посчастливилось найти в небольшой ложбине пенёк лиственницы. Тщательно осмотрели его и подсчитали, что после срубки дерева прошло не менее 50 лет. По годовичным слоям узнали, что лиственница прожила 610 лет. Очень быстрый прирост по диаметру наблюдался до 100 лет, потом умеренный стойко держался до 450 лет, после чего началось замедление роста.

Многовековые лиственницы — живые свидетели далекого прошлого. Эти гиганты начали свой жизненный путь еще в начале XIV века. Во время Куликовской битвы (1380 год) в возрасте около 80 лет они были довольно высокими деревьями толщиной 30 см. Когда Ермак шел в Сибирь (1581 г.), деревья стали довольно солидными (толщина более 60 см). К моменту основания города Уфы (1586 г.) диаметр их достиг почти 65 см.

В период походов Пугачева и его соратника Салавата Юлаева по Южному Уралу (1773—1775 гг.) лиственницы превратились в величественные деревья, мало отличающиеся по внешнему виду от нынешних.

В последующие годы прироста уже почти не было, хотя ежегодно откладывались годовичные слои, тонкие, как папиросная бумага. Жизненные процессы дерева выражались только в обильном плодоношении. Почти ежегодно тысячи семян разлетались по окрестным прогалинам и полянам, и там, где их не стоптал скот и не забила густая травянистая растительность, начали показываться молодые деревца.

Многовековые лиственницы — ценные памятники природы. Изучение их может дать интересные результаты для успешного решения актуальной для Башкирии проблемы облесения сыртов.

ОТКРЫТИЯ ЮНЫХ

Нынче летом в массовый геологический поход по Свердловской области выходило десять тысяч участников. Это почти в три раза больше, чем в прошлом году. Одни отряды получили задания геологического управления, другие действовали самостоятельно. В свою очередь геологи помогали ребятам разрабатывать маршруты, правильно определять породы и минералы.

Некоторые отряды сделали по-настоящему важные открытия.

* * *

Центральный комитет ВЛКСМ, Государственный геологический комитет СССР и ЦК профсоюза геологоразведочных работ за активное участие в массовом геологическом походе и ценные открытия наградили Почетными грамотами и денежными премиями коллективы следопытов Свердловской области: комсомольские организации Ивдельской, Першинской средних школ и Заводоуспенской школы Тугулымского района за выявление выходов железных и титаномагнетитовых руд; юных геологов Первоуральской школы № 7 за открытие месторождения самоцветов; географическое общество «Глобус» при Свердловском Дворце пионеров за открытие золотоносной россыпи и выхода жил ценного гранулированного кварца.

* * *

Сотрудник Нижне-Тагильского дворца пионеров П. Н. Селиванов случайно обнаружил в музее старую карту 1843 года, на которой нанесены все точки с известными в то время рудопроявлениями меди в районе. Эта карта передана в геологоуправление. Она может оказаться очень полезной для поисковых работ на месте прежних разработок.

* * *

Огромное строительство жилых зданий идет по всему Уралу, а для покраски их нужна охра. Залежи очень качественной ярко-желтой охры нашел отряд туристов Рахмангуловской средней школы.

* * *

Краснотурьинские туристы школы-интерната во время похода просматривали обломки пород по берегу реки Каквы. Ребята обратили внимание, что некоторые из них очень тяжелые. Собрали камни и принесли геологам. Оказалось, что школьники нашли образцы белого барита.

По заявке ребят будут вестись исследования месторождения.

* * *

Очень нужен стекольной промышленности тонкозернистый отсортированный природный кварцевый песок. Высококачественные залежи его обнаружили туристы Ирбита и Камышлова.

* * *

Школьники Полдневской средней школы изучение геологии своего района решили начать с бесед со старожилками. И оказалось, что не зря. Жители села передали им образцы горного хрусталя высшей марки. По сигналу ребят геологи сразу же стали исследовать место распространения этого ценнейшего сырья.

* * *

В районе Нейворудянского пруда ребята из Верх-Нейвинска обнаружили в обычных речных раковинах красивые известковые образования арагонита в виде мелких шариков, напоминающих жемчуг.

Сейчас геологи изучают природу этой очень редкой для наших континентальных условий находки.

НА СТАНЦИИ

МИРНОГО АТОМА

Мы уже дважды рассказывали читателям о строительстве Белоярской атомной. О первых шагах экскаваторов, выгрызавших котлован реакторного отделения. О первом кубе заложеного бетона. О первых строителях, молодых девчатах и парнях, которые обживали нехоженный лес, возводили каркас здания и здесь же защищали дипломы инженеров и техников.

И вот скоро электростанция мирного атома даст ток. Белоярская атомная! Грандиозное сооружение человеческой мысли и человеческих рук. Физический пуск ее посвящен 45-летию Ленинского комсомола.

Достаточно посмотреть на пульт управления, чтобы убедиться, как сложно атомное хозяйство. И в то же время управление «станцией мирного атома» очень просто.

Пульт управления — капитанский мостик, своего рода голова станции. Сколько здесь приборов, ключей управления, кнопок, разноцветных лампочек! Их трудно сосчитать, как трудно сосчитать все операции и процессы, которые производят все механизмы! А управление ими осуществляют всего лишь два инженера-оператора и дежурный техник.

Только нажатием кнопок они производят пуск атомного реактора, могут перейти с одной мощности на другую, повышать и понижать давление пара в турбинах, прослушивать работу механизмов.

Да, да, прослушивать! Захотелось, например, узнать, как ведет себя подшипник турбины. Пожалуйста. Стоит лишь в устройстве, напоминающем диск телефона, набрать номер подшипника, и в наушники услышишь, хорошо ли он работает.

Управление турбогенератором осуществляется тоже с пульта. Роль машини-

ста турбины сводится лишь к роли обходчика.

Если произошла перегрузка реактора с топливом, на помощь приходят специальные механические руки. Они умеют делать все, вплоть до завинчивания обыкновенной гайки.

Человек управляет этими механическими руками дистанционно из-за специальных стальных или чугунных экранов, защищающих его от действия вредных излучений.

На щитах пульта управления есть такие детали, которые, кажется, созданы рукой ювелира. А этажом ниже вас поражают гигантские двери, закрывающие бетонные комнаты с оборудованием. Собственно, сама дверь обычных размеров, но весит она немало.

А турбина? Для охлаждения конденсаторов она будет заглатывать в час много тонн воды. Целую реку!

Ну, а кто будет работать на электростанции мирного атома, электростанции молодости? Да, молодости, потому что средний возраст инженеров, техников, рабочих — 25—30 лет. Это высокограмотные люди: теплотехники, электрики, наладчики, операторы, автоматчики. Они прошли специальную практику на тепловых электростанциях и на первой атомной и теперь спокойно и уверенно трудятся на Белоярской АЭС.

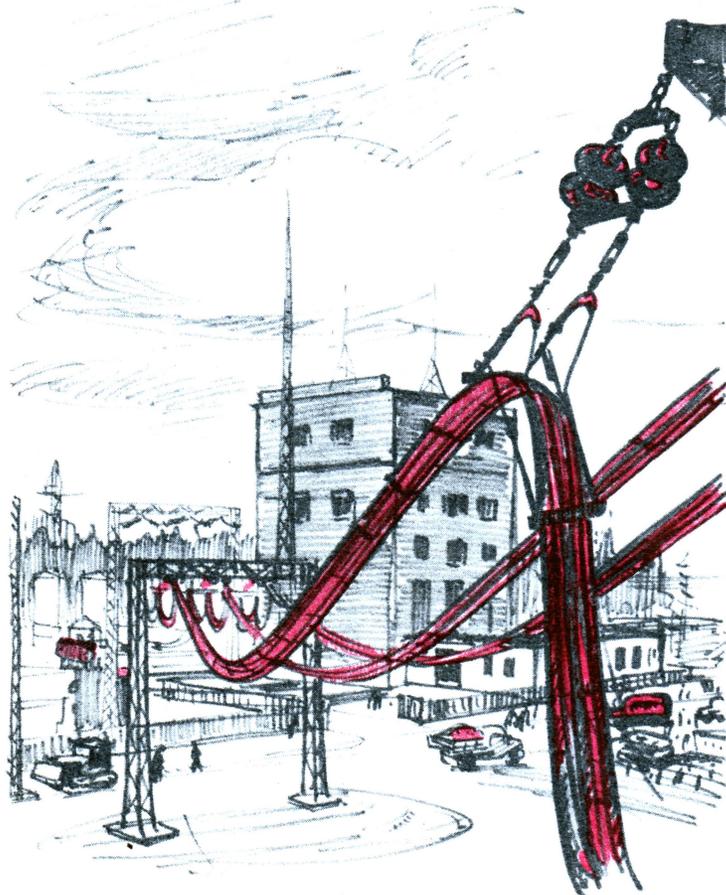
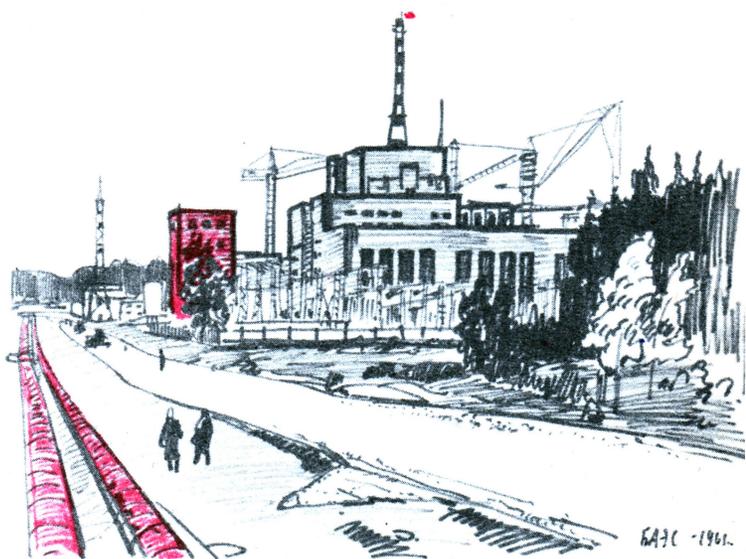
Скоро наша уральская атомная даст энергию промышленности, городам, селам. И пуск ее знаменует еще одну победу человеческой мысли, победу советских людей.

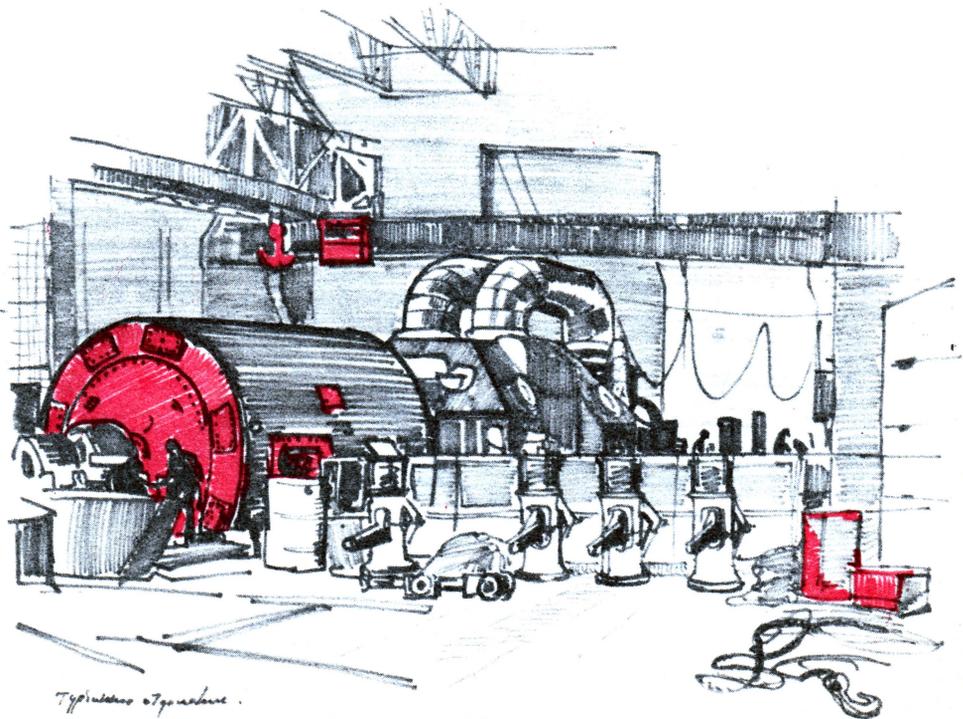
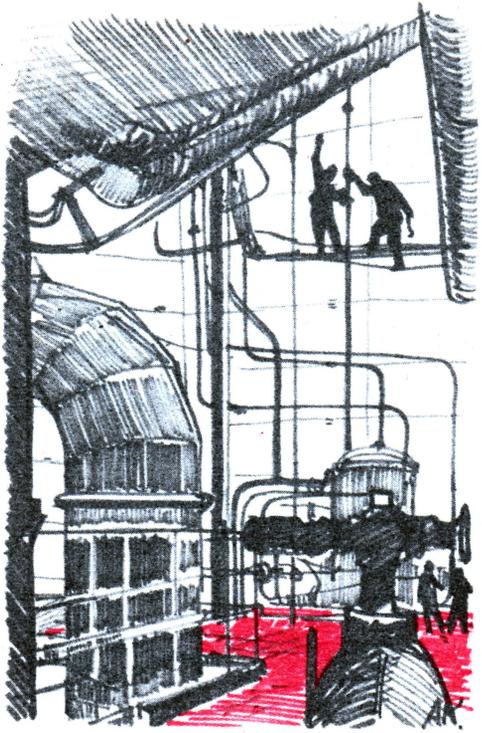
На вкладке мы помещаем зарисовки художника А. Казанцева со стройки Белоярской атомной станции.

Е. КОНСТАНТИНОВА

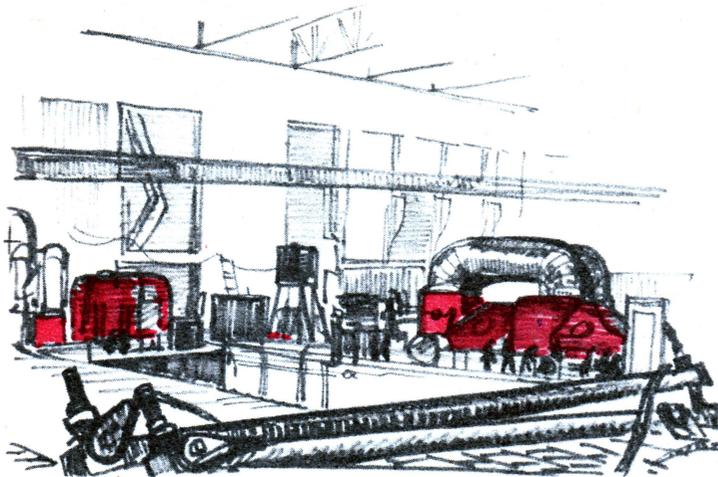
ИЗ АЛЬБОМА
ХУДОЖНИКА
А. КАЗАНЦЕВА

На строительстве
Белоярской атомной
электростанции.

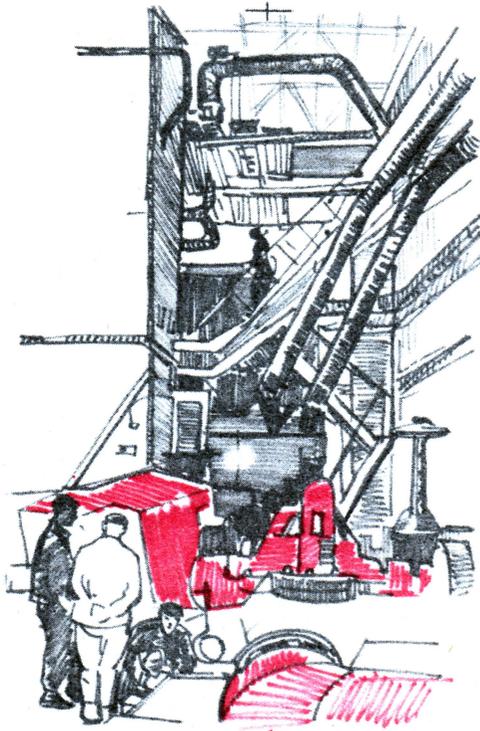

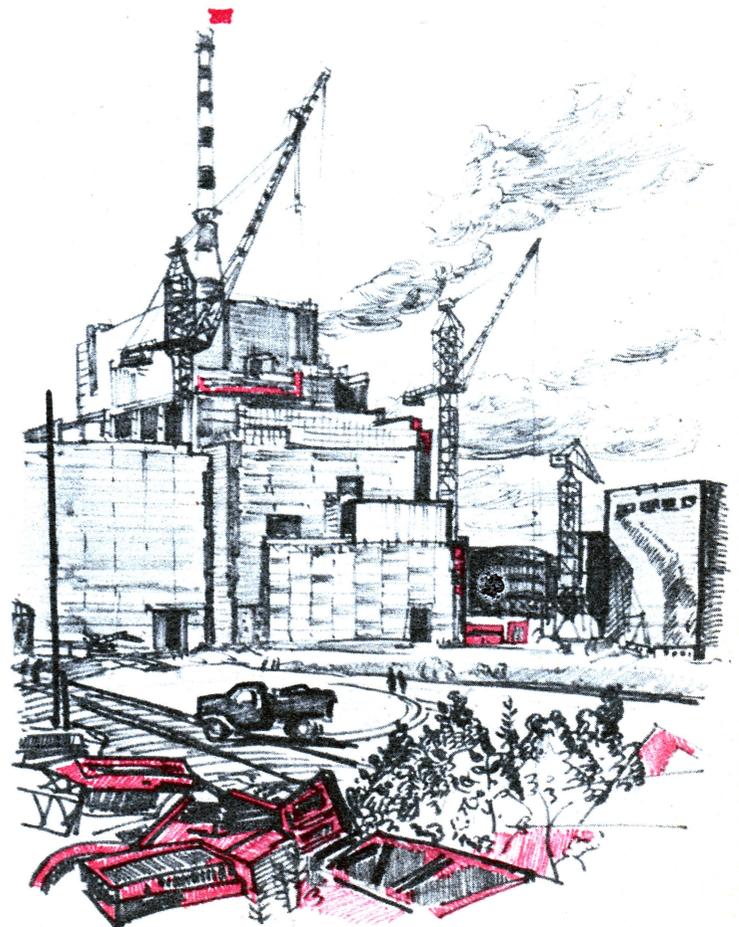
Тыпируется в типографии.

Пуск её знаменует
еще одну победу чело-
веческой мысли, победу
советских людей.

Наша уральская атом-
ная даст энергию про-
мышленности, городам,
селам.

СЛЕДОПЫТЫ В ПУТИ.

Фото А. Мусина.

ИМЕНЕМ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Рассказ об одной чекистской операции

Дутовщина. Страшное слово! Виселицы, массовые расстрелы, пепелища отметили путь банды белоказачьего атамана. Огнем и мечом клялся выжечь полковник Дутов «большевистскую заразу». Ему энергично помогала приехавшая в Оренбург военная миссия интервентов: консул США, вице-консул Японии, представители правительства Англии и Франции.

Но именитые советники не помогли атаману. Красногвардейские отряды выбили белоказачьи банды из Оренбурга и Орска. Дутов бежал в Тургайские степи, а изгнанный оттуда, перебрался в Семиречье.

Суд советского народа заочно приговорил полковника Дутова к высшей мере наказания — расстрелу. Скрывшись, палач чувствовал себя в безопасности. Он даже сколачивал новую армию для похода против Советской России.

В 15-м томе Большой Энциклопедии сказано коротко: «Дутов убит в феврале 1921 года в своем штабе».

Как убит? Кем убит? Кто привел в исполнение приговор народа?

Об этом рассказал живущий ныне в Орске участник беспримерно дерзкой чекистской операции коммунист Насыр Ушурбакиевич Ушурбакиев.

На юго-востоке Казахстана, за озером Балхаш, есть город Панфилов, бывший Джаркент. Здесь находилось в те

годы районное управление ЧК. Тут развернулась операция, несколько месяцев не сходящая со страниц буржуазной прессы.

В конце 1920 года джаркентские чекисты получили особое задание ВЧК, а в январе двадцать первого первая группа разведчиков отправилась в город, на окраине которого стоит обнесенная высокими стенами с вышками на углах старинная крепость. В ней — домик-штаб и квартира Дутова, где он живет с женой и адъютантом. У всех четырех ворот крепости усиленная охрана.

Первая и вторая попытка проникнуть в логово зверя не увенчались успехом.

В последних числах января оперативная группа во главе с Касымханом Чанышевым снова отправилась на операцию.

Пошла вторая неделя, а от группы не было никаких вестей. Не попались ли чекисты в лапы дутовских контрразведчиков? Начальник ЧК вызвал к себе Насыра Ушурбакиева. Боевое задание было строго секретным — пробраться в крепость, разыскать явочную квартиру, где должны были остановиться чекисты. Если они погибли, разузнать, как это произошло, и немедленно вернуться в Джаркент. Если нет, включиться в состав группы и участвовать в операции. Как? Узнаете на месте.

Ночью всадник в ста-

Касымхан Чанышев.

Насыр Ушурбакиев.

реньком бешмете и мохнатой папахе долго пробирался камышами через реку, а затем во весь опор поскакал, чтобы как можно скорее, до восхода луны, пересечь открытое песчаное плато. Всадник вооружен: полый бешмета прикрыт засунутый за пояс наган, карманы оттягивают гранаты-лимонки.

На пути болото со зловеще черной водой. Гибель ждет того, кто осмелится ступить дальше зарослей прибрежной полосы. Но знающий эти места может надежно укрыться здесь от постороннего глаза. Насыру известно, что за этим болотом есть другое, потом третье, а там и хутор, где у гостеприимного уйгура Мансура-Хаджи укрывались иногда разведчики. Оттуда до крепости рукой подать.

В город попал рано утром. Тихо на улицах. Вот и тот дом. Осторожный стук в окно. Испуганный голос. Пароль. Отзыв. Немного отлегло. Спустя несколько секунд, он уже обнимал брата, по очереди прижимал к сердцу товарищей по суровой чекистской службе.

Все эти дни Чанышев и его друзья изучали подступы к крепости, интересовались, когда сменяются караулы, кто несет охранную службу, как вооружены патрули, познакомились кое с кем из часовых. Удалось узнать, что в крепости находится небольшой отряд дутовцев, то небольшое, что осталось после боев в оренбургских и тургайских степях, в Семиречье. Сюда каждый день приезжают офицеры из других мест. Сколачивается новая армия. С каждым днем недобитый полковник становился опаснее.

При свете каганца Чанышев разложил на нарах листок бумаги, набросал карандашом план крепости. Операция была назначена на завтра — 6 февраля, десять часов вечера. Позднее Дутов ложится спать, тогда удваиваются караулы, и в крепость не попадешь.

Чанышев распределил обязанности. В штаб к Дутову идет с пакетом Махмут Ходжамьяров—

человек большой физической силы, редкого хладнокровия и выдержки, меткий стрелок и лихой наездник. Касымхан Чанышев и Газиз Ушурбакиев будут прохаживаться у ворот, готовые в любую секунду броситься на помощь Махмуту. Остальным поручалось прикрыть огнем отход главных участников операции в случае перестрелки.

Вечером 6 февраля Махмут на белом коне лихо подлетел к крепости. Спешился, привязал скакуна к коновязи и направился к часовому. Тот окликнул его.

— Пакет его высокоблагородию,— Махмут показал кончик объемистого конверта с сургутными печатями.

— Жди, позову дежурного, примет,— ответил часовой.

— Велено вручить лично в руки, видишь,— показал он дутовцу подчеркнутые двумя чертами слова: «Совершенно секретно», «Вручить лично». И, не дожидаясь, пока казак будет раздумывать, отодвинул его плечом и спокойно, как будто сто раз ходил по этой дорожке, зашагал к дому, стоящему в глубине двора, почти у самой крепостной стены.

Разговор с охранником был примерно таким же. Только тот доверительно добавил: «Кажись, их высокоблагородие уже почивают...»

Дутов полулежал на тахте, о чем-то беседуя с адъютантом. Лихо козырнув, Махмут протянул пакет. Адъютант вскрыл его, подал полковнику. Тот начал читать и вдруг метнул исподлобья острый, изучающий взгляд на гонца. Тот стоял, как изваяние. Дутов читал дальше. И в ту же секунду Махмут вытащил револьвер и выстрелил в упор. Еще выстрел, и адъютант упал к ногам чекиста. Еще раз Махмут выстрелил в Дутова, свалившегося с тахты, и бросился из дома.

На выстрелы спешили часовые. Но пули Чанышева остановили их. Секунды тянутся томительно. Вот из домика появился прихрамывающий Махмут: он оступился, повредил ногу. Друзья посадили его на коня. И пока перепуганные стрельбой дутовцы приходили в себя, быстрые кони мчали чекистов по разным дорогам.

В ту же ночь Насыр Ушурбакиев вернулся в Джаркент. Вскоре возвратились остальные чекисты. В Москву, в ВЧК, отправили телеграмму, сообщающую о том, что смертный приговор над белым атаманом приведен в исполнение.

Приказом по ВЧК Чанышев и Ходжамьяров за ликвидацию белогвардейского гнезда были награждены именными золотыми часами. Получили памятные подарки и другие участники рейда.

* * *

Мы беседуем с Насыром Ушурбакиевичем в его квартире в поселке Первомайском. Много лет прошло с той поры, но он до мельчайших подробностей помнит все. Помнит, как создавал в родном Семиречье первые колхозы, был председателем сельхозартеля «Труд пахталык», заместителем директора МТС. Пятнадцать лет работал на никелькомбинате в Орске, отсюда ушел на пенсию. А в памяти коммуниста Ушурбакиева нет-нет, да и всплывают картины далекого прошлого: холодная февральская ночь, всадники, скачущие навстречу подвигу..

В. АЛЬТОВ

ОПЕРА- ЦИЯ БЕРЕЖКИ

Повесть

А. МУСАТОВ,
М. ЛЯШЕНКО

Рисунки Г. Перебатова

МАЗУТНЫЕ БЕРЕГА

Вверх по Ковде. Замеры. Торжественная встреча. Переговоры.

- Не зарывай весло!
- Не брызгайся!
- Осторожнее!

На все эти реплики, отдуваясь и розовея от натуги, Зеленуха благодушно отвечал:

— Человек придумал лодку около десяти тысяч лет назад... А в Киевской Руси, при Олеге, том самом, вещем, в ладью садилось по сорок воинов...

Лодки подходили к тому месту, где в Ковду впадала Оря. Ребята должны были подняться несколько выше впадения Ори, сделать там последние на Ковде замеры глубины, скорости течения, взять пробы воды, а затем вернуться к устью Ори, войти в нее и подняться по этой ре-

чушке так высоко, как только будет возможно.

Конечно, достаточно взять наметку, деревянный четырехметровый шест, опустить его в воду, и, если нижний конец шеста, обутый в высокое чугунное кольцо, упрется в дно, то незачем нырять в воду, чтобы определить глубину... На шесте нанесены десятые доли метра, все видно. Но мало ли что! А может, кольцо уперлось не в дно, а в камень и измерение будет неточным? А может, наметка стоит недостаточно прямо? Нет, нырнуть просто необходимо, тем более что охотники давно ждут сигнала, чтобы с радостным воплем скрыться под водой...

Начинается самое интересное.

Пока двое держат лодку на месте, а двое — наметку, еще двое или трое то и дело, взвизгнув, исчезают в глубине. Ковда здесь мутная, течет среди торфяников, и что делается под водой, понять невозможно. Вода бурлит, клокочет, и головы ныряльщиков появляются все дальше и дальше от того места, где погружена наметка.

Зеленуха — на сегодня главный научный сотрудник — возмущенно вопит что-то, и ныряльщики нехотя возвращаются к лодке, ныряют еще раз, показываются на поверхности, докладывают, что с наметкой «порядок», и, ухватившись одной рукой за борт, спрашивают, не будет ли еще заданьица... Видно, что им ужасно не хочется вылезать из воды!

Все знают, что поскольку сегодня главный научный сотрудник Зеленуха, программа исследований будет выполнена полностью, с использованием всей научной аппаратуры. И хотя наметкой совершенно точно установлено, что глубина Ковды выше впадения Ори не превышает трех-трех с половиной метров, в дело пускается ручной лот. В борт лодки вбита рейка с колесиком. Пропустив через колесико нижний конец веревки с привязанной старой трехкилограммовой гирей, Рая, ассистент при ручном лоте, ждет команды. Зеленуха, поставив правую ногу на скамеечку и скрестив руки на груди, всматривается в речную даль.

— Трави помалу, — хрипит он, стараясь говорить басом.

Лотлинь подтверждает показания наметки.

— Вот теперь, и только теперь, — с важностью говорит Зеленуха, — мы можем считать установленным, что глубина

¹ Окончание. Начало см. в №№ 7, 8 и 9.

Ковды в данном районе не превышает трех с половиной метров.

Клава Терешкина, на сегодня ученый секретарь, сочувственно кивая, записывает добытые с таким трудом результаты.

Пробу воды с помощью бутылки-батометра Зеленуха берет сам. Это очень ответственная и тонкая операция. Во-первых, надо определить место, где брать пробу.

— Давай здесь,— предлагают гребцы. Им давно надоело дремать на веслах, подталкивая лодку на несколько сантиметров то в одну, то в другую сторону.

Но Зеленуха мрачно качает головой.

— Близко к берегу.

Лодка движется к середине реки.

— Здесь?

Зеленуха заглядывает за борт и хмурит брови.

— Нельзя! Водоросли!..

Там вода ему кажется чересчур мутной, там излишне светлой (верно, со дна бьют родники...). Измученные гребцы задирают, наконец, весла вверх и бунтуют, требуя, чтобы проба была взята немедленно.

— Вы что? — возмущенно тарашит на них глаза Зеленуха.— Здесь же тень!

Лодка действительно остановилась под густой ольхой.

— Ну и что?

Зеленуха не собирается вступать в спор с невеждами. Честно говоря, он и сам не знает, почему нельзя брать пробу воды в тени. Но ему так кажется...

Наконец бутылка опущена. Она достигает заданной глубины — ровно два метра. Зеленуха дергает бечевку. Ему кажется, он видит, как слетает пробка, как бутылка наполняется водой, всплывает шарик и закупоривает батометр... Рая осторожно тащит бутылку. Схватив ее, Зеленуха тщательно сливает добытую пробу в заранее заготовленную чистую бутылку. В это время Клава заполняет этикетку.

— Номер бутылки,— бормочет она.

— Восьмой! — кричит Рая.

— Наименование реки...

— Могучая Ковда! — веселится Валька.

Бутылку с наклеенной этикеткой Зеленуха вручает Елене Ивановне. Эти пробы пойдут в лабораторию института!

Потом, когда была измерена скорость течения реки с помощью поплавка-инте-

ратора, экспедиция вернулась к устью Ори. Река оказалась совсем узкой, заросшей водорослями и осокой. После нескольких попыток подняться на веслах пришлось выгрузиться и тащить лодки бечевой. Все оживились и, конечно, запели «Дубинушку».

Чем дальше поднимались члены экспедиции по Ори, тем неприятнее становилась река и ее берега. По воде то и дело проплывали радужные пятна. К запаху проплывали радужные пятна. К запаху леса и воды все явственнее примешивался какой-то сторонний аптекарский запах. Лес уходил от реки. В стороне от берега тянулся только чахлый осинник. Несколько сосен и елочек, разбросанных там и здесь, были словно сожжены: черные стволы и черные ветки без иголок. На некоторых деревьях часть иголок сохранилась, но они тоже почернели.

— Царство Кощея,— поежилась Светлана.— Куда это нас несет?

— Ребята,— сказал Саша, переглянувшись с Еленой Ивановной,— мы приближаемся к Караваевской фабрике... Мы с Зеленухой уже побывали в разведке, связались с фабричными ребятами и подготовили кое-какие материалы.

Вскоре экспедиция подошла к старому деревянному мосту. Из-за сильного течения пройти под ним на веслах не удавалось. Тащить лодки бечевой, идя берегом, мешала крайняя опора моста. Да и подойти близко к воде невозможно было: кромка берега, черная от мазута, засасывала ноги по колени, оставляя вонючие длинные чулки.

Когда показался фабричный причал, ребята заметили на берегу толпу людей.

— Чего это люди собрались? Может, нам не доплывать до них? — благоразумно спросила Рая.

До причала оставалось всего сто метров, когда неожиданно грянул оркестр. Ребята переглянулись.

— Да ведь сегодня воскресенье! — ахнула Клава.— Они просто гуляют! Им и дела до нас нет...

— Ну, вот и чудесно,— обрадовалась Елена Ивановна.— Сейчас потихоньку выберемся на берег, помоемся где-нибудь, а там подумаем, как дальше быть...

Только Саша и Зеленуха были явно недовольны — пропал боевой пыл!...

Лодки приближались к причалу, и там начало происходить что-то совершенно непонятное. Люди приветливо заулыбались, замахали косынками и платками,

даже закричали «ура». И все это, надо полагать, явно относилось к членам экспедиции. Едва первая лодка толкнулась о доски причала, стоявшая впереди рослая школьница в белой блузке и красном шелковом галстуке шагнула вперед и, лишь на секунду заглянув в бумажку, отчеканила, как по-писаному:

— Дорогие друзья! Пионеры и спортсмены тринадцатой Майской школы! Мы приветствуем в вашем лице организаторов ДЗП, юных борцов за чистый воздух, чистые реки, за русский лес!

Пока она говорила, ткнулась в причал и вторая лодка. Ребята сидели красные, понурились головами. В первую минуту они застыдились своих грязных ног, всего этого необычайного внимания. Но уже в следующую минуту многим из них стало не по себе по другой причине. Насмешка, что ли, и оркестр, и эти речи, если по Оре плывет мазут?

Саша вспрыгнул на нос своей лодки. Потом поманил Зеленуху, Чапая и Вальку.

Целую минуту они стояли молча, словно приглашая толпу полюбоваться ими и в свою очередь внимательно рассматривая пришедших на встречу ребят. В толпе то там, то сям начали проskalьзывать смешки, и, наконец, грянул хохот.

Когда смех утих, Саша наклонился к уху девочки, выступавшей с приветствием, и спросил будто по секрету, но так, чтобы слышали и в толпе:

— А где тут у вас можно помыться?

В толпе снова засмеялись, а девочка всплеснула руками.

— Ой, лищечко... Хотите, я вам сейчас из колодца принесу?..

— Если без мазута — давай! — брякнул Валька без всякой дипломатии.

К Елене Ивановне протискалась маленькая женщина, завитая мелкими кудряшками, с лихорадочным румянцем на отвислых щеках.

— Вы руководитель, не так ли? — заговорила она конспиративным шепотом, отводя Елену Ивановну за рукав в сторону. — Я завклубом фабрики... Ваши ребята презращают в балаган серьезные мероприятия. Куда же вы смотрите?

— Мои ребята?

— Ну, не мои же! У нас все как положено. Подошли организованно, колонной. На встрече присутствуют все семидесят школьников. Вас поприветствовали...

— Да не нужна никому вся эта чепуха! — рассердилась Елена Ивановна.

Женщина испуганно приоткрыла рот.

— А что же нужно?

— Чтоб не сводили лес, не пачкали Орю!

— Ну, знаете, это не нашего ума дело... Наше дело воспитывать ребят.

Пока они разговаривали, караваевские девочки притащили несколько ведер воды. Ребята начали отмываться, а остальные члены экспедиции тем временем усиленно готовились к началу операции.

В толпу ребят двинулись Светлана с Клавой и ребята-спортсмены, товарищи Саши. Они несли метровый кусок черной бумаги, на котором красными буквами было написано:

«Акт. Мы сами видели, до чего Караваевская фабрика довела хорошую речку Орю. Начисто загадили. Даже рыба пердохла. Надо речку Орю сделать чистой и пригодной для людей и для рыб».

Волшебная грязь

В МАЗУЛИНСКОМ ОЗЕРЕ

Есть у нас в Каменске-Уральском озеро Мазулинское, наполненное сапропелем. Еще в 1943-46 годах мне как геологу посчастливилось заниматься исследованием его целебных свойств.

После испытания в лаборатории мы применили грязь в действующем тогда военном госпитале для лечения раненых. Результат был очень хорошим, и впоследствии сапропель стали использовать в цеховой поликлинике Трубного завода под руководством врача М. И. Тарасевич. Она убедилась, что грязи излечивают до 25 болезней. Только неудобства добычи из-под воды заставили переключиться на молтаевскую грязь, которая доставляется автотранспортом.

Как-то вечером, в одиннадцатом часу, на берегу озера я увидела тучи мельчайшей блестящей перламутровой моли. Она летала над водой, и сначала мне показалось, что это снег. Утром моль полегла на поверхность озера. Так вот отчего, подумала я, этот перламутровый блеск иловых слоев сапропеля!

Мазулинские сапропели насыщены серными водами. Как-то зимой мы прорыли шурфы через ледяной покров и метра на полтора углубились сквозь грязевую толщу. Утром вода затопила шурфы, но была еще чистой, а потом в ней начала выпадать сера. Запах ее в сапропелях наблюдается всегда, пока они свежие.

Подмечена была еще одна особенность: когда мы перевозили пробы в алюминиевых сосудах от Каменска-Уральского до Свердловска (3-4 часа), на стенках их появились дырки и сочность сапропеля, естественно, резко снизилась. Пришлось собирать пробы в прорезиненные мешки.

До наших исследований отзыв о мазулинских сапропелях давал академик Сукачев. Он считал что их следует применять для подкормки свиней.

И, наконец, Каменск-Уральское Мазулинское озеро очень красивое, хотелось бы увидеть на берегу его курорт.

Е. МЕДВЕДЕВА, инженер-геолог

Для подписей был оставлен длинный белый столбец. Чувствовалось, что художники до мелочей продумали выразительную силу акта.

Караваевских ребят не пришлось уговаривать. В столбце появились десятки подписей. Поставили свои подписи и многие взрослые. А местный художник тут же укрепил акт, изобразив сургучную печать с фигурой Нептуна в короне и трезубец. Саша потом Нептуна стер, а вместо него поставил три буквы—«ДЗП».

Женщина с прической из мелких крутых кудряшек подвела к Елене Ивановне толстяка; он то и дело вытирал огромным платком багровую шею и плоское лицо и пялил на Елену Ивановну острые злые глазки.

— Вы что тут безобразничаете! — зафыркал толстяк.— Акты какие-то... Вы что, представляете какую-нибудь официальную организацию?.. Вы от кого выступаете?

— А мы от имени деревьев,— сказала Светлана.— Они, знаете, бессловесные, так мы за них...

— Ага, и от имени рыб! — слышались голоса.

— И от муравьев!

— И от вашего имени тоже,— улыбнулся Саша.

— От моего? — толстяк выпятил губы.— Ну, знаете, я вас не уполномочивал...

— А тут не требуется полномочий... Вы хотите дышать?

— На мой век и без вас кислорода хватит!

— Махортов! — закричала Светлана.— Караул, у тебя стащили твою знаменитую фразу!

— Короче говоря, — заявил толстяк,— вы немедленно сдадите акт мне.

— А вы, простите, кто, собственно? — сказала Елена Ивановна.

— Я заместитель директора фабрики...

Пока одни ребята объясняли заместителю директора, что акт они пошлют в районную газету и в райком партии, другие вывесили на киоске «Пиво-Воды» длинный лист, на котором черными буквами было выведено: «Фотообвинение». Двадцать снимков Зеленухи изображали чахлый лес, сожженные газом елочки и сосны, дохлую рыбу и мазутные берега Ори.

Когда Елена Ивановна и толстяк, сер-

дясь друг на друга, подошли к «Фотообвинению», Зеленуха улучил момент и шепнул Саше:

— Предлагаю объявить голодовку.

— Чего?

— Великолепная идея! Все ахнут! Члены экспедиции поголовно объявляют голодовку, пока фабрика не перестанет тут все отравлять.

— Ерунда,— покачал головой Саша.

— Думаешь?.. Тогда есть другая идея. Давай объявим директора или этого толстяка, его зама, гнусным отравителем и выкупаем в Оре...

— Не пойдет.

— Странно... Почему, собственно? — Зеленуха обиженно поджал губы.— Тогда так: устроим демонстрацию протеста и будем вести пикетирование заводоуправления, пока...

— А, да брось ты, в самом деле! — Саша решительно отвернулся от Зеленухи.— У Елены Ивановны есть чертежи газоочистки, которую ставили в прошлом году у нас на заводе. Может, подойдут?

Он не успел договорить. К их группе подъехал на велосипеде молодой парень, улыбнулся ребятам и подошел к Елене Ивановне.

— Вашу группу приглашают в полном составе в заводоуправление.

— Ага! — сказал Саша.— Пошли!

Там их ждала потрясающая новость: завтра утром вертолет доставит на Караваевскую фабрику Кочеткова-старшего, отца Зеленухи, и заместителя директора института климатологии профессора Шлякотина, самого Угрюмого Льва!

ТУЧИ СГУЩАЮТСЯ

Паника в Майске. Пал Пальча привлекают к ответственности. Кто же стрелял в лося? Неизвестное озеро. Коллективное письмо.

Директор Караваевской фабрики очень хотел бы узнать, зачем летят сюда товарищи Кочетков и Шлякотин. Видимо, спор о Бережках невозможно было дальше откладывать. Так и объяснила Елена Ивановна руководителям Караваевской фабрики и решила показать захваченные ею из Майска чертежи газоочистки.

Караваевцы сели смотреть это решение.

А ребятам ничего не оставалось, как ждать. Это было довольно мучительное дело!

— Давайте тогда пойдём в массы,— вздохнул Зеленуха.— Будем устанавливать контакты... Нести свет ДЗП.

Разбились по-двое, по-трое. Зеленухе досталось идти с Чапаем.

Они вышли из Дома приезжих, где их поместили; Чапай покосился на Зеленуху:

— Ну, ты давай... А я погляжу.

Во дворе соседнего дома ребята играли в пинг-понг. Зеленуха вошел, поздоровался. Ему никто не ответил. Он постоял несколько минут, приветливо улыбаясь, наконец спросил, знают ли игроки знаменитый удар японского чемпиона Таруо Мураками.

— Иди ты,— хмуро буркнул кто-то.

Не теряя бодрости, Зеленуха принялся подзывать Чапая, который все еще топтался в калитке.

— Иди сюда! Зовут!

Тогда от играющих отделился коротко стриженный, румяный, коренастый паренек. В развалочку подошел к Зеленухе, осмотрел его с ног до головы и сообщил:

— Мы про вас все знаем. Ясно? Ну, и катись отсюда.

Зеленуха удивленно поморгал глазами.

— Почему?

— Непонятно, да?

— Непонятно...

— Ну и бессовестный же вы народ! — рассердился стриженный.— Обидно: думали настоящие ребята... У вас кто руководитель, Житин?

— У нас, собственно, Елена Ивановна, но Пал Палыч, конечно, тоже с нами...

— Так ведь он жулик,— сказал стриженный.

Чапай подошел поближе.

— Значит, и вы все тоже... хороши,— крикнул кто-то из игроков.

— Послушайте,— побледнел Зеленуха,— как же вы смеее так говорить о человеке, о замечательном человеке...

— Замечательном? — перебил его стриженный.— Ваш Житин вел двойную жизнь! Он вроде бы отстаивал Бережки, а сам занимался браконьерством! Не так давно застрелил лося.

Чапай подошел еще ближе.

— Это все неправда! — крикнул Зеленуха.

— Неправда? А вот это почитайте,— стриженный сунул Зеленухе затертый номер районной газеты. В небольшой заметке критиковался бережковский лесничий за то, что он до сих пор не разыскал браконьеров, застреливших лося и срубивших заповедные дубы. В заметке делался вывод, что лесничий Житин не только потакает браконьерам, но и действует с ними заодно.

— Лося Пал Палыч не застрелил,— прижимая руки к груди, Зеленуха вытягивал шею то к ребятам, то к Чапаю.— Он выхаживал его. Стрелял кто-то другой.

— А кто? — наступал стриженный.— Ну, кто стрелял?

От стола подошли еще двое.

— Чего тут болтать с ними... А ну, убирайтесь!

Один толкнул к калитке Чапая, другой Зеленуху. Чапай шел молча, не упираясь, только резким движением плеча сбросил чужую руку. Зеленуха все еще пытался что-то объяснить... Их вытолкали на улицу и закрыли калитку.

Они медленно побрели рядом.

Потом Зеленуха искоса посмотрел на Чапая.

— А знаешь... Мы должны узнать, кто стрелял в лося. Если ты, конечно, захочешь помочь Пал Палычу.

— Узнать? — удивился Чапай.— Как это?

Остановившись и схватив Чапая за рукав, Зеленуха принялся торопливо и сбивчиво рассказывать про человека, который бежал, низко пригнувшись, словно на четвереньках. Он видел его дважды: первый раз — когда в лесу убили лося, и второй — в ту первую ночевку на лесной полянке. Но вот беда: лица этого странного человека Зеленуха так и не рассмотрел. Но Чапай, наверное, должен знать его: не иначе, как только к нему выходил он в ту ночь на свидание.

— Ты... ты чего? — отстранился Чапай.

В первый раз видел Зеленуха, чтоб у него было такое растерянное, горестное лицо.

— Ну, Борька, скажи же по-честному,— умоляюще зашептал Зеленуха.— Будь человеком... Ты ведь видел того... на четвереньках, видел?

— Да пошел ты!... Ничего я не знаю! — Чапай резко повернулся и зашагал в сторону.

Зеленуха хотел было догнать его, но вспомнил, что надо немедленно разыскать Сашу и передать ему, какие разговоры ходят о Пал Палыче.

Он нашел ребят у лодок. Елена Ивановна все еще обсуждала с работниками заводууправления проект газоочистки. Валька и девочки еще не вернулись. Саша и его друзья прочли газету и уже знали то, что хотел им сообщить Зеленуха... Настроение у всех было мрачное. Надо было с кем-то сражаться, отстаивать Пал Палыча. Но с кем, как?

— Вот что мне еще тут сунули,— буркнул Саша, протягивая Зеленухе записку.

Она была чем-то неуловимо похожа на ту, с ложным маршрутом, которую вручила им когда-то прокопченная солнцем девчонка — «лесная разбойница». *«У вас в экспедиции есть Чапай,— прочел Зеленуха,— так он предатель. Предает вас на каждом шагу. Не верьте ему ни в жизнь, а лучше гоните. Друг».*

— Знаешь, кто это писал? — усмехнулся Саша, рассматривая встревоженное лицо Зеленухи.— Васька Чепрак, ей-ей!

— Ну? — у Зеленухи сразу отлегло на сердце.— А откуда ты знаешь?

— Догадываюсь... Записку мне сунула девочка, очень похожая на ту, о которой вы рассказывали.

Даже приезд на следующий день Угрюмого Льва и Кочеткова-старшего не развеял тучи, собравшиеся над экспедицией.

— Скажи мне совершенно откровенно,— спросил встревоженный Кочетков,— что тут у вас происходит?

— Экспедиция,— пожал плечами Зеленуха.— Из-за тебя ведь все...

— Как, из-за меня?

— Не выдумал бы строить комбинат в Бережках, не было бы ничего.

— Послушай, — умоляюще сказал папа,— я ведь знаю, ты парень серьезный... Мама живет на одном валидоле... Она решила, что тебя вообще нет в живых или вы все лежите в больнице.

— Что это вы там выдумали? — непочтительно перебил Зеленуха.— Сам видишь, я здоровей прежнего.

Отец отступил на шаг.

— Вид у тебя действительно...

— А грудь? Ткни.

Отец послушно ткнул в грудь Зеленухи бледным длинным пальцем.

— Действительно.

— Вот видишь? Чего же вы там паникуете?

— Во-первых,— загнул отец палец,— Мойкина гать...

— Ну и что?

— Но ведь это страшное место! И вы там заблудились!

— Интересно, как это мы могли заблудиться, если у нас был компас?

— Вы чуть-чуть не утонули в болоте! Это два!

— Чуть-чуть не считается.

— И, наконец,— отец оглянулся по сторонам и понизил голос:— Клещи. Энцефалитные клещи. Когда мать об этом узнала, мы не спали всю ночь.

— Совершенно зря,— удивился Зеленуха.— Во-первых, они не энцефалитные...

— Значит, клещи действительно были?

— Интересно! — заволновался Зеленуха.— Ведь у нас же экспедиция! А что это была бы за экспедиция, если бы ничего не было?

— Пожалуй,— сказал отец, — тебе лучше всего вернуться со мной. Мы улетаем послезавтра.

— И бросить ребят?

— Ну, а что я скажу маме?

— Ты скажешь, что видел меня в блестящей спортивной форме. И когда она увидит меня дней через десять, так просто не узнает,— до того я раздобрел...

Отец с сомнением взглянул на Зеленуху.

— И кто это там все наговорил? — надулся Зеленуха.

— Ну... Я не знаю точно. Сначала маму встретил во дворе этот рыжий старик, его почему-то называют гицелем. И все ей рассказал. И про Мойкину гать, и про клещей... Потом обо всем откуда-то узнал директор школы.

— А про голубя ты слышал?

— Нет.

— А мы послали голубя домой с сообщением, что в лесу обнаружена зона, пораженная клещами. Там же строители должны были проходить, тянуть высоковольтную линию!.. И мы хотели предупредить.

— Нет, о голубе я ничего не слышал.

— Ну, ладно,— сказал Зеленуха.— Это все о каких-то пустяках... А вот что ты скажешь ребятам о Бережках? Совесть у вас там пробуждается или нет?

— Понимаешь, сынок, тут дело не столько в расчетах... Мы прилетели на

фабрику за некоторыми недостающими данными.

— На фабрику? — осекся Зеленуха.

— Да, да. Профессор Шлякотин решил наглядно доказать мне, к чему приводит непродуманный выбор места для промышленного предприятия. Он уж давно ведет наблюдения над природой вокруг Караваевской фабрики. И профессор настоял, чтобы я поехал вместе с ним.

— А как же наши данные? — растерянно спросил Зеленуха. — Никому уже не нужны?..

— Нет, почему же... — уклончиво ответил отец. — Профессор в какой-то степени рассчитывает и на них. Все зависит от того, что вы собрали.

Зеленуха с отцом пошли к ребятам. Те сидели в номере у профессора Шлякотина.

Что-то бормоча себе под нос, профессор быстро взглядывал чуть раскосыми глазами на записи ребят, на собранные ими коллекции, на данные о характере леса и рек.

Наконец он поднял глаза и уставился на ребят. Члены экспедиции, затаив дыхание, смотрели на профессора. У Елены Ивановны лицо побледнело.

— Итак, — сказал профессор задумчиво, — мне надо знать, кто здесь... Впрочем, стоп. Я сейчас угадаю.

Он встал, засунул руки в карманы и, слегка сутуля тяжелые плечи, прошелся перед строем ребят. Зеленуха подумал, что он похож на Пал Палыча...

— Терешкина! — вдруг громко сказал профессор, живо поворачиваясь к Клаве.

— Довжик! — воскликнул он, указывая на стоящую рядом Светлану.

Девочки испуганно попятились. Профессор протянул к ним руку и тряхнул могучей гривой.

— Молодцы! — сказал он, улыбаясь во все лицо. — Пожалуйста, девочки, а утерли нос всем мальчишкам! Очень любопытный собрали материал... Даже знаете, наводит на кое-какие мысли! Полагаю, что материал Терешкиной и Довжик о муравьях имеет научную ценность.

Он посмотрел на несколько вытянутые лица других членов экспедиции и подмигнул.

— Остальной материал также очень полезен. Особенно — характеризующий местный лес и реки. Просто необходи-

мый материал. Он весьма поможет нам правильно решить вопрос о Бережках... Так что — большое спасибо!

И он неожиданно опустил в поклоне свою большую голову.

У ребят заблестели глаза, они оживились, затормошили Елену Ивановну.

— Стоп! Стоп! — сказал профессор Шлякотин. — Еще рано, конечно, кричать «ура». Спор о Бережках еще не закончен. И дело вот в чем... Пролетая над районом Бережков, мы порой спускались довольно низко, едва не повисая, так сказать, на деревьях... И вот на северо-запад от Караваевской фабрики, километрах в шестидесяти отсюда, мы обнаружили небольшое озеро, не обозначенное на карте. На воду вертолет сесть не мог: вокруг озера густейшие заросли камыша, что для посадки тоже не очень пригодно. Между тем озеро очень интересует и главного инженера проекта, товарища Кочеткова, и меня... Особенно нас интересует, проточное озеро или нет. И если проточное, не соединено ли оно с Орей? Если согласны, поход займет у вас, видимо, дней пять-шесть. А мы тут пока будем расправляться с караваевскими товарищами и решать вопрос об очистке.

Предложение о походе к неизвестному озеру было встречено с радостью всеми членами экспедиции. Но Саше, Зеленухе, да и всем другим не терпелось все-таки узнать, зачем же вызвали в город Пал Палыча и что это за разговоры о нем ходят?

— К сожалению, это не только разговоры... — Кочетков-старший потрогал свои очки. — На него и раньше поступали жалобы, правда анонимные... В райисполкоме, да и в области, не всем понравилась решительная позиция Пал Палыча в защиту Бережков. Эти жалобы вспомнили, появилась неприятная заметка в местной газете. Ну, а тут в штаб городской народной дружины явился школьник, пионер из деревни Большая Ольховка, и сообщил, что он и его товарищи случайно видели, как Пал Палыч убил лося. И действительно, товарищи из штаба без труда обнаружили в лесу нечто вроде летнего временного лагеря, проще говоря — два шалаша, и в одном из них — труп лося...

— Труп? — закричали в один голос Зеленуха, Светлана и Клава.

— Да... Правда, помощник Пал Палы-

ча уверял, что они подобрали неизвестно кем раненого лося и пытались его выходить, но, знаете, это прозвучало как-то неубедительно.

— Неубедительно?— Зеленуха даже задыхнулся от возмущения.— Очень даже убедительно! Да мы... вот они и я, мы видели этого раненого лося, своими глазами видели!

— Мы еще принесли тогда теплой воды,— сказала Клава.— Пал Палыч просил... А лось был живой.

— Я думаю,— сказал Саша,— нам надо послать письмо в газету. Мы, вот эти ребята из детской спортивной секции и я, даже помогали Пал Палычу выхаживать этого лося.

— Ребята говорят правду,— решительно сказал профессор Шлякотин.

— Да, конечно,— согласился Кочетков-старший.— Но что же мы можем?.. Видимо, действительно лучше всего написать письмо.

Вечером взбудораженные члены экспедиции долго не спали, обсуждая потихоньку все события. Только Чапай и Валька, отвернувшись к стене, упорно помалкивали.

— Какой же это пионер из Большой Ольховки мог принести такое заявление на Пал Палыча?— рассуждал вслух Саша.— Конечно, не Денис Полозов и не его товарищи. Они поверили и нам и Пал Палычу, да они и знают его! Кроме того, эти ребята члены ДЗП, они сообщили бы нам...

— Это, наверно, Васька Чепраков пожаловался,— подумал вслух Зеленуха.

— Возможно,— согласился Саша.

Полежав еще несколько минут, он поднялся с постели и пошлепал босыми ногами к выключателю. Вспыхнул свет. Саша подошел к раскладушке, на которой лицом к стене лежал Чапай, и сел у него в ногах.

— Нам давно пора поговорить,— сказал Саша.— Начистоту... Тем более, мы завтра снова выступаем в поход. Я хочу задать один вопрос тебе, Гусинский, и тебе, Махортов... Скажите, вы знаете что-нибудь такое, чего не знаем мы?

Чапай притих. Он лежал молча, не поворачиваясь.

— Интересно... А чего мы должны знать?— усмехнулся Валька.

— Ну, все-таки,— неопределенно сказал Саша.— Кто ж не знает, как гицель к Пал Палычу относится. А Чапаев

отец— дружок-приятель гицелю, по пятам за ним ходит...

— Отбой был в девять тридцать,— рассердился Валька.— А сейчас одиннадцать. Ты что, Морозов, допросы устраиваешь, спать не даешь? Хочешь, Елену Ивановну позову?

Ребята повскакали со своих раскладушек и окружили Вальку.

— Ты не крути!— зашумели они на Вальку.— Прямо отвечай, если что знаешь!

— Чего вам отвечать? Вот пристали, ей-богу...— заныл Валька.

— Я отвечу,— сказал Чапай. Он вскочил.

— Ой, Чапай...— испуганно шепнул Валька.

— Слушайте. Скажу всю правду,— Чапай поправил трусы так, как будто на них был пояс.— Тут чего-то гицель крутит, дядя Гриша... Ну, и мой... батька мой с ним... Чего-то они опасаются... Мы с вами и идти не думали, да нам велели.

— Тебе велели,— поспешно ввернул Валька.

— Ну, да. Мне. Это точно... А его,— Чапай кивнул на Вальку,— я сманил...

— А почему гицель и твой отец против нашей экспедиции? Чего они опасаются?— спросил Саша.

— Они больше против Пал Палыча,— задумчиво сказал Чапай.— Они на него все злые...

— Почему?

— Так ведь промышляли всегда в лесу! А он не дает. На него и злобствуют... Ну, и наша экспедиция им мешает. Отец два раза со мной в лесу говорил, выспрашивал, куда идем, что делаем... Девчонку с запиской, чтобы идти через Мойкину гать, они, видать, подослали. Только тогда я этого не знал...

Перепрыгнув через две раскладушки, Зеленуха подскочил к Чапаю.

— Так с кем же ты ночью тогда виделся? С отцом, да?

— С ним,— вяло кивнул Чапай. И, видя, что ребята ничего не понимают, пояснил:— Зеленуха думает, что в лося мой отец стрелял. Точно не знаю... Но так, наверное, и было...

— А ты можешь подписаться, что Пал Палыч не виноват?— нетерпеливо спросил Зеленуха.

— Могу... теперь могу,— тяжело вздохнув, Чапай лег на раскладушку и вновь отвернулся к стене.

Объяснив ребятам всю запутанную историю с «человеком на четвереньках» и подстреленным лосем, Зеленуха сел писать письмо в защиту Пал Палыча. Первым его подписал Чапай, потом все ребята, затем разбудили Елену Ивановну с девочками и даже профессора Шлякотина и старшего Кочеткова.

Утром чуть свет один из Сашиних приятелей выехал с письмом в город.

МЕДВЕЖИЙ УГОЛ

Страхи Зеленухи. Озера нет. Чапай исчез.

Тщательно изучив карту, Елена Ивановна высказала предположение, что озеро надо искать в той отдаленной части леса, за которой до сих пор сохранилось название Медвежий угол.

Она расспросила местных жителей, что они знают о лесном озере и как до него добраться.

Люди говорили разное. Одни отвечали, что озеро за последние годы почему-то высохло и сплошь заросло камышом, другие вообще не советовали ходить в Медвежий угол — место глухое, заболоченное, труднопроходимое.

Саша позвонил по телефону в Большую Ольховку, вызвал Дениску Полозова и сообщил ему, что они получили новое задание: исследовать в Медвежьем углу лесное озеро. Не хотят ли ольховские ребята примкнуть к их экспедиции.

Дениска ответил, что все это было бы очень интересно, но озеро, как он слышал, давно, к сожалению, высохло.

— Да нет же... Есть озеро, есть! — кричал Саша в трубку. — Его профессор Шлякотин с вертолета видел.

Разговор на этом неожиданно оборвался, и как Саша ни старался, он никак больше не мог связаться с Большой Ольховкой.

— Загадочно, — покачала головой Елена Ивановна, когда Саша рассказал ей о своем разговоре с Дениской. — В самом деле, есть озеро или нет? Ну что ж, будем устанавливать истину...

В поход выступили после обеда.

Полная неопределенность месторасположения озера поначалу никого не смущала. Ребята решили идти вдоль Ори до ее истоков; возможно, речка и вытекает из неизвестного озера? Во всяком

случае, Оря безусловно выводила их в Медвежий угол.

Светлана и Клава и здесь не прекращали разыскивать и наносить на карту муравейники. Поэтому они отошли от Ори на несколько десятков метров и двигались лесом, мечтая о следующей экспедиции.

— Специального назначения, — радостно подмигивала Светлана.

— Ага! По разведению муравьев! — соглашалась Клава.

Да, да, они узнали, что муравьев можно разводить! Правда, это нелегкое и требующее больших знаний занятие, но ведь если б на каждый гектар леса в Бережках было бы по муравейнику, как хорошо было бы жить в лесу! Он избавился бы от большинства своих врагов. Девочки зарегистрировали уже двести семьдесят шестой муравейник и двигались дальше, поглощенные сложными расчетами. Им хотелось поточнее сообразить, на сколько же гектаров сейчас приходится один муравейник и сколько муравейников недостает.

Зеленуха, который отстал от девочек и шел с Чапаем за Симкой, взобрался было на перекинутое через реку дерево, но попятился и чуть не свалился в воду.

— Там змея! — шепнул он Чапаю.

— Это уж, — пожал плечами Чапай.

Вдоль берегов реки появились камыши. Это обрадовало ребят. Значит, они идут правильно! Ведь профессор рассказывал, что берега озера покрыты зарослями камыша.

— Но мы прошли восемнадцать — двадцать километров, — остудила горячие головы Елена Ивановна, — а с вертолета видели озеро в шестидесяти километрах от Караваявской фабрики! Выбирайте лучше место для привала.

Ребята не соглашались. Кто знает, с вертолета ведь не сочтешь километры! Но камыши как-то незаметно поредели, и Оря исчезла. Она словно растворилась в камышах. На холме, у подножья которого кончалась река, и решили расположиться на обед.

— Каждому человеку необходимо в сутки съесть не меньше трех с половиной тысяч калорий, — сообщил Зеленуха, с возделением поглядывая на банки с тушенкой и торопясь развести костер.

Теперь он справлялся с этим делом шутя! Как-то, на спор, он развел отличный костер даже на мокрой травяной

кочке, со всех сторон окруженной водой.

— А ты знаешь,— сказала Светлана, с удовольствием поглядывая, как ловко Зеленуха вбивает в землю таган и укрепляет в развилке жердь,— вот теперь можно сказать, что тыходишь в силу...

За обедом, посоветовавшись, решили идти на северо-восток, в самую гущу Медвежьего угла.

По дороге никаких приключений не было. Когда остановились на ночевку, Елена Ивановна сообщила, что по ее подсчетам пройдено тридцать два километра. Заночевали на лесной поляне, до того прогретой солнцем, что даже к ночи не выветрился густой, сладкий запах цветов.

При свете костра Зеленуха с увлечением заполнял дневник. Правда, Елена Ивановна уже как-то предупредила его, что в дневнике должны быть только фактические события, случившиеся за день. Но Зеленуха не мог удержаться. Он упомянул, что за истекший день Светлана и Клава отыскали и нанесли на карту двадцать два муравейника. Тут он лишь на мгновение поднял от дневника голову и вспомнил, что в Южной Америке водятся кровожадные муравьи тамбога. А тропические пиявки залазят в трахеи и дышат человека. А в африканских джунглях водится зеленая муха-варега, которая свои яйца откладывает в нос и уши человека, и ее личинки прогрызают ходы в человеческом лице... Он вспомнил страшных рыб-пиралбео, которые набрасываются на человека, едва он ступает в воду, и мгновенно обгладывают мясо до костей...

От всех этих страшных мыслей ему стало не по себе; он поднял голову, и тут во мраке что-то мелькнуло в воздухе над головой, мелькнуло так быстро, что Зеленуха не мог рассмотреть... Тут же он почувствовал холодное острое прикосновение к шее и спине, оглянулся и едва не заорал от ужаса. Из-за плеча торчали коготки и две сложенных перепонки крыла. Кто-то повис на белой рубашке Зеленухи вниз головой; он не сразу заметил, что из-под локтя выглядывает широконосая мордочка с огромными ушами и бисеринками глаз...

— Гляди-ка!— обрадовался Саша.— Летучая мышь!

Он попробовал ее схватить, но мышь, легонько цапнув Зеленуху еще раз, оторвалась от него и исчезла в темноте.

— Ф-фу...— еле выговорил Зеленуха.— Ну и перепугался!..

Следующий день также не принес каких-нибудь осложнений. Ребята продолжали двигаться на северо-запад. Хвойные деревья почти не попадались, зато было много орешника, дуба, клена. Но никаких признаков озера не было. По подсчетам Елены Ивановны, экспедиция прошла шестьдесят километров.

— А может, мы его прозевали?— волновались ребята.

— Вполне возможно,— соглашалась Елена Ивановна.— Ведь профессор упоминал, что озеро небольшое, можно сказать, крохотное...

— Должны же быть какие-то приемы и правила при поисках озер!— говорил Зеленуха.— А если их пока нет, надо изобрести! Ведь полезные ископаемые не ищут просто так, бродя по лесу. Разве так найдешь!

Впрочем и он пока не падал духом. Только Чапай что-то приуныл и легко раздражался. Он несколько раз подходил к Елене Ивановне, словно хотел что-то сказать, но раздумывал и возвращался к Симке. Саша заметил это и, улучив момент, потихоньку спросил Чапая:

— Ты что?

— Слушай,— Чапай было ухватил его за руку, но тут же сник.— Да нет, ничего я тебе толком сказать не могу... Просто чувствую— где-то рядом беда бродит...

— Что ты? Какая беда?

— Не знаю... Только надо глядеть в оба.

Хотя беспокойство Чапая как будто не вызывалось никакими определенными причинами, Саша, переговорив с Еленой Ивановной, распорядился, чтобы в эту ночь дежурили по-двое.

К ночи они прошли около семидесяти километров. Не было ничего похожего на озеро. Несколько коротких бросков на юг и на запад также ничего не дали. Идти дальше на северо-восток не было никакого смысла: через десяток километров они бы вышли на Званцевский большак. Вряд ли озеро находилось так близко к большаку. Его надо было искать здесь! Договорились утром провести поиски в радиусе десяти километров от места ночевки.

Зеленуха и Рая дежурили первыми. В двенадцать часов Зеленуха заглянул в палатку, чтобы разбудить следующую пару— Чапая и Вальку. Чапай не спал,

Он приподнялся и вылез, едва Зеленуха сунулся в палатку.

— Порядок?— ворчливо спросил Чапай, присаживаясь к костру и глядя на огонь так, как будто он ему уже надоел.

— Скажи спасибо нам,— весело шепнула Рая, проскальзывая в свой угол и тотчас укладываясь. Она очень любила поспать.— Посмотрим, как у вас будет.

Почему-то Чапай, выходя, не разбудил Вальку, и тот все еще мирно похрапывал, когда Зеленуха, умывшись, полез в палатку спать.

Валька пытался лягаться; уверял, что он свое отдежурил, но Зеленуха был немолчим.

А за час до рассвета Валька растормошил Елену Ивановну, Сашу, поднял всех.

— Ой, пропали мы!.. Ой, ребята,— стонал он, раскачиваясь и вцепившись в уши толстыми красными пальцами.— Ой, что теперь будет...

Выяснилось, что четверть часа назад Чапай неизвестно куда и зачем ускакал на верной Симке.

ПОГОНЯ

*Опять Семафор. Чапай размышляет.
Решение. Валька и незнакомцы. Озеро.*

Никто не подозревал, что позавчера вечером на Караваевской фабрике Чапай виделся с отцом.

В сумерки он вышел из Дома приезжих купить в будочке напротив мороженого. Едва шагнув из подъезда, он увидел знакомую спину. За ларьком «Пиво-воды» в компании трех незнакомых Чапаю мужчин стоял его отец. Компания опустошила пол-литра водки, наспех закусывая хлебом с огурцами.

Заметив сына, Семафор что-то шепнул мужчинам, и те отошли в сторону. Чапай приблизился к отцу.

— А-а, сынок!— заговорил Семафор.— Ваша экспедиция уже здесь... Чего подельываете?

— А ты почему на фабрике оказался?— Чапай подозрительно оглядел подгулявшего отца.— Или здесь пол-литры слаще?

— Да так... дела всякие,— небрежно ответил отец:

— Ты бы, батя, кончал эти... дела всякие. А то поздно будет.

— Чего, чего?

— А того... Как с дубовыми колодами получилось, сам знаешь. А теперь ребятам и про лося известно, кто его прикончил. Жди вот, скоро тебя на суд потянут.

— Погоди, Борька,— задохнулся отец.— Да кто ж мог видеть меня?

— Нашлись люди, видели... Как ни хитри, а следов не спрячешь...— Чапай вдруг схватил отца за рукав.— Батя! Ну, зачем тебе все это?.. Лоси, дубы, рыба... Не якшайся ты больше с гицелем... Гони от себя. О нем надо всем рассказать, на чистую воду вывести.

— Ты у меня гляди,— пригрозил отец, косясь на сына растерянными мутными глазами.— От рук начинаешь отбиваться. А тут дело вовсе не шутейное. Может, оно всей нашей жизни касается...

— Жизни!..— горько усмехнулся Чапай.— Еще чего скажешь... Да какая у нас жизнь, батя?

Чапай рос в большой семье, которую дети, едва подрастая, торопились покинуть. Старший брат поступил в ремесленное училище, потом уехал на Восток; второй брат работал прицепщиком в совхозе, в двухстах километрах, но приезжал домой редко. Следующим шел Чапай; он тоже подал заявление в ремесленное и тайком от всех, не в свой город, а в другой, ближе ко второму брату, чтобы только не жить с родителями. Следом за Чапаем шла еще сестренка, Лидка; ей пошел двенадцатый год, и она ревматизировала, зная, что скоро Чапай уйдет и она останется с пьяными родителями и с меньшим, шестилетним, Колюхой...

Истеричная, пьяная, с драками и слюнявыми примирениями, скверная, нечистая жизнь дома изводила детей. И все же это были их мать, их отец... Дети могли простить им все, кроме дружбы с дядей Гришей, гицелем... Говорили, что в Отечественную войну дядя Гриша был офицером. Потом его за что-то разжаловали. Он долго колесил по стране, пока, наконец, не приземлился в Майске...

Семафор и его жена, пусть без славы и на ерундовой работе, но все же потрудились в заводском коллективе, и у них были знакомые— собутыльники, приятели по игре в домино. Они еще способны были в пьяном угаре каяться и кричать о честной, чистой жизни. У гицеля не было ни детей, ни приятелей, и он был убежден, что жизнь построена на

гадостях, которые люди делают друг другу, и важно лишь одно — не попадаться.

Чапай написал братьям; они приехали, видели гицеля, потом долго беседовали с родителями, даже пригрозили, что прекратят высылать деньги, если отец не отстанет от своего дружка. Отец обещал, каялся, но братья уехали, и все пошло по-старому.

А Чапай рос волчонком, злым, недоверчивым, вечно настороженным. Стыдясь за своих родителей, он не мог понастоящему дружить с ребятами и почти никого не пригласил к себе домой.

При этом он жалел отца и помнил все хорошее, что тот ему сделал, и очень хотел, чтобы отец держался подальше от гицеля.

— Ладно, сынок, — вновь заговорил Семафор. — Насчет лося могу и отпереться. Свидетелей все же не было. Ты лучше скажи, куда ваши направляются? Скажут, в Медвежий угол?

— Ну, хотя бы...

— На озеро? Нечего там делать.

Чапай взглянул на отца и пожал плечами: что это он опять выведывает?

— Ты слушай сюда... ты руководителю скажи, — торопливо заборкотал Семафор. — Нельзя туда ходить... Там самые бои шли, около озера. На mine подорваться можно... Разве в такое место с детьми ходят?!

— Пойдем, сам ей скажи, — усмехаясь, предложил Чапай. — Может, ты нам и дорогу на озеро покажешь?

— Я тебе дело говорю. Внуши там ребятам... На озеро и носа не смейте совать. — Семафор попытался удержать сына за плечо, но тот, не слушая его обиженного и тревожного бормотания, ушел в Дом приезжих.

В тот день Чапаю было только обидно, что отец у него живет не для настоящего дела, как другие отцы, а для того, чтобы сообразить на очередную поллитровку.

Угрозы отца, его испуг вызвали в нем только раздражение.

Но в лесу странное беспокойство все больше и больше одолевало Чапая. Он бы не очень тревожился, если б с отцом выступали только его приятели, браконьеры деревень Большая Ольховка, Лызово и Черное. Однако с ним был, наверное, и гицель.

В первый день пути к неизвестному

озеру Чапай ничем не выдал своих трудных раздумий. Он ждал, что ночью что-то случится, и не сомкнул глаз. Ничего не произошло. И озеро они не могли найти. Как-то странно все привязывалось к этому озеру! Что там может быть? Почему гицель и его компания так не хотят, чтобы экспедиция попала на озеро? Что они замышляют?

На второй день пути Чапай был взведен, как тугая пружина. За каждым кустом и деревом ему мерещилась угроза. Потом он подумал, что отец ведь не врал; говорят, что в Медвеьем углу между партизанами и фашистскими карателями было большое сражение... А что, если их экспедиция и в самом деле нарвется на мину?.. Чапай решил, что больше медлить нельзя. Самое скверное — неизвестность. В конце концов, если гицель, отец и их дружки в самом деле стерегут подходы к неизвестному озеру, тогда они где-нибудь здесь, вернее всего в сторожке, на полпути в Лызово. До этой сторожки отсюда километров десять. На Симке можно сматывать в оба конца часа за три... Не съедят же его там. В крайнем случае, отец в обиду не даст. А он все разузнает, а то и отцу еще поможет выпутаться из беды. И Чапай решился.

— Съезжу к отцу, — сказал он Вальке. — Узнаю, что и как. Чтоб не наломали дров...

— Вот это правильно!.. Давай! Только по-тихому. И скорей обратно.

Чапай отвел Симку шагов на пятьдесят в сторону, а когда решил, что топота не будет слышно, вскочил на нее и был таков.

Валька вернулся к костру, подбросил сухих дров, довольно потер руки и тут почувствовал, что за спиной его кто-то есть. Он едва нашел силы повернуть голову. Двое здоровенных мужиков заглядывали в палатку, другой стоял прямо над ним, Валькой...

— Где лошадь? — спросил крайний.

— У-ускакала, — пробормотал Валька.

— Кто ускакал? Куда?

— Чапай... К вам...

— К нам? — неизвестные переглянулись. — Куда это?

— Ему отец велел, — заторопился Валька. — Семафор... Знаете?

— Мы, парень, никого не знаем, — прохрипел средний. — Ты нас не путай. Мы лесники, службу несем. Глядим: ко-

стер, беспорядок... Ну, раз у вас тут де-
журство...

У Вальки даже во рту пересохло от
неожиданности! Лесники! Так это ж свои...
Он метнулся было к палатке, объясняя,
что разбудит Елену Ивановну, но его
придержали за плечо.

— Так вы, наверно, и дорогу на озе-
ро знаете?— с надеждой спросил Валька.

— Туда дорога закрыта,— сказал
средний.— Обнаружен склад немецких
мин. Сейчас там солдаты работают, са-
перы, на днях подрывать будут.

Они кивнули Вальке и не спеша дви-
нулись в лес. И только сейчас Валька,
хотя и мельком, но разглядел третьего.
Это был гицель!

Целый час Валька метался у костра,
не зная, что делать. Едва он вскакивал,
как ему казалось, что из-за леса за ним
следят. Но как только он усаживался, его
мучила мысль о Чапае, и не столько да-
же о Чапае, как о себе, потому что
скрывая бегство и пропажу Симки, он же
самого себя ставил под удар!

Перед рассветом Валька не выдер-
жал. Просто, он не мог больше один на
виду сидеть у костра. И надо было сей-
час же передать Елене Ивановне: при-
ходили лесники и предупредили, что путь
к озеру закрыт. Никто не знает, что это
не лесники. Никто не знает, что он видел
гицеля. А может, он его и не видел? В
конце концов он заботится обо всех ре-
бятах, спасая их от большой беды!

* * *

Чапай не проскакал и двух километ-
ров, когда заметил, что наперерез Симке
бегут какие-то люди... «Ребята!— удивил-
ся он.— Неужто Васька Чепрак?» Еще
больше удивился Чапай, когда увидел
Дениску Полозова и еще двух знакомых
ребят из Большой Ольховки. С ними бы-
ло несколько мальчишек, которых Борь-
ка не знал.

— Чапай!— обрадовался Дениска.

Не зная, что соврать, и не желая рас-
сказывать ребятам всю свою длинную
историю, Чапай запнулся, но потом при-
думал:

— Еда у нас кончается, а озера не
найдем... В Лызлово за хлебом послали.

Дениска придвинулся к нему вплот-
ную, заговорил вполголоса:

— Слушай. Озеро мы нашли. Это со-
мною ребята из Лызлова, они разыскали.
Когда Саша позвонил, что вам это озеро

нужно, мы всех на ноги подняли...— Он
помедлил и продолжал еще тише:

— Только там не поймешь, что де-
лается.

— Как так?

— А вот так. Собрались на озере
двое дядек из Лызлова один из Боль-
шой Ольховки, Васьки Чепракова отец,
да еще из города какие-то... Человек
шесть-семь. Все с ружьями... Потом
двое ушли, остальные ждут чего-то.

— Рыбу глушить будут,— сказал кто-
то из лызловских.— В озере ее, поди,
страсть! Мы видели, там какая-то плоти-
на сделана...

— А ружья?

Ребята задумались.

— То-то,— сказал Дениска.— Я гово-
рю— не поймешь... Давай так: ты, Чапай,
возвращайся к своим, поднимай их и ве-
ди на озеро. Проводником вам кого-ни-
будь дадим. И мы к озеру. Пока подой-
дете, постережем.

— Нет,— помолчав, решил Чапай.—
Я с вами... А до лагеря тут рукой подать.
Хотите, я и Симку отдам?

— Симка может еще пригодиться,—
Дениска осторожно похлопал лошадь по
широкой шелковистой груди.— Ладно.
Павлик и Андрейка, бегите в лагерь.
Поднимайте всех, ведите быстрее к
озеру! А мы— айда!

И он вскочил на Симку позади Ча-
пая.

Ребята быстро пошли на запад, где
край неба начал розоветь.

В рассеянном свете луны чернели ог-
ромные папоротники. Потом начались
камышы. Дениска повел свой отряд вдоль
камышей, ища проход к озеру.

— В камыши не лезь, не шурши,—
наставлял он потихоньку.— Гляди в оба,
а то промахнем проулочек...

И вправду, если б не лызловские ре-
бята, они прошли бы мимо незаметной
лазейки в камышах.

— Симку тут оставим,— шепнул Де-
ниска.— До озера метров сто... Ну, ре-
бята, давай, как разведчики! Чтобы ника-
кого шороха.

Двинулись дальше. Камыши кончи-
лись. На невысоком бугре темнели ивы.
За ними тускло блеснуло озеро...

Странное это было озеро. Между ив
и топей, еще ближе к воде, было мно-
го пней, среди них и свежие. Казалось,
что деревья, в том числе и большие, тол-
щиной едва не в человека, были не спи-

лены и не срублены, а словно перекушены. На черной воде озера плавали ветки; одну из них прибило к берегу. Дениска поднял ветку и показал ребятам. Она была аккуратно очищена от коры. Лунная дорожка бежала поперек озера; в ширину она тянулась метров на десять, да и в длину, похоже, немногим больше. Чапай пополз вдоль берега; везде виднелись муравьиные кучи, и почему-то к ним шли тропинки из воды. Что за ерунда — неужто здешние муравьи ходят купаться?

На одной из таких тропок он подобрал комок грязи с неприятным резким запахом.

Дениска осторожно дернул Чапая за рубаху, зашептал в самое ухо:

— Гляди-ка: направо от дорожки, на середине озера... Чего это?

Там чернело что-то вроде небольшого купола. Ребята силились рассмотреть что-нибудь, и тут над озером пронесся короткий не то свист, не то стон. Чапай, который, не мигая, вглядывался в озеро, первый заметил нескладную толстую тень, которая неловко выбралась из озера на берег и проковыляла к молодому тополю. За ней на берег, волоча широкие, как лопаты, хвосты, выбрались еще две тени. Конечно, это они обгрызали деревья! Молодой тополь пока сопротивлялся, но тоненькая ива уже рухнула со слабым плеском.

— Да ведь это бобры! — шепнул Дениска и едва не вскочил от своей догадки.

Он не успел договорить: с противоположного берега сверкнул огонь и гулко грохнули три выстрела.

ТАЙНА РАСКРЫТА

*Удивительные животные. Решение
гицеля. Чапай и Дениска. Схватка.
Отступление.*

Действительно, на озере жили бобры. Это и было тайной гицеля и браконьеров.

Озеро в Медвеьем углу когда-то знали как пристанище большой колонии бобров. Но когда пламя войны выжгло Медвежий угол, никому и в голову не пришло, что бобры могли уцелеть.

На бобровое озеро наткнулся как-то Чепраков-старший — отец Васьки. Он

рассказал о находке своему приятелю Семафору, а тот гицелю. Бобров было штук двадцать, да малыши подрастали. Все это пахло немалыми тысячами, и теплая компания решила пожить. Но тут они натолкнулись на одно серьезное препятствие: о бобрах уже знал лесник Медвежьего угла Федор Помазков, который время от времени тоже забивал бобров.

Пришлось браконьерам вступить в сговор с лесником: добычу делить на четверых.

Все шло как по маслу, если бы не новый лесничий Пал Палыч Житин. Приехав в Майское лесничество в начале зимы, он не терял ни одного дня и старательно, квадрат за квадратом, обследовал Бережки.

Но зимой, когда все загорожено снегом, увидишь немного.

Однако компания браконьеров понимала, что не сегодня, так завтра Пал Палыч узнает про бобровое озеро и тогда прощай надежды на заработки. Им же не хотелось продешевить, хотелось найти покупателей посolidней и повернее, да и бобров бить не сразу, а с умом, чтобы подрастала молодежь и не скудел доходец. Лесник и гицель все делали, чтобы очернить и опорочить Пал Палыча: писали на него доносы, подговаривали и рыбаков и лесорубов жаловаться, что из-за лесничего они не выполняют установленных планов. Были и попытки пулей убрать с дороги слишком дотошного работника... Когда же Помазков и гицель услышали, что об озере стало известно ученым, что скоро на озеро выйдет пионерская экспедиция, они решили срочно перебить бобров, замести следы и выручить все, что можно за дорогой бобровый мех.

Стрелять ночью нелегко даже опытным охотникам. После первых трех выстрелов на месте остался только один бобер, тот, который выбрался на берег первым и хотел полакомиться молодым тополем. Два других с шумом соскользнули в озеро, тревожно колотя по воде хвостами-лопатами. Секунду спустя они нырнули в воду. На озере все замерло.

— Ну, — сквозь зубы произнес Дениска, вставая. — Безобразничать мы тут не позволим...

Подтянув потуже ремень, он сказал, чтобы мальчишка, оставшийся с Симкой, немедленно скакал в Лызлово.

— Поднимать надо председателя, в милицию звонить, пусть тотчас машину высылают, чтобы никто не ушел из банкетов...

Потом Дениска, Чапай и остальные ребята, не таясь, пошли берегом пруда к убитому бобру.

— А как в нас стрельнут...— шепнул кто-то из ребят.

Навстречу им по берегу бежала черная фигура. Дениска остановился, крикнул:

— Эй, вы! Только не балуйте! Мы вас знаем, а всем рот не заткнете.

Неожиданно Чапай, шагавший рядом с ребятами, опередил их и бросился вперед: человек, торопившийся по берегу, был его отец, Семафор... Он первый поспел к бобру, наклонился над ним, но Чапай был уже рядом.

— Не трожь!..— хрипло вырвалось у него.

— Сынок?!— оторопел отец.— Откуда? Как ты сюда попал?

— Как надо, так и попал. Говорю, не трожь! Не трошь!

— А чье же, дурачок?— почти ласково спросил отец.— Твое, нешто?

Он поднял было бобра, взвалил его, как мешок, на спину, но на пути его стали Дениска и другие ребята.

Семафор шагнул к ним, но они не расступились.

— Дай пройти...— с угрозой сказал Семафор.

— Куда тебе идти, батя,— вцепившись в руку отца, тоскливо сказал Чапай.— Дошел ты...

— Да ты что, сынок!— зашептал Семафор, наклоняясь к нему.— Эта штука, знаешь, сколько стоит? Больше сотни потянет, да! Ты с ребятами тут потолкуй, скажи... от меня всем на подарок будет. И тебе куплю, чего скажешь...

Чапай съежился, похолодел,— так жалко выглядел сейчас отец. Он умоляюще кривил лицо, заглядывал ребятам в глаза, шевелил пальцами, и Чапай, брезгливо морщась, хотел только одного — чтобы все это скорей кончилось.

К Семафору подошли сразу несколько человек. Со взрослыми прибежал и Васья Чепраков.

Гицель только что уговаривал своих дружков не лезть на рожон и уходить, пока никто ничего не может доказать. Но его не послушались. Двадцать бобров по бедному счету стоили две тыся-

ИМЕНИ

11-ой

кавалерийской...

Есть у меня хороший друг — агроном Николай Горбунов. Член бюро сельского обкома комсомола. Живет в селе Нижняя Павловка, что раскинулось в 25 километрах от Оренбурга. Однажды я спросил его:

— Почему ваша мирная сельхозартель носит имя Одиннадцатой кавалерийской дивизии?

Николай улыбнулся.

— Так порешили те, кто закладывал наш колхоз.

Через десяток минут передо мной лежало письмо Маршала Советского Союза С. М. Буденного. Читаю: «Уважаемые товарищи! Ваше письмо получил. Искренне желал бы рассказать членам сельхозартели села Нижняя Павловка об Одиннадцатой кавалерийской дивизии Первой Конной армии подробно но, к сожалению, не имею для этого достаточно времени. Коротко могу лишь сообщить, что дивизия была создана летом 1919 года, в самое тяжелое для нашей страны время, когда войска Деникина, взяв Орел, подходили к Туле и рвались к Москве. В рядах частей дивизии служили добровольцы-работники Москвы, Тулы, Иваново-Вознесенска.

В состав Первой Конной армии дивизия была включена в районе Землянка (западнее города Воронежа) и в первые же дни отличилась в боях за станцию Касторная. Затем 11-я дивизия участвовала в боях за Донбасс, освобождала Таганрог, добивала деникинские войска на Северном Кавказе. В апреле-мае 1920 года она совершила тысячекилометровый переход из Майкопа в город Умань на Украине и приняла участие в знаменитом прорыве Конармией польского фронта.

С большим успехом 11-я дивизия боролась против врангелевских войск в Северной Таврии и Крыму и, наконец, громила басмаческие банды в Средней Азии. В дальнейшем 11-я кавдивизия дислоцировалась в Оренбурге.

В рядах прославленных полков сражались тысячи настоящих героев, горячо преданных советскому народу и Коммунистической партии. В бою под Агайманом смертью храбрых погибли герои гражданской войны — командир 11-й дивизии Федор Максимович Морозов и военный комиссар дивизии Павел Васильевич Бахтуров. На польском фронте погиб командир 2-й бригады Семен Михайлович Патолычев, человек изумительного мужества и большой отваги.

О боях, командирах и политработниках 11-й кавдивизии можно рассказать очень много интересного.

Передайте мой привет и добрые пожелания всем колхозникам!

Маршал Советского Союза С. М. Буденный».

Колхозники бережно хранят послание Маршала. Многие из них хорошо помнят красных конников, которые в свое время шефствовали над только что созданной артелью.

В. ПРОЛЕТКИН

чи рублей. Неужели оставлять такие деньги из-за кучки мальчишек?

Один из подошедших рванул у Семфора тушу бобра, закинул ее себе на шею и понес. Кто-то из ребят сунулся было к нему, но получил такую затрещину, что едва не свалился в пруд. Васька радостно загоготал: «Так их!». Он вертелся перед ребятами, задирали их, науськивал и без того разъяренных мужиков. Его отец сгреб двух ближайших мальчишек за рубахи, стукнул лбами и, приподняв, швырнул в кусты. Самый высокий, не торопясь, подошел к ребятам, шевельнул круглым крутым плечом и негромко сказал:

— Брысь отсюда! Ну! Чтоб духу вашего не было...

Может, ребята и посторонились бы, понимая, что им не по силам задержать взрослых, здоровых мужчин, но тут снова прогремел выстрел с того берега. Бобры не могут быть под водой больше двух минут, и браконьеры этим воспользовались... И на этом берегу, тот, что пригрозил ребятам, скинул ружье, прицелился. Чапай, скаля зубы, изловчился, сильно стукнул кулаком по стволам снизу: шарахнуло над далеким лесом.

— А, так! Всех зараз перестреляю!— заорал мужик, оборачиваясь к ребятам.

— Дядя Федя, ты погоди,— умоляюще заговорил Дениска, выходя вперед и заслоняясь от направленного на него дула ладошкой.— Я Дениска Полозов, из Большой Ольховки, ты ж меня знаешь, и родителя моего Андрея Фомича, и маманю... Послушай, я дело скажу. Тут один ваш говорил, что за каждого бобра сто рублей дадут. Ты не стреляй, пожалуйста; мы, ребята, всей деревней сложимся, дадим тебе денег. Это же бобры, дядя Федя! Их на весь район нигде больше нет, на всю область... Вы бы их нам пожертвовали, ребятам, а мы бы их по всем речкам да прудам...

— Ты что зубы заговариваешь!— заорал Васька, бросаясь на Дениску. Ребята как будто этого и ждали. Четверо схватили Ваську за ноги и за руки, он было крикнул, но ему в рот натолкали травы. Отец, бранясь, побежал выручать своего Ваську, да споткнулся о поваленную бобрами иву, упал, выругался. С того берега еще раз ударил выстрел. И опять умный строитель плотин исчез в темной воде...

— Я знаю, кто это стреляет!— за-

кричал Чапай, задыхаясь.— Это гицель стреляет... Он из нашего дома! Пещалин его фамилия, звать Григорий Федорович, живет в квартире тридцать два! Пусть стреляет, пусть! Мы его из-под земли достанем!

Ребятам показалось, что гицель еще раз выстрелил. Но это грянул дружный залп пяти дробовиков Саши и его товарищей. Экспедиция, наконец, прибыла на берег озера!

С их приходом все стало на свои места. Браконьеры бежали, захватив первого убитого бобра.

Мало-помалу возбуждение от схватки с браконьерами спало. Ребята смогли одуматься и разобраться в том, что произошло. Елена Ивановна, которая всю дорогу чуть не бежала, сейчас держала за руку Чапая.

— Так нельзя,— с трудом переводя дыхание, говорила она.— Вы же все-таки дети... И я за вас отвечаю. С такими вещами не шутят.

Но постепенно и она пришла в себя, и чудо, на которое они наткнулись в Медвежьем углу, поразило ее даже больше, чем ребят.

Было еще темно; день обещал быть пасмурным, рассвет задержался. Бобрам самое бы время играть, ремонтировать свои хатки и лазы из-под воды на берег, куда они выходили кормиться, но, напуганные стрельбой, умные зверьки затаились и упрятали малышей в дальних норах.

— Теперь я знаю, чье это,— сказал Саша, доставая засохший коготь, который он подобрал в старой конюшне.— Бобра... И капканы пахли бобрами... А на бобров охота запрещена!— Он взглянул на Елену Ивановну.

— Ох, я так рада, что все благополучно кончилось!— улыбнулась Елена Ивановна.— Было страшновато, правда? Дениска серьезно кивнул.

— Спасибо, Саша, вовремя подоспел.

— ДЗП,— ухмыльнулся довольный Саша.— Взаимная выручка в бою...

— Неужели действительно бобры!— Елена Ивановна подошла к самой воде, рассматривая далекую хату.— Бобры... Это удивительней, чем если бы мы нашли золото. Вы знаете, мальчишки, что на земном шаре известны, пожалуй, все места, где уцелели бобры?

— А это было не известно?— обрадовался Саша.

— Конечно.

— Выходит, мы сделали открытие?

— На этот раз — настоящее... Бобры сейчас — одни из самых редких зверьков на земле, хотя раньше их было очень много.

— Великолепный мех бобров ценился еще в глубокой древности. Нельзя назвать другое животное, которое человек истребил бы с такой быстротой и беспощадностью, как были истреблены миллионы бобров. Уже сто лет тому назад во всей Германии насчитывалось, как отмечал Брем, семьдесят пять бобров; в Англии и Франции их перебили всех до одного. Когда-то особенно много бобров водилось в Северной Америке и Канаде. Индейцы уважали бобров за ум и миролюбие и ни при какой нужде их не трогали. Потом пришли белые, и началась бойня. Только из Канады каждый год от-

правлялось за океан полмиллиона шкурок. В Америке бобров извели, в Канаде осталось несколько десятков, может, несколько сотен штук.

Тогда на защиту оставшихся бобров встали двое — Грей Оул, Серая Сова, и его жена Анахарей, происходившая тоже из древних индейских племен. Они писали в газеты, выступали с лекциями, показывали прирученных ими бобров. Истребление этих животных было позором Канады. И правительство, которое ничего не имело против того, чтобы восстановить поголовье бобров и снова получать за их шкурки золото, издало приказ, которым на огромных территориях канадских лесов запретило не только убивать, но даже беспокоить бобров. О своей борьбе за жизнь бобров Серая Сова написал замечательную книгу «Лесные странники»...

— Я читал,— оживившись, сказал Зеленуха, но оказалось, что эту книгу знали и Саша, и Дениска, и девочки.

— Когда-то в царскую казну подать платили бобровыми шкурами,— продолжала Елена Ивановна.— Перед революцией в нашей стране оставалось по всей стране очень немного бобров... А сейчас их значительно больше!

— Это как же?— не поверил Валька.

— Советская власть взяла бобров под защиту, запретила их убивать. Создано три основных заповедника— Воронежский, Белорусский и Кондо-Сосьвинский в Сибири. Здесь бобров защищают, лечат, подкармливают, вывозят в другие места, где возникают новые бобровые поселения. Ученые мечтают вернуть то время, когда бобр встречался не реже, чем лиса.

— А зачем они, собственно?— Валька изогнулся и пустил по воде камешек.— Из-за меха? Так искусственный мех и красивей, и дешевле, и надеть его можно сколько угодно...

— При чем тут мех!— Саша отобрал у Вальки камни, которые тот собрал, чтобы пускать по воде: ведь где-то там затаились бобры!— Нельзя убивать красоту... При коммунизме лесам, рекам, озерам будет так же хорошо, как и людям... В разных местах живут бобры и бегемоты, жирафы и белые медведи, тысячи разных животных. Какая от них польза? Какая польза от красивого облака? От пахучей лозы, которая растет по Ковде? Может быть, вторая очередь комбината куда полезнее всех Бережков... И все-таки будет чудесно, если сумеют построить комбинат и сохранить Бережки... Земля должна быть все богаче и богаче, а не бедней и бедней. Как было бы тоскливо людям, если бы истребили животных, птиц, цветы...

— Мне кажется,— решительно заявила Светлана,— что если бы действительно случилось такое несчастье— и цветы, звери, птицы исчезли с земли, люди стали бы вот такими, как ты, Махортов! Исчезло бы то, чем люди любят, что вызывает у них радость и нежность...

— А ты хотела бы, чтоб все стали такие, как Сашка?— рассердился Валька.

— Да уж не такие, как ты!— загорячился Зеленуха.— Ну скажи по совести, что ты любишь? Что уважаешь? Да что говорить, ты ведь даже наши Бережки не ценишь...

Валька отвернулся от Зеленухи и несмотря сплюнул в озеро.

— Ты, пожалуйста, не плюйся...— тихо, но внушительно сказал Саша.— Там бобры живут.

— Да что вы ко мне пристали,— взмолился Валька.— Елена Ивановна, чего они все учат меня? Говорили: экспедиция, путешествие, а тут жизни нет...

Елена Ивановна подмигнула ребятам, и они отстали от Вальки.

Все надеялись, что бобры, может, все-таки покажутся, и поэтому разговаривали шепотом.

— Ты представляешь, какие будут кадрики?— заранее облизывался Зеленуха.— Браконьеров, безусловно, поймают, их я еще успею отснять. Главное— бобры!

— А почему здесь столько муравейников?— недоумевала Светлана. Они с Клавой уже зарегистрировали несколько куч— до трехсот штук не доставало всего лишь одиннадцать.— И зачем к ним от озера проложены дорожки?

— Как? Вы, известные мирмекологи, не знаете такой простой вещи?— сказала Елена Ивановна.— Но ведь всем известно, что бобры очень любят ходить в гости к муравьям... Бобры вылезают из хаток и греются на солнце, а муравьи в это время очищают их драгоценный мех от всяких паразитов!— Она вдруг умолкла и повела носом.— Кажется, пахнет дымом. Где-то горит!

Все вскочили и оглянулись.

Вдали горели камыши.

ОЗЕРО В ОГНЕ

Не падать духом. Валька в панике.

Схватка с огнем. Друг приносит записку.

— Немедля все ко мне,— распорядилась Елена Ивановна.— И никаких глупостей. Выбираться будем все вместе.

Ребята побежали к узкой насыпи, где росли ивы и ветлы, к камышам. Сразу противно запахло гарью. Камыши потрескивали, иногда жаром охватывало лица, хотя пламени вблизи нигде не было. Наконец ребята нашли проход и побежали по нему. Через десяток шагов бежавшие впереди Саша и Чапай остановились.

— Что там?— крикнула Елена Ивановна.

— Огонь!

Теперь ребята его видели. Никакого прохода здесь уже не было; впереди с яростным треском бушевало пламя.

— Ну, друзья мои, теперь только не падать духом,—заговорила Елена Ивановна. Ей хотелось подбодрить и ребят и себя, потому что пока у нее не было никакого плана спасения.

— Какой там дух!—взорвался Валька.—Конец нам пришел, и все! Завели, заманили! Вы еще за нас ответите...

Чапай повернулся и неожиданно стукнул его так, что Валька плашмя растянулся под деревом.

— Извините, Елена Ивановна.— Чапай пожал плечами.— Но так нужно...

— Дайте только отсюда вырваться!—закричал Валька, отбегая к озеру.—Я вам покажу!

Елена Ивановна оглянулась на Вальку.

— Все назад!—крикнула она.—Скорее к озеру. А ты, Саша, заберись на дерево; посмотри кругом.

Следовало торопиться. Еще минуту назад ребята не видели огня, а теперь он забегал справа, слева, иногда даже обгонял их, и они прыгали через пляшущее на тропинке пламя.

Саша вскочил на насыпь и вскарабкался на самую высокую иву.

Ребята вернулись к озеру.

Здесь было не так жарко, но тяжелый белый дым густо стлался над водой. Ребята задыхались, отплевывались, кашляли... Елена Ивановна достала из озера большой пук водорослей, предложила дышать через них. Стало легче.

— Знаменитая водоросль хлорелла,— тотчас вспомнил Зеленуха,—содержит больше питательных веществ, чем пшеница...

— Зеленушечка,—взмолилась Светлана,—расскажи что-нибудь веселое. Может, будет не так противно дышать.

— Пожалуйста,—покашляв, согласился Зеленуха, но не смог вспомнить ничего веселого.

Саша спустился с дерева и сообщил, что камыши горят только с южной стороны. С севера, за озером, огня пока нет.

— Будем пробираться через озеро,—предупредила Елена Ивановна.—Всем приготовиться. Мальчикам взять у девочек рюкзаки.

Первым в озеро плюхнулся Валька и, судорожно взмахивая руками, поплыл «саженками».

Но озеро оказалось неглубоким. Лишь кое-где пришлось перебираться вплавь.

Вскоре все выбрались на противоположный берег и оглянулись. Огонь, стремительно пожирая сухие камыши, уже пробивался к тому месту, откуда только что ушли ребята.

— А как же бобры?—застонал Зеленуха.

— А муравьи?—взмолилась Клава.

Валька фыркнул: подумает, стоит ли из-за них переживать. А бобры не сжарятся, отсилятся в своих норах. Тут главное—поскорее самим уйти, пока огонь не перекинулся на лес.

Но Вальку никто не слушал. Все стояли на берегу и с тревогой прислушивались, как с треском и свистом горели камыши, как пламя перекидывалось направо и налево, продвигалось вдоль берега и, казалось, готово было окружить все озеро. А тогда бобрам не сдобровать. Да и лес может загореться.

— Нет, от пожара бежать нельзя,—вслух подумала Елена Ивановна.—Надо что-то предпринять...

— Правильно,—кивнул Саша.—Надо срочно сообщить в Лызлово, поднять пожарников, колхозников.

— Симка уже давно туда ускакала, а с ней наш парень,—сообщил Дениска.—Из Лызлова обязательно люди прибудут.

— А пока давайте сами пожар тушить,—сказал Чапай.

Предложения посыпались со всех сторон: освободить рюкзаки от вещей, таскать в них воду из озера и заливать огонь; сбивать пламя зелеными ветками; прокопать через камыши канаву и забросать огонь землей.

— А лучше всего срезать часть камышей,—посоветовал Дениска.—Проделать широкий проход и не пустить огонь дальше. У кого есть ножи?

Ножей у мальчишек нашлось немного, в ход также пошли две саперные лопаты, оказавшиеся у членов экспедиции.

Срезанные стебли камыша девочки собирали в охапки и оттаскивали подальше в лес.

Проделав широкий проход через камыши с одной стороны озера, ребята решили на другую сторону.

Вскоре от гари и копоти все стали черные, как негры. Глаза слезились от дыма, волосы были подпалены, не обошлось и без прожженных рубашек и кофточек. Но самым тяжелым были даже не

удушливая гарь, не жар, который охватывал лица, а сознание беспомощности. Сколько еще времени сражаться с огнем? Сумеют ли они почти голыми руками остановить его? Где же помощь из Лызлова? Неужели там не видят, что в Медвежьем углу бушует пожар?

Саша то и дело забирался на деревья. Иногда ему казалось, что пожар стихает; иногда за стеной огня что-то мелькало, и он до рези в глазах всматривался, надеясь увидеть, что помощь уже прибыла. И всякий раз Саша убеждался в ошибке. Но вот, шаря глазами вокруг озера, он вдруг услышал на противоположном берегу нетерпеливый собачий лай. Саша стремглав спустился с дерева.

— Друг! — крикнул он не своим голосом. — Пал Палыч!..

Лесничего нигде не было видно, но его собака стояла на берегу, где догорали камыши. Шерсть на ней дымилась. Увидев Сашу, Друг бросился в воду. Саша поплыл ему навстречу. Они встретились на полпути.

— Друг! — Саша легонько обнял собаку за шею, но тотчас отпустил, почувствовав, что к ее ошейнику прикреплено что-то твердое. Это был кусочек глины, что-то облепывший. Верно, глина была мягкой, даже мокрой, когда ее прикреплял к ошейнику. Теперь она затвердела, как кирпич. Собака выбралась на берег, и Саша поспешил разломить глину.

В глине, как Саша и ожидал, привязанная к ошейнику лежала записка.

«Если не сможете выбраться, переждите пожар на озере. Мы спешим к вам на помощь из Лызлова. П. П.»

— Пал Палыч в Лызлове? — удивился Зеленуха. — Как он туда попал?

— Значит, вернулся из города, — сказал Саша. — И, наверное, с новостями.

— Хорошо бы с добрыми, — вздохнул Зеленуха и, вскрикнув, волчком закрутился на месте: искра обожгла ему щеку.

Наконец, дойдя до широких проходов, проделанных ребятами в камышах, пламя еще немного побуйствовало, погу-

дело, словно в топке паровоза, потом начало приземляться, сникать, гложуть.

Не успели ребята от радости крикнуть «ура», как на южной стороне озера снова показался густой дым — огонь с камышей, видимо, перекинулся на лес.

— Опять горит! — всполошенно заорал Валька. — Бросай все! Не потушить нам, кишка тонка...

Чапай зло погрозил ему кулаком и бросился вслед за ребятами и Еленой Ивановной, которые через догорающие дымные камыши бежали к южной стороне.

Там действительно горел лес. Невысокие молодые сосенки и несколько елей, ближайšie к камышам, пылали, как свечи, и от их огненных искр уже занимались соседние деревья.

У Елены Ивановны заняло сердце — здесь ребята, пожалуй, были бессильны.

Она кивнула Дениске:

— Мы стараемся сделать все возможное... А ты все же беги в Лызлово... поднимай тревогу.

Дениска немедля исчез за кустами, но вскоре вернулся и огласил лес радостным воплем:

— Идет... Подмога идет!..

Через минуту к горящему лесу подошли Пал Палыч и большая группа лызловских колхозников. За ними, тархтя колесами по корням деревьев, с трудом двигалась подвода с пожарным насосом.

Прибывшие сразу же принялись тушить пожар. Они подтащили насос к озеру, быстро раскатали длинный брезентовый рукав, и тугая шипящая струя воды ударила по горящим деревьям. Другие колхозники рубили лес, копали канаву и забрасывали огонь землей.

Вскоре пожар был остановлен.

Улучив момент, ребята окружили Пал Палыча и принялись расспрашивать, что с ним произошло в городе.

— Честно говоря, — помолчав, серьезно сказал Пал Палыч, — больше всего на меня подействовало ваше письмо.

Ребята растерянно переглянулись. Зеленуха медленно покраснел.

— Наверно, не по форме написано, да? Но мы хотели от души...

Пал Палыч отстегнул карман куртки, осторожно вытащил небольшой целлофановый конвертик и извлек из него знакомое всем письмо.

— Спасибо, ребята, — произнес он. — Я долго буду хранить это письмо.

— А все же... что с вами было? — не унимался Саша.

— Можете не волноваться, все в порядке. Просто очередная мелкая провокация, еще один анонимный донос. Но все обвинения насчет убитого лося лопнули, как мыльный пузырь. Свидетель — пионер — оказался липовым, подставным. Просто его взрослые подослали. Кстати, вы с ним тоже встречались — это младший Чепраков из Большой Ольховки.

— Мы так и думали! — вскрикнул Зеленуха.

— А за ваше коллективное письмо еще раз спасибо, — улыбнулся Пал Палыч.

— А как вы к нам попали? Да еще с колхозниками, с пожарным насосом, — с нетерпением спросила Светлана.

Пал Палыч коротко рассказал. Из города он прямо направился на Караваевскую фабрику, где предполагал встретить всех членов экспедиции. Но не застал. Тогда он пошел по их следу, попал в Лызлово и здесь от прибежавших мальчишек узнал о находке на озере бобровой колонии. А тут еще дым над лесом, — значит, пожар, ребята в опасности, надо их выручать. Послал на озеро записку с Другом, а сам поднял по тревоге лызловских колхозников. И вот они здесь.

— Да, кстати, — сообщил Пал Палыч, — милиция и дружинники задержали группу браконьеров. Среди них лесник Помазков и этот гицель из города, Григорий Пещалин. Надо признаться, они очень ловко скрывали бобровое озеро...

— А кто камыши поджег, выяснили? — спросил Саша.

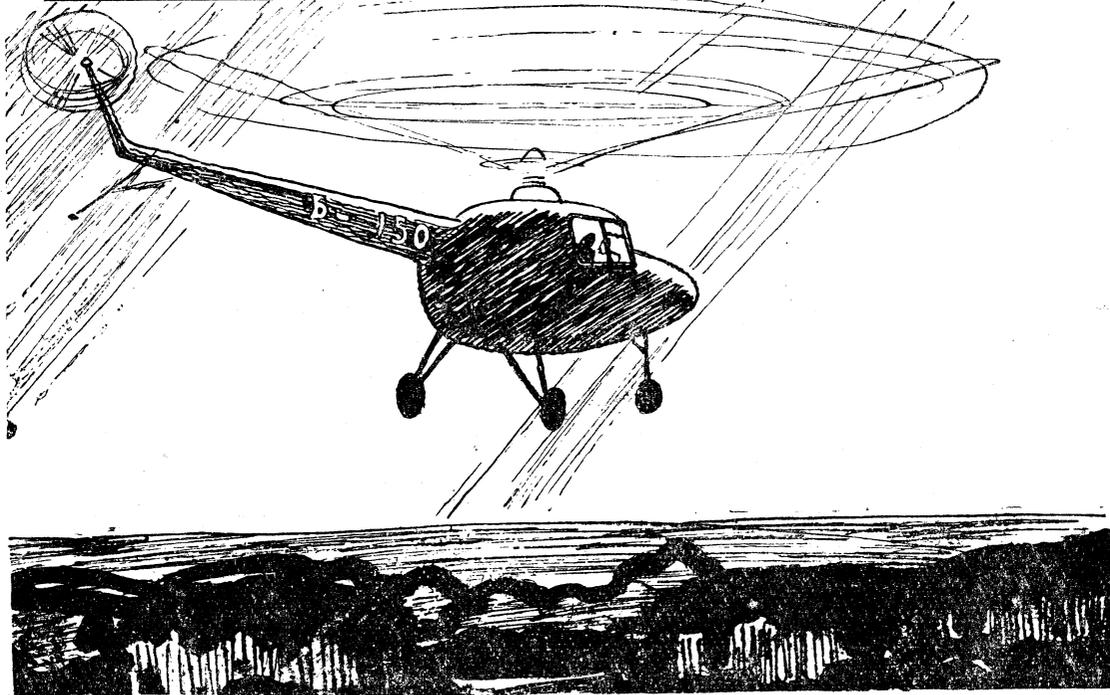
— Захваченные уверяют, что они тут ни при чем. Но поверить им трудно. Думаю, что суд разберется... — Пал Палыч насторожился и поднял голову: над лесом, как огромный шмель, загудел вертолет.

СУДЬБА БЕРЕЖКОВ

ДЗП слушает главного инженера. Наше небо. Наступать и только наступать!

Едва вертолет опустился на лесную поляну, как из него выскочили профессор Шлякотин, Кочетков-старший и несколько пожарников с Караваевской фабрики.

Пожарники выгрузили из вертолета огнетушители.

Вскоре пожар был окончательно потушен.

Старший из пожарников оглядел чадавший лес и обратился к лызловским колхозникам:

— За находчивость и быстроту объявляю благодарность!...

— Первая благодарность вот кому,— Пал Палыч показал на черных, опаленных ребят и Елену Ивановну.— Это они начали борьбу с огнем...

Угрюмый Лев с тревогой оглядел ребят.

— Елена Ивановна, — распорядился он.— Немедленно отправляйте детей на Караваевскую фабрику. Вы все в таком виде... Может быть, есть даже серьезные ожоги, повреждения?

— А лучше всего прямо в Майск,— поторопился вставить Кочетков-старший, держа сына за плечо и вытирая ему носовым платком закопченное лицо.

— Так нельзя,— волнуясь, сказал Саша.— Мы сделали вроде как открытие, а вы нас гоните.

— Тем более, пожар уже кончился,— поддержала его Светлана.

— И никто особо не пострадал,— подхватил Зеленуха, стараясь высвободиться из рук отца.

— Открытие? Какое открытие? — удивился профессор.

— Ребята обнаружили на озере поселение бобров,— пояснила Елена Ивановна, поспешно стирая с лица следы гари.

Угрюмый Лев с недоумением уставился на нее, потом медленно оглянулся на озеро. Услышав о бобрах, оглянулся даже Кочетков-старший, который безуспешно уговаривал Зеленуху подняться в вертолет. Острые глаза натуралиста позволили профессору по заслугам оценить и бобровую хатку, и плотину, которая угадывалась за хаткой, и поваленные острыми зубами бобров деревья.

— Нам очень обидно покидать сейчас это озеро,— заторопился Саша.— Мы даже не видели бобров! Мы очень хотим их увидеть и просим, чтобы отъезд состоялся завтра утром. Ведь сейчас здесь, когда выгорели камыши, совершенно безопасно... И браконьеры, как нам сказали, уже задержаны милицией и дружинниками. Мы просим сегодня вечером провести здесь прощальный костер. ДЗП приглашает профессора Шлякотина и инженера Кочеткова выступить на костре и рассказать нам, что теперь будет с Бережками.

Поддержал просьбу ребят и Пал Палыч.

— Бобры в Бережках! Удивительно прямо,— покачал головой профессор.— Но это еще один существенный довод.— И он обратился к Кочеткову-старшему:— Ну-с, что вы скажете? Может быть, теперь вы поймете, что такое Бережки?

— Да, бобры это, конечно, открытие,— признался Кочетков-старший.

— Словом, коллега, нам с вами ничего не остается, как остаться и выступить

пить на костре... Да, кстати,— профессор посмотрел на ребят:— А что это за такое таинственное ДЗП?

Саша объяснил.

Договорившись, что все задержатся на озере до утра, ребята бросились мыться, чиститься, приводить себя в порядок. Рая израсходовала всю свою аптечку, смазывая царапины и обожженные места.

Потом с вертолета были сгружены такие вкусные вещи, что ребята немедленно почувствовали, до чего же они голодны! Выкупались, вскипятили огромный экспедиционный чайник и уселись завтракать. Чапай не забывал ни себя, ни Симку, то и дело угощал ее сахаром. Особенно ухаживали за Другом: никогда, наверное, не пробовал он такой вкусной еды!

Чем меньше времени оставалось до начала костра, тем серьезнее становились ребята. Даже Светлана перестала подшучивать. Словно отошли в сторону все их приключения, Мойкина гать, грязевое побоище, даже озеро, бобры, пожар... Теперь тревожно вспыхнуло самое главное: что будет с Бережками? Сумели ли город Майск, рабочие комбината, комсомольцы, школьники отстоять свои любимые Бережки? Помогла ли этому их экспедиция?

Когда костер запылал и инженер Кочетков получил, наконец, слово для своего сообщения, он начал несколько необычно:

— Товарищи!... Я хотел сказать — ребята!.. В общем, товарищи и ребята! Я хотел бы, чтобы вы меня поняли. От инженера-проектировщика требуется очень многое. Он должен учитывать огромное количество разнообразных факторов... При этом на него давят заказчики. Проект должен быть выполнен в срок. Вам ясна, так сказать, ситуация?..

— Пока нет,— сказала Светлана.

Все ждали, что инженер прямо скажет: быть или не быть Бережкам? А он чего-то крутил... Зеленуха сердито уставился на отца, а тот, поправляя очки, вопросительно смотрел на сына. Кочеткову-старшему хотелось, чтобы и сын, и другие ребята поняли, как сложен и увлекателен труд проектировщика.

— Берите быка за рога, коллега,— негромко бросил профессор Шлякотин. Все одобрительно зашумели.

— Но я все же хотел бы, чтобы меня поняли правильно! — заволновался Ко-

четков-старший.— Они уже большие, разумные, э-э... подростки, совершили такой нелегкий поход, и они вправе получить от меня все требуемые объяснения. В самом деле, почему возникло предложение разместить вторую очередь комбината в Бережках? По просьбе химиков. Им хотелось, чтобы строительство и эксплуатация комбината были как можно дешевле... Дешевле, разумеется, именно для химиков. Бережковский вариант действительно самый экономичный. Поэтому за него ухватились и химики, и мы. Однако, существуют не частные ведомственные интересы — так сказать интересы химиков, энергетиков, строителей, а общегосударственные интересы... Только если учитываются все стороны, а не одна, решение будет правильным. Скажем, для строителей электростанций рыба в реках — только помеха: нужно обеспечить ее сохранность, проход к нерестилищам и так далее. Если бы махнуть рукой на рыбу — пусть гибнет — электростанции строили бы дешевле и быстрее. Так и с Бережками. Когда сотрудники института климатологии, под руководством Льва Ильича Шлякотина, занялись проектом размещения второй очереди комбината в Бережках, они учли не только интересы химиков, а общенародные интересы. Здоровье жителей района и города. Их долголетие. Обеспечение города и промышленных предприятий водой. Выяснилось, что Бережки являются лесным массивом областного значения. Они благотворно влияют на микроклимат всей области. Сокращение лесов привело бы к снижению урожайности в колхозах и совхозах...— Кочетков-старший перевел дыхание и сделал небольшую паузу.

«Все не то, не то! — едва не закричал Зеленуха отцу.— Говори же, наконец, быть или не быть Бережкам?»

— Короче говоря,— продолжал инженер,— теперь неопровержимо доказано, что размещая вторую очередь комбината в Бережках, мы положим в карман химиков определенную сумму, зато вынем из государственного кармана сумму, почти в шесть раз большую! Таким образом, экономическая нецелесообразность размещения комбината в Бережках доказана. Совнархоз принял решение строить вторую очередь по Кузьминскому шоссе.

В полной тишине Пал Палыч громко спросил:

— Это окончательное решение?..

— Надеюсь, что да.

Взволнованная Елена Ивановна обернулась к профессору.

— Простите, а ваше мнение?

— Полностью присоединяюсь к предыдущему оратору, — весело прогудел Шлякотин. — И скажу вам, ребята, вполне серьезно: то, что вы сделали, в немалой степени помогло отстоять Бережки. Даже находка бобров... Ничего не бывает случайным в природе. Она тоже характеризует великолепное состояние и ценность Бережков.

Когда общее ликование несколько улеглось, профессор Шлякотин подозвал к себе Сашу Морозова.

— По-моему, — сказал он, — ваша Дружина Защиты Природы — весьма положительная затея, но я не понимаю, как можно ограничить такое начинание одним районом.

— Мы думали об этом, — сказал Саша, всматриваясь в оживленное лицо профессора. — Вот хотя бы Ковда... Она течет не только по нашему району. Мы узнали, что в соседнем районе в Ковду сбрасывает отходы мазута механический завод. А на Кузьминском шоссе, как раз на границе между нашим районом и Новосельским, дорожный трест соорудил асфальтовый завод. Он так чадит, что даже по шоссе ездить противно! И этот чад ветер, конечно, заносит и в наше

небо... Нам надо, наверное, перешагнуть границы района.

— Правильно, Саша, — поддержал его Пал Палыч. — Разве можно сказать: это наше районное небо? Или — наш районный воздух. Небо общее. Оно над всеми... И воздух тоже. И он должен быть чистым! Будет замечательно, если к нам присоединятся ребята других районов, потом — области, а когда-нибудь — всего Советского Союза...

— И других стран! — крикнул Зеленуха. — Защита природы в мировом масштабе!

— Конечно, надо мечтать и об этом, — сказала Елена Ивановна. — Было бы очень хорошо, если бы ребята всей Земли взялись охранять воздух, леса и реки, держать небо над планетой чистым и мирным... Есть отличная поговорка: самое далекое путешествие начинается с первого шага. Так почему бы не сделать этот первый шаг нам?

Большущая тень протянулась в лес, когда профессор Шлякотин подошел ближе к костру.

— Я прошу принять меня в члены ДЗП, — неожиданно сказал он, поправляя свою пышную гриву.

Все решили, что это шутка. Кто удивился, кто заулыбался и захолопал в ладоши, а Светлана и Саша Морозов нахмурились: шутить над ДЗП? Странно и недостойно Угрюмого Льва...

— Вы это серьезно, профессор?

— Вполне серьезно. Абсолютно.

Было уже довольно поздно, когда Кочеткову-старшему удалось немного посидеть около сына. Отцу хотелось понять, как отразилась история с Бережками на его дружбе с сыном.

— А ведь камыши подождли браконьеры,— несколько неожиданно сказал Зеленуха.

— Что ты говоришь? — удивился отец.

— Да, Пал Палыч предполагает... Пожар мог уничтожить бобров, повредить Бережкам...

Зеленуха сделал многозначительную паузу, искоса поглядывая на отца.

— Это хорошо, что ты согласился не строить комбинат в Бережках,— зашептал Зеленуха, подвигаясь к отцу.— Значит, ты одумался, тебе стало стыдно губить Бережки...

— При чем тут «одумался»? — отец протянул руку и осторожно поднял за подбородок лицо Зеленухи.— Ну ты и фантазер... Пойми: все решили расчеты. Цифры. Данные. Экономика, как говорится... Чтобы защитить Бережки, нужно было собрать много данных. В том числе сделанные вами замеры Ковды и Ори, характеристика леса. Ведь этих данных просто не было: ими никто не интересовался, пока не возник спор о Бережках.

ПОСЛЕДНИЕ СТРАНИЦЫ ДНЕВНИКА

22 сентября. (Почерком Светланы). Внимание! Сегодня в нашем дневнике согласился выступить начальник районного штаба ДЗП товарищ Александр Морозов. Тихо, товарищи! Говорит Морозов!.. (почерком Саши). Узнаете Светлану? И это наш будущий ученый. Никак не отучится над всеми подшучивать. Отыскивает смешное даже в серьезных вещах, даже в работе ДЗП...

Светлана. А почему это плохо?

Саша. Потому что серьезные вещи — это серьезные, а смешные — это смешные. Не станешь же ты искать анекдоты в учебнике геометрии?

Светлана. Не стану. И это очень грустно. Но было бы совсем неплохо, если бы в учебнике геометрии встретилась смешная задача или теорема о дли-

не окружности была бы выведена с юмором.

Саша. Ну, зачем ты это пишешь? Ты же знаешь, что не права!

Светлана. Тот, кто всегда прав, не прав...

(Дальше весь текст написан почерком Саши).

Светлана записала в дневнике последнюю фразу, страшно обрадовалась, сообщила, что это афоризм, и убежала... Мне часто говорят, что я слишком серьезный. Или что я корчу из себя взрослого. На критику, конечно, нужно реагировать. Но, по-моему, лучше быть серьезным, чем зубоскалом. До сегодешнего мы жили, мало о чем думая. Не чувствовали никакой ответственности. Экспедиция в Бережки нас многому научила. Главное то, что мы организовали ДЗП. Мы отвечаем не только за себя, а за все, даже за природу. Говорят: мы дети. Но завтра мы будем взрослыми. Значит, нам надо отвечать и за это завтра! И для этого мы можем многое сделать сегодня. Я мечтаю, чтобы наши ДЗП пошли по всей стране, а потом и по всей планете...

Очень здорово, что наша экспедиция помогла принять правильное решение о Бережках и нашла бобровое озеро. Районный штаб ДЗП получил от Д. Полозова, начальника ДЗП Большой Ольховки, фотографии и сообщение, что бобры чувствуют себя хорошо. На одной из фотографий Нюшка Чепракова подкармливает маленького бобренка. Денис пишет, что бобры питают к Нюшке исключительное доверие...

Хорошо, что мы помогли разоблачить браконьеров. Был суд. Чапай, Зеленуха, Махортов и я выступали свидетелями. Суд решил передать на поруки общественности отцов Гусинского и Чепракова; гицеля и лесника Помазкова приговорили к пяти годам заключения. Помните изломанные пруттики? На суде было доказано, что гицель и Помазков покушались на убийство Пал Палыча.

Чапай уехал в техническое училище. Когда мы все пришли его провожать, он, похоже, грустил... Чапай просил, чтобы ДЗП присмотрела за его стариками и помогла сестренке.

Семафора мы привлекаем к работе в ДЗП как знатока леса. Даже Пал Палыч удивляется, до чего ловко отец Чапая разбирается в звериных и птичьих следах!

Странно держится до сих пор Махортов... Правда, Чапай уверял, что у Вальки не все дома благополучно. Но сигнал не подтвердился. Его семья живет в отдельной квартире и живет неплохо. Отец и мать работают, он один сын. По-моему, Махортову просто нравится позиция такого «неподдающегося»...

Я забыл сказать, что, ДЗП помогла Светлане, Клаве и другим мирмекологам провести специальную экспедицию по созданию искусственных муравейников. Из муравьиных куч отбирались в ведра муравьи, а в особые патроны— муравьиные «царицы». Там, где это было намечено, участники экспедиции высыпали один патрон «цариц» и два ведра муравьев. Теперь за этими искусственными муравейниками ведется тщательное наблюдение...

Сейчас штаб ДЗП разрабатывает план походов на будущий год. К сожалению, наряду с серьезными предложениями, есть и недостаточно продуманные. Так, Зеленуха заявил, что он проведет месяц

в лесу, не имея ничего, кроме хорошего перочинного ножа и запасных очков.

Но было немало и серьезных планов. Предстоит большая работа по закреплению отдельных участков леса и рек за местными ДЗП. Пал Палыч считает, что, кроме бобров, в Медвеьем углу будет жить охотно ондатра. Как и бобры, она поступит к Денису, то есть в надежные руки.

Вот так и живем! В заключение должен признаться в одной странной вещи. Я прочел не один десяток книг о настоящих путешествиях. Среди них было много записок и воспоминаний великих путешественников. Очень неловко в этом признаваться, но наше путешествие мне кажется тоже самым настоящим.

Словом, как поется в нашей «Песне юных»:

Мы хотим увидеть сами,
Мы хотим пощупать сами,
Мы хотим проверить сами
Все, что есть на свете...
Все, что есть на свете!..

ФАДЕЕВ— СТАРШИЙ

На извилистых берегах небольшой речушки Бобровки, недалеко от города Артемовского, Свердловской области, раскинулось село Покровское. Сто лет назад здесь, в покосившейся крестьянской избушке с подслеповатыми оконцами, родился Александр Иванович Фадеев, отец выдающегося советского писателя.

Горе и нужда не покидали фадеевской избы. Умер отец, старший сын Константин ушел «в дом» в соседнее село Большое Трифоново. Александра взяли родственники, занимавшиеся «промыслом» — они возили чугунные «чушки» с Алапаевского завода в Кустанай, сплавляли лес.

Мальчик был не по годам серьезен и отличался пытливым умом. Окончив сельскую школу, он хотел поступить в пермскую гимназию, но получив ответ «Лапотных не принимаем», устроился помощником писаря в Покровскую волость.

В девятнадцать лет А. И. Фадеев сдал экстерном экзамен за гимназию и стал сельским учителем. Работал в селе Покровском, затем в Антоновском.

В эту пору и началась революционная деятельность Александра Ивановича. Созданный им в селе Антоновском народовольческий кружок был в 80-х годах прошлого века первой попыткой организованного руководства революционно-

демократическим движением в Ирбитском уезде. Вскоре в Ирбите появился С. А. Удинцев, исключенный за революционную деятельность из Петербургского университета. «Мы, — вспоминает А. И. Воробьев, — как бабочки к огню, полетели на зов молодого студента».

Фадеев был страстно убежден в необходимости революционного переворота в России, неутомимо распространял среди крестьян идеи «Народной воли». В статьях членов кружка раскрывалось и тяжелое положение рабочих Ирбитского уезда.

В 1885 году Александр Иванович по доносу местного священника был привлечен к дознанию за «распространение среди крестьян противоправительственных и противорелигиозных идей».

Его перевели в Баженовскую школу помощником учителя. Но и там он не прекратил революционной пропаганды. Власти решили окончательно разделаться с «крамольным» учителем и уволили его с «вольным паспортом», без права заниматься педагогической деятельностью.

Началась новая жизнь, полная невзгод и лишений, — жизнь революционера-подпольщика. Александр Иванович работал бурлаком на Каме и Волге, чернорабочим в имении профессора Энгельгардта. В конце 1886 года, находясь под гласным надзором полиции, поселился в Саратове и устроился на службу в психиатрическую больницу.

В 1892 году А. И. Фадеев переехал в Петербург и стал одним из руководителей «С.-Петербургской группы народовольцев».

14 июня 1894 года Фадеева арестовали. При обыске на его квартире, наряду с книгами буржуазных социологов, полиция обнаружила работу Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», а в барачной больнице, где Александр Иванович служил фельдшером, — «Капитал» К. Маркса, выписки из него, а также статью по рабочему вопросу, очевидно, предназначенную для нелегального издания.

Следствие тянулось почти два года. Молодой революционер томился в каземате Петербургского дома предварительного заключения.

Социал-демократическая организация следила за предстоящим судебным процессом. По ее поручению курсистка фельдшерских курсов Антонина Владимировна Кунц под видом невесты добила свидания с Фадеевым.

Александр Иванович произвел на Антонину сильное впечатление. Это был высокий, коренастый человек с пронизательными голубыми глазами и мужественным лицом, обросшим густой рыжеватой бородой.

24 января 1896 года последовало «высочайшее повеление» по делу «Группы народовольцев». А. И. Фадеев и его товарищи — М. В. Келлер, А. А. Федулов, А. И. Никитинский (бывшие студенты Петербургского университета), И. И. Фудель, И. В. Галицкий (бывшие студенты Военно-медицинской академии), М. А. Фишер (ремесленник) сослались в Архангельскую губернию с учреждением за ними гласного полицейского надзора.

Шенкурск — небольшой уездный городок на реке Вага. Здесь Александру Ивановичу предстояло отбыть пятилетнюю ссылку.

В Шенкурске оказалось много политических

ссылных, и вскоре они образовали «Политическую колонию».

В ночь на 11 февраля 1897 года у одного из членов колонии в Архангельске произвели обыск. В руки полиции попали важные документы, в том числе политическое заявление о размежевании колонии на два сообщества: «Народное право» и «Социал-демократы». А. И. Фадеева, возглавлявшего сообщество «Народное право», вместе с другими 34 членами этой группы привлекли к судебной ответственности. За неимением улик дело было прекращено. В архиве Архангельского губернского жандармского управления хранится обильное количество доносов и «рапортов»: «Знаком со всеми ссылными», «Принадлежит к кружку Максимова», «Прибыла к Фадееву... лекарская помощница Антонина Владимировна Кунц», «10 и 17 марта у него было общее собрание политических ссылных», «Объявлено о воспрещении сотрудничать в газетах», «Вступил в законный брак с Антониной Кунц»...

26 января 1901 года окончился срок ссылки, и Александр Иванович покинул Шенкурск. Начались скитания по стране. Семья Фадеева обосновалась в селе Сутково, Речицкого уезда, Минской губернии, но в том же году переехала на Волгу — в Кимры. Здесь в 1901 году и родился Александр, будущий писатель. В 1902 году Фадеевы переехали в Курск, затем в Вильно (1902—1905 гг.).

5 июля 1905 года виленский губернатор сообщил в Департамент полиции, что А. И. Фадеев 16 мая выехал из Вильно в неизвестном направлении. А в это время Александр Иванович был у себя на родине.

К возвращению А. И. Фадеева в Ирбит там уже существовала организация РСДРП, деятельность которой проходила под руководством екатеринбургской партийной организации во главе с Я. М. Свердловым. В мае вспыхнула всеобщая забастовка ирбитских рабочих, в октябре прошел многолюдный политический митинг. Начались революционные волнения в деревнях.

3 января 1906 года в Ирбите собрался уездный крестьянский съезд. В его подготовке деятельное участие принимал А. И. Фадеев. Уездный съезд рассмотрел вопросы: о присоединении к Всероссийскому крестьянскому съезду, об избирательном праве в Государственную думу, об отмене смертной казни, о забастовках, о земельном переустройстве и другие. С докладом о земельном переустройстве выступал А. И. Фадеев.

Утром пятого января Александр Иванович направился к ярмарочному пассажиру на очередное заседание. У самого входа на него набросились полицейские и увезли в тюрьму. Возмущенные делегаты отправились на выручку. Произошло столкновение с вооруженной охраной, но освободить арестованного не удалось.

Из Ирбита А. И. Фадеев был отправлен в камышовскую тюрьму, а оттуда сослан в Сибирь. К сожалению, об этом периоде его жизни и деятельности нам пока не удалось найти каких-либо материалов.

Умер Александр Иванович Фадеев в 1916 году от туберкулеза.

А. КИСЕЛЬ

Рисунки Ю. Ефимова

Рассказ

Горизонт — это такая полосочка между землей и небом, за которой скрывается самое интересное в жизни. За горизонт идут мимо поселка машины, где-то там есть город, оттуда вылетают самолеты... Короче говоря, там самое-самое такое, что хочется увидеть. Но маленьким мальчикам за горизонт ходить нельзя.

- Почему? — спрашивает Митя маму.
- Потеряешься.
- Папа тоже там потерялся, да?
- Глупышка ты.

Митин папа пропал за горизонтом. Так часто говорила мама. А теперь она его называет глупышкой. Почему?

— Вырастешь большой — узнаешь. А за горизонт ходить нельзя. Все маленькие, которые ходят туда, пропадают.

Но вот Митя, наверное, стал большим. Золотым осенним утром воспитательница детского сада Клавдия Ивановна выстроила ребят около крыльца и сказала, что они пойдут на сопку за брусникой и орехами.

- А за горизонт можно заглянуть?
- Ни в коем случае.
- Почему?
- Потеряешься.
- Машины, которые едут туда, тоже теряются?
- Глупышка ты.

Ну вот, опять.

...Постукивая ботиночками по каменной дорожке, ребята добрались до сопки. От самой дороги на земле тянулся живой ковер из зеленовато-белых и бордово-красных ягод. Ягоды крупные, продолговатые и холодные внутри.

От горизонта, который лежал на самой сопке, ребят отделял стланик — низкая полоса очень зеленого и совсем кривого дерева. На стланике росли шишки с орехами. Вместе с ягодами их все стали собирать в кульки и маленькие детсадовские ведерки. Но это было неинтересно.

Интересно, что там, за горизонтом?

Может быть, там сразу город, самолеты стоят, ракеты взлетают, гудят автомашины.

Может быть, там сразу можно найти папу... Митя осторожно отодвинул ветку и очутился на ровной площадке, сплошь усыпанной брусникой. На носках, чтобы не помять ягоды, он обошел площадку и отодвинул еще одну веточку. Сквозь пышные, почти лежащие на земле деревья горизонт увиделся совсем рядом — впереди, а голоса ребятшек звенели близко-близко позади...

Что случится, если Мите добежать до этой синей полоски и заглянуть за нее? Клавдия Ивановна говорила, что если кто отойдет от других, того сразу съест медведь. А никакого медведя нет.

Вот уже совсем близко вершина сопки, на которой лежит горизонт. Осталось перебежать малосенькую полянку, обогнуть камень... Вот и камень остался позади. И пропали голоса ребят. Послышался вдруг чей-то протяжный незнакомый крик:

— И-и-тя-я!... А-а!

Но то, что было нужно Мите, находилось совсем рядом. Еще несколько шагов и... Только заглянуть, только заглянуть одним глазком. Сейчас, сейчас он тоже крикнет в ответ и побежит обратно... Только заглянет...

Линия, которую догонял Митя, немного убежала вперед и остановилась совсем рядом, за соседними деревьями. Дорога все время шла в гору, а теперь побежала вниз. Митя пока поднимался, немного устал. Хорошо бы капельку посидеть...

Он выбрал плоский камень и присел. И вспомнил, что в ведерки повариха тетя Надя положила всем по пирожку. А ему не забыла положить? Нет, не забыла. Вот он, пирожок, под кульку с шишками. Такой вкусный, съел бы сто штук!

Тишина кругом. Ласково припекает полуденное солнце августа. Немного кружится голова от непонятного, очень приятного запаха. Митя удобно прислоняется к стволу и смотрит на синюю линию.

— Все убегаешь, — говорят он ей. — К тебе идешь, идешь, а ты...

И тогда горизонт придвигается к самым Митиным глазам и медленно тает.

Перед Митей вдруг раскидывается город. У стен города огромное поле с остроносными машинами. Плещется море, широко раскинулись пристани, на волнах качаются корабли, остроконечные машины с красными флажками взлетают вверх. «Ракеты!» — догадывается Митя.

Из моря вылезают на берег тридцать три богатыря и с ними папа. Митя совсем не знает

папу, он видел его только на фотографии, но тут почему-то сразу узнает его. Наверное потому, что папа был геологом, а геологов в широкополых шляпах, с накомарниками и рюкзаками за плечами Митя видел очень много. Они часто приезжают в магазин, где работает мама.

В поселке начался переполох: на сопке во время похода детского садика пропал пятилетний Митя Барышев, сын погибшего геолога.

Воспитательницы потеряли головы. Начальник участка отправил на шахты курьера: пусть горные мастера останвят часть работ и пошлют на сопку людей искать Барышева Митю. Позволили о случившемся на прииск. Оттуда сразу приехал вездеход директора. Бедная Митина мама убежала на сопку, бросив магазин.

Но поиски ни к чему не привели.

Митя ушел за горизонт.

О горизонте вспомнила Клавдия Ивановна, и тогда все заговорили, что мальчик был слишком любопытен, не по годам развит и, вероятно, любопытство погубило его.

Мама не переставала плакать. Вот так же ушел и Митин папа. Конечно, он-то понимал, что горизонт — воображаемая линия, но все говорил и думал о горизонтах человеческих познаний. Он пошел однажды в тайгу и не вернулся. Все возвращался, а тут не вернулся...

Тем временем наступила ночь.

Митя сладко выпался на свежем воздухе; сел, посмотрел на горизонт. Небо и земля становились одного цвета — серо-синими. Волшебная линия была на своем месте, но она сделалась почти совсем незаметной. Сказочный город куда-то исчез. Исчез папа, пропали ракеты, богатые. Над головой Мити чиликали маленькие серенькие птички. А комары и мошка, которые по вечерам в поселке не давали покоя, наверное, уже спали, их не было даже слышно.

Ну, а что же все-таки делать? Где дом? Куда теперь идти? И как бы еще разок заглянуть за горизонт? Как бы сказать папе, что они с мамой все время ждут его?

Темнота все сгущалась. Уже совсем пропала линия горизонта, не стало видно дальних деревьев, почернело небо, все сделалось огромным и расплывчатым. Внезапно стало слышно, как где-то рядом зажурчала вода, словно кто-то оставил на кухне открытый кран. Митя прислушался к журчанию и, раздвигая ветки, тихо пошел на такой совсем домашний звук.

Вскоре он различил полоску воды, наткнулся на какую-то мягкую кучу не то сена, не то веток. Он присел. Очень захотелось есть и пить. Он добрался до ручья, попил, зачерпнул ладошкой воды, холодной, как мороженое, вернулся назад к куче, лег, и тут на него напал настоящий страх. Наверное, страх живет только ночью, знает, что никто его не увидит в темноте. Митя долго крепился, как настоящий мужчина, каким его считала мама, но все же страх победил. Митя не вытерпел и сначала захныкал, а потом понастоящему заплакал...

Стало совсем холодно. Птицы угомонились, деревья над водой выросли до самого неба, только страх никак не хотел уходить. Он иногда даже пролетал совсем близко от Мити, чуть не касаясь крылом его лица. А может быть, это

не страх? Ведь никто не трогает Митю. А что, если спрятаться под курточку? Митя свернулся калачиком, натянул куртку на голову, как будто спасался от комаров, и стал усиленно дышать в своем укрытии, — от этого грудь и нос совсем согрелись и снова пришел сон: ведь он любит приходить туда, где тепло.

...А пока Митю ищут все жители далекого прииска, вдали от этих событий, в тихой долине горного ключа, на берегу которого уснул мальчик, идет своя жизнь. Здесь работает полевая партия горных разведчиков.

Ключ сбегает откуда-то с вершин сопки, окружающих самую высокую в этих местах гору Народную. Вода в ключе прозрачная и холодная, как лед. Разведчики бьют около ключа шурфы, промывают выкопанную землю в зеленовато-прозрачных струях и бегают греть руки к большому костру, разложенному у подножья сопки.

Когда-то в этих местах уже работали геологи. Они тогда узнали, что долина ключа очень богатая, но золото распределено неравномерно. Как и где лежат его главные запасы, никто не знал. Россыпь это или руда — ничего не было известно. Старый начальник поисковой партии геолог Борис Барышев погиб, и карта, которую он нес, испортилась от воды.

В том месте, где сейчас работала партия, золота совсем не оказалось. Теперь разведчики шли по ключу все выше и выше. Иногда им попадались маленькие самородочки, и геологи понимали, что место, отмеченное на пропавшей карте, недалеко. Но где?

Новый начальник партии Николай Иванович Мартиди сидел у костра, перелистывая свою записную книжечку, в которой были помечены все шурфы, каждый лоток, и рассуждал:

— Не мог же Борис ошибиться! Надо пробовать на террасе. Если уж там нет — пойдем выше. Полезем на горы.

Вдруг Николая Ивановича отвлек треснувший в кустах сучок. Он настороженно поднял глаза и протянул руку к лежащему рядом ружью: тут, на сопке, говорят, бродит медведь. Конечно, сейчас медведь сытый, не тронет человека, но кто знает, что может взбрести в голову зверю? Держа ружье наготове, Николай Иванович прислушался, бросил взгляд на заросли, и вдруг по спине у него поползли мурашки. Он почувствовал на своем лице чей-то пристальный взгляд. Он даже различил сквозь начинающие желтеть листья чьи-то сверкающие глаза.

Николай Иванович вскочил, щелкнул курком и громко сказал:

— Кто там? Выходи! А то стрелять буду!

Кусты зашевелились, и к костру робко вышел маленький, грязный, заплаканный мальчик.

— Ер-рунда какая, — пробормотал Николай Иванович и помотал головой. До ближайшего селения отсюда было километров десять.

— Кто ты? — спросил он мальчика, все еще не веря своим глазам.

— Я Митя, — сказал мальчик.

— Откуда ты, Митя?

— Из детского садика.

— Как ты попал сюда?

— Я пошел за горизонт и... вот...

— Ничего не понимаю. Ну-ка, садись, рассказывай все по порядку. Ты есть хочешь?

— Хочу.

— Садись. Я сейчас.

Пока Николай Иванович раскрывал банки с консервами и компотом, Митя очень толково рассказал, как ему запрещали ходить за горизонт и как они всем садиком пошли на сопку...

Митя рассказывал, а сам все смотрел на Николая Ивановича и все старался вспомнить, где он видел этого красивого, высокого дядю? Не было ли его среди тех богатей, которых он встречал за горизонтом?

— Н-да...— протянул Николай Иванович.— Значит, твоя мама работает в магазине на Нижнем? Ольга Барышева? А папа твой тоже, говоришь, за горизонт ушел?

— Да... А вы не видели его здесь?

— Гм... Ну, а что ты видел за горизонтом?

— Я много видел... Ракеты, море, папу...

А потом горизонт пропал... Вон он, опять на том же месте...

— Наверно, ты теперь не пойдешь больше за горизонт?

— Почему? Не пустят?

К костру подошло еще несколько разведчиков. Они молча выслушали Митину историю.

— Что ж, товарищи,— сказал Николай Иванович,— в магазин нам все равно нужно. Сейчас мы с Дмитрием и двинемся. Мне, кроме всего, с Ольгой поговорить надо.

На том и порешили.

— Вот дела, дела,— говорил Николай Иванович, ожидая, когда Митя поест. Он взял у мальчика ведро, вытряс из него все, что там было,— шишки, камешки, травинки. Среди камешков, которые Митя собирал по дороге, Мартиди вдруг заметил небольшой, очень тяжелый комо-

чек. В нем было красиво перемешано белое и желтое.

— Ты где подобрал этот камешек?

— Около речки. Я спал, а проснулся и нашел.

— Ну, пошли. Покажешь по дороге. Найдешь?— Николай Иванович передал камешек другим людям. Те долго и удивленно изучали находку и похлопали Митю по плечу.

Они полезли на сопку. Мальчик вел дядю Колю по чуть приметной тропке, которая недавно привела его к костру. Николай Иванович часто останавливался около старых шурфов, вынимал свою книжечку и что-то все бормотал. Они нашли место, где спал Митя, и камень, с которого он видел, что делается за горизонтом. Около камня Николай Иванович рассматривал какие-то следы, внимательно поворачивал кучу грязных измятых ягод и снял с плеча ружье.

— Тут где-то медведь бродит,— сказал он.— Не встречал? Тебе повезло...

А в это время на участке все решили, что Митя пропал окончательно. С утра нового дня его тоже все искали, искали и не нашли. Бедная мама до того наплакалась, что даже ничего уже не видела. Клавдию Ивановну, которая, как все решили, была виновата, ругали, жалели, опять ругали, и она тоже все плакала, плакала. А директор прииска и начальник участка утешали маму. Они говорили ей, что Митя найдется, что в тайге еще не холодно, что мальчик несколько дней может прожить, питаясь ягодами и орехами. Но мама все равно плакала и не ходила в свой магазин, за что ее никто даже не упрекал... И вдруг мама услышала крик:

— Ольга-а!.. Оля-а!

Она бросилась к окну и не поверила глазам: посреди улицы шел ее Митя. Он шел, крепко держась за руку знакомого геолога Мартиди. Этот Мартиди часто приходил в магазин, а еще раньше, когда Мите было только год, геолог почти каждую неделю гостил у Бориса.

Ольга выбежала из дома и бросилась навстречу Мите. Она схватила сына на руки, расцеловала его, смеясь и плача, потом горячо поцеловала прямо в губы Николая Ивановича.

— А меня-то за что?— смутился Николай Иванович.— Я, что ли, нашелся?

— Ах, ты мой глупый, глупый... Я не знаю, как вас благодарить, Николай Иванович!— говорила мама, входя в комнату, где уже сидели директор прииска, начальник участка и другие присковые разведчики.

— Ну, за что?— смутился Николай Иванович.— Мне все равно нужно было идти в магазин. А мальчуган уж больно интересный. Мы с ним так сдружились за дорогу...

— Да, мальчуган интересный,— согласился директор прииска, как будто Митя был его сыном, и директор все про него знал.

— Только непослушный,— добавила мама. Она опять хотела заплакать.— Сколько раз запрещала ему ходить за этот горизонт!

— Ну, он теперь, наверное, не пойдет,— успокоил маму начальник участка.

— Не пойдешь?— Николай Иванович положил руку на плечо Мити. Митя посмотрел на дядю Колю и увидел, что глаза геолога говорили совсем не то, что его губы.

— Почему?— спросил Митя.

Никто, наверное, не нашелся, как ответить Мите, и потому все просто рассмеялись.

МОДИН

ВЛОДЕ

ВОМН

*Приключенческий роман*¹

КНИГА ВТОРАЯ

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Экзамены бывают разные

Можно было надеяться, что Нунке захочет продолжить начатый разговор и, как обещал, расскажет о школе. Но проходили дни, а Фреда посещал только доктор. Да и тот заходил лишь один раз в сутки — вечером. История с симуляцией затронула его профессиональное самолюбие, и он, явно обиженный, ограничивался теперь коротким осмотром.

¹ Начало см. в № 8 и № 9.

— Скажите, я уже могу выходить в сад?—
однажды спросил у него Фред.

— Пока нет.

— Вы считаете, что это повредит моему
здоровью?

Доктор молчал.

— Ваше молчание можно понимать как
согласие на прогулку?

— Такие вопросы адресуйте начальнику
школы.

— Но ведь я же никого, кроме вас, не ви-
жу! Передайте кому следует, что я просто из-
шел без движения, без свежего воздуха. Да
пусть принесут что-нибудь почитать.

Не промолвив ни слова, доктор вышел.
А через полчаса ключ в замке снова повер-
нулся, и на пороге появился пожилой мужчи-
на. Отрекомендовавшись библиотекарем, он
положил на тумбочку целую стопку книг. Это
были преимущественно комиксы, а кроме
них, несколько томов «Справочника по Рос-
сии». Во время пребывания за границей ны-
нешнему Фреду приходилось видеть множе-
ство всяческих путеводителей, справочников,
но такой ему никогда не попадался. Понятно,
что в первую очередь он схватился за эту
книгу.

Фред, конечно, был уверен, что в комнате
есть аппарат для подслушивания. Весьма ве-
роятно также, что за «пациентом» беспере-
рывно следят чьи-то внимательные глаза. И все
же, начав читать, не мог сдержаться. Ни один
юмористический журнал не вызвал бы такого
хохота, как этот справочник! Чего стоило, на-
пример, утверждение, что для «русских са-
хар — не продукт питания, а лакомство, кото-
рым угощают самых дорогих гостей».

Взглянув на титульную страницу, Фред
прочитал: «Перевод со второго нью-йоркского
издания».

Нет, не напрасно все-таки и переводили и
перездавали этот справочник! Откуда же еще
мир смог бы узнать о своеобразии непостижи-
мого русского характера?

«Самая дорогая вещь для каждого русско-
го — икона. За нее он готов отдать все, что у
него есть»... «Русские не понимают слова «де-
мократия»... «Русской женщине нравится, ко-
гда муж ее бьет. Она воспринимает это как
доказательство любви»...

Перелистывая справочник, Фред хохотал
до слез. Наверное, поэтому он и не услышал,
как щелкнул в дверях замок. В комнату во-
шли четверо. Впереди Нунке, за ним толстый
лысый мужчина, которого начальник школы
отрекомендовал как своего заместителя Шлит-
сена. Вслед за толстяком шел высокий, пол-
ный и еще крепкий старик с красным носом.
Четвертым был внешне ничем неприметный
человек. Пожимая руку Фреда, он тихо бро-
сил:

— Гарри.

— Рад видеть вас в хорошем настроении,
милый Фред,— приветливо, даже ласково по-
здоровался Нунке.— Может быть, вы и нам
разрешите присоединиться к вашему ве-
селью?.. Что это вас так рассмешило?

— Дорогой шеф! Если в вашей школе по-
добной галиматией набивают головы будущим
резидентам в России, я гарантирую им абсо-
лютный провал! Немедленно, в первый же
месяц их пребывания...

Фред сразу же почувствовал, что сказал
лишнее. Прочитал, как клеветают враги на его
родную землю, поддался обиде и сболтнул!
А если здраво рассудить, то и сердиться не-
чего: чем глупее будут эти справочники, тем
лучше! Дезинформация врага иногда больше
стоит, чем полнейшая его неосведомленность.
Надо переключить разговор на другое, смя-
чить вырвавшиеся так неосторожно слова.

— Я не хочу ругать справочник в це-
лом...— начал он, но красноносый не дал ему
закончить. Он подскочил к Фреду и сжал обе
его руки в больших и еще крепких ладонях.

— Спасибо! Спасибо, дорогой друг! Я твер-
жу это уже на протяжении многих лет, а ме-
ня не слушают... Рад встретить единомышлен-
ника... Извините, забыл отрекомендоваться:
генерал Ворон, бывший начальник контрраз-
ведки адмирала Колчака, теперь преподава-
тель школы.

Нунке недовольно поморщился.

— Вы русский и немного необъективно
относитесь к своим землякам. А мы, к сожа-
лению, имели удобный случай хорошо изучить
их характер. Приобщившись к западной ци-
вильзации, овладев техникой, в душе они
остались дикарями. Даже упорство их сопро-
тивления — это упорство дикарей. Об этом сви-
детельствует все партизанское движение.

Взяв один из томов справочника, Нунке
раскрыл его и прочитал:

«Если русского рассердить, он берет в ру-
ки не автомат или винтовку, и даже не дро-
бовик, а кол и, мастерски владея им, сражает-
ся с врагом». Гм...

— Так чем же, по-вашему, выбили вас из
России — кольями или «Катюшами»?— насе-
дал Ворон.— Русские брали Берлин оглобля-
ми или с помощью танков и артиллерии?.. Са-
ми носом закружили, прочитав эту чепуху, а
мне, генералу, предлагаете пользоваться этой
галиматией как пособием!

— Пособием, но не учебником. Вы всегда
вправе сделать нужные купюры. К тому же,
нельзя каждую фразу понимать буквально.
Речь идет о наклонностях, заложенных в по-
тенции. А потенциально...

— И потенциально и непотенциально это
глупость, глупость, глупость!— Щеки Ворона
стали красными, как его нос. Бывший генерал
взглядом приглашал Фреда присоединиться к
спору, но тот лишь плечами пожал и развел
руками: я, мол, человек еще малоосведомлен-
ный, поэтому и мнение мое не имеет веса.

Заметив этот жест, Нунке одобрительно
кивнул.

— Как видите, герр Ворон, наш молодой
друг далек от того, чтобы безоговорочно под-
держивать вас. Да и пришли мы сюда не для
того, чтобы спорить. Итак, Фред, как мы себя
чувствуем?

— Вполне прилично.

— А что вы скажете, если я предложу вам
немного размяться?

— Вот спасибо! Я с удовольствием побро-
жу по саду.

Шлитсен улыбнулся.

— На этот раз речь идет кое о чем боль-
шем...

— Да, да,— вмешался Нунке,— значитель-
но большем... Не хотелось бы вас торопить, но
бывают случаи, когда можно положиться

только на людей проверенных и абсолютно надежных. К сожалению, я не могу сообщить вам, какова ситуация в полном ее объеме, потому что и сам руководствуюсь указаниями сверху. Вы, как и я, человек военный, следовательно, понимаете, что приказы полагается не обсуждать, а выполнять.

— Речь идет о какой-то акции?

— И очень серьезной.

— Если это так, я просто поражен: как можно мне, новичку...

— Это вы новичок? Фред, ведь я же знаю вас не первый день!

— Все это так, но в конце концов могу я знать хоть такую безделицу: чьи приказы мне выпала честь исполнять?

— Вспомните наш первый разговор здесь, в школе. Тогда вы были более догадливым!

— Догадка еще не уверенность. А вслепую я действовать не намерен. К тому же, вы еще не посвятили меня в «рыцари благородного духа»! Кажется, так называется этот гостеприимный приют?

— Э, вывеска! Дань склонным к романтизации испанцам. Ширма. За ней удобно и безопасно. Нам с вами, то есть тем, кого тревожит судьба Германии... Да и не только Германии, но и всего западного мира. Я не имею права говорить о нашем центре, назвать хотя бы одно имя, но здравый смысл подскажет вам, что этого вы не можете и требовать.

— Здравый смысл подсказывает мне другое: к каждой операции нужно быть подготовленным не только морально, но и физически. А сидя в этих комнатах...

— О, если вас беспокоит лишь это, то отныне ваш режим будет изменен: физические упражнения, прогулки... И не заметите, как войдете в форму... Герр Шлитсен, позаботьтесь об инструкторе физкультуры и обо всем прочем!

Заместитель начальника школы удивленно посмотрел на Нунке, затем переглянулся с Вороном. Было очевидно, что это не входило в заранее разработанный план.

— Итак, завтра я смогу выйти? Мне это разрешат?

— Даже прикажут,— улыбнулся Нунке.— Мы все в этом заинтересованы, потому что решение о сроке выполнения задания может прийти в любой день.

— Даже в любой час,— уточнил Шлитсен.

«По всему видно, что они не собираются долго ждать,— промелькнуло в голове Фреда.— Надо приложить все усилия, чтобы как можно лучше ознакомиться с обстановкой, а там...»

Что будет за этим «там», Фред представлял весьма туманно. Побег? Едва ли! Не для того спасали его от казни, везли так далеко и заперли в эту клетку, чтобы дать возможность свободно из нее выпорхнуть. И сад, и вся территория школы, конечно, тщательно охраняются. Излишней поспешностью можно отрезать себе все пути к свободе. По крайней мере сейчас. Пока он не усыпит их бдительность... Да и можно ли теперь убежать, спасая только собственную жизнь, ничего не узнав о черных замыслах этих воронов? Ишь, опять сбиваются в стаю! Недобитые «рыцари благородного духа»! И надо же такое придумать!..

Уже на следующий день Фред убедился, что ознакомиться с обстановкой не так-то лег-

ко. По-прежнему комната его запиралась, и он чувствовал себя узником, а на прогулках его неизменно сопровождал «инструктор физкультуры», тип мрачный и молчаливый. Ни Нунке, ни Шлитсена, ни Ворона Фред больше не видел.

Появились они только через три дня в сопровождении Гарри.

На этот раз Нунке обошелся без предисловий. Вид у него был озабоченный и сугубо официальный.

— Шлитсен, дайте для ознакомления карту!— кратко приказал он.

Заместитель поспешно вынул из кармана два четырехугольничка кальки с нанесенным на ней рельефом и протянул их Фреду и Гарри.

«Выходит, у меня будет напарник!— с сожалением подумал Фред.— А впрочем, может быть, это и к лучшему, может, хоть из него что-нибудь вытяну...»

— Даем вам пятнадцать минут для того, чтобы вы хорошо запомнили все особенности местности,— сухо объяснил Шлитсен.

Цепким взглядом Фред впился в поданную ему карту, но напрасно пытался догадаться, где расположен небольшой клочок земли, который предложили ему изучить. Запомнить все его особенности было не так уж трудно: большая поляна, окруженная с севера и запада лесом. С востока на юго-запад текла безымянная река; с юго-востока на север тянулась шоссейная дорога; там, где шоссе пересекает реку,— мост.

Для изучения «карты» хватило бы и трех минут, но Фред не торопился вернуть свой кусочек кальки Шлитсену. Не следует опережать Гарри, чтобы тот не подумал, будто он, Фред, хочет выдвинуться. Ишь, как старательно изучает свою карту, даже губами шевелит! Да, с Гарри надо поддерживать самые хорошие отношения, он моложе всех, и его легче будет вызвать на откровенность... Но что же все-таки они придумали? Может быть, обычная учебная тревога? Почему же тогда во время прошлой встречи Нунке завел разговор о какой-то особенной важности этого задания? Войны сейчас нет, значит, речь идет не о военной операции. Диверсия? Едва ли решатся послать с этой целью новичка. А может, это его боевое крещение, посвящение в «рыцари»?

Размышления Фреда прервал голос Шлитсена.

— Пятнадцать минут истекает!— напомнил он.

Гарри и Фред, как по команде, возвратили карты.

— Вы уверены, что все хорошо запомнили?

Оба утвердительно кивнули.

— Тогда приступим к главному,— торжественно начал Нунке.— Сейчас вы, Фред, и вы, Гарри, получите задание, которое должны выполнить любой ценой. Суть его заключается в следующем: в силу ряда причин вам поручается взорвать мост... Шлитсен, возвратите на несколько минут карты! А вы, пожалуйста, внимательно проследите за ходом разработанной операции. Мы сбросим вас на парашютах в лес, обозначенный на карте с севера. Там есть удобная для приземления небольшая поляна. Когда приземлитесь, старательно

спрячьте парашюты, место это замаскируйте и осторожно продвигайтесь на юг. От пункта высадки до южной опушки леса — три километра. Вы быстро их преодолеете, а когда выйдете на открытое место, то метрах в пятидесяти увидите реку и мост. На мосту в свое время была охрана, теперь, по нашим данным, ее сняли, но не исключено, что могут поставить опять. Тут уж вам придется ориентироваться самим. Но независимо от того, охраняется мост или нет, вы обязаны взорвать его. Для этого получите две мины с часовым механизмом. Если операция пройдет удачно, до ночи спрячетесь в лесу, рассчитав время так, чтобы ровно в четверть четвертого быть вблизи пункта приземления. Отсюда вас заберет вертолет... Если возникнут осложнения, ни в коем случае в руки красных живыми не попадаться. Лучше смерть, чем плен.

Нунке, очевидно, уже не впервые пришлось наставлять агентов, посылаемых на выполнение подобных заданий, потому что говорил он с монотонностью пономаря.

Желая смягчить заключительные слова своего шефа, Шлитсен решил вмешаться в разговор.

— Пусть это предостережение уважаемого герра Нунке вас не пугает, оно сделано, так сказать, для порядка. Все мы абсолютно уверены в успехе. Ручаюсь, что возвратитесь вы целыми и невредимыми и в прекрасном настроении, тем более, что здесь вас будет ждать хорошее вознаграждение... Вас может удивить место, избранное нами для посадки вертолета. Почему мы решили посадить его на той же поляне, на которой вы приземлитесь? Тут мы учитываем психологический момент: мало кому придет в голову искать вас неподалеку от взорванного моста. Будут рыскать где угодно, только не там, откуда, по их логике, диверсанты должны бежать как можно дальше...

— Конечно, — поддержал Ворон. — Из своей практики...

— Извините, у нас мало времени, — остановил его Шлитсен, взглянув на часы. — В нашем распоряжении осталось пятьдесят семь минут. Сейчас вас обоих поведут в цейхгауз — переодеться, взять оружие, мины и все необходимое. Старшим назначен Фред. Вопросы будут?

— Разрешите? — Гарри явно волновался. — А если вертолет по какой-нибудь причине нас не подберет? Что в таком случае делать?

— Как старший, какое решение приняли бы вы, Фред?

— Определив местность, пробиваться на запад, связаться со школой и в дальнейшем действовать по вашим указаниям.

— Слышите, Гарри? Все! Выполняйте задание!

Переодеваясь, Фред снова и снова перебирал в мыслях только что услышанное. Странное задание и странное отношение к своей агентуре! В какую страну собираются их забросить? Почему понадобилось вдруг так срочно взорвать какой-то поганенький мостик? Может быть, шоссе, которое к нему подходит, ведет к какому-нибудь оборонному предприятию? Но если это так, значит, вся местность вокруг охраняется! Что-то не вяжется здесь одно с другим. Так посылают или смертников, или...

Фред искоса взглянул на Гарри. Тот собирался в путь старательно и мрачно.

Когда Фред и Гарри вышли во двор, у грузовика уже ждал их Шлитсен.

Молча сели в машину. Толстяк — в кабину, рядом с шофером, Фред и Гарри — в закрытый, без окон, кузов.

Не прошло и двадцати минут, как прибыли на аэродром. Отведя пилота и бортмеханика в сторону, Шлитсен о чем-то говорил с ними минут пять, потом возвратился к своим подопечным и приказал еще раз проверить все снаряжение. Оба были в штатском, а сейчас натянули поверх костюмов комбинезоны. Сделанные из грубой ткани, они должны предохранить одежду во время приземления. После запуска нужно было закопать и замаскировать их вместе с парашютами. Оружие, деньги, шоколад разложили по карманам. Мины лежали в небольших футлярах. Перед тем как выбраться из самолета, их необходимо было прикрепить к поясам.

Убедившись, что снаряжение в исправности, Шлитсен дал сигнал к посадке. Фред и Гарри сделали шаг, чтобы попрощаться с ним, но тот неожиданно бросил:

— Я буду сопровождать вас к месту высадки.

«Конечно, тебе рисковать нечем», — насмешливо подумал Фред.

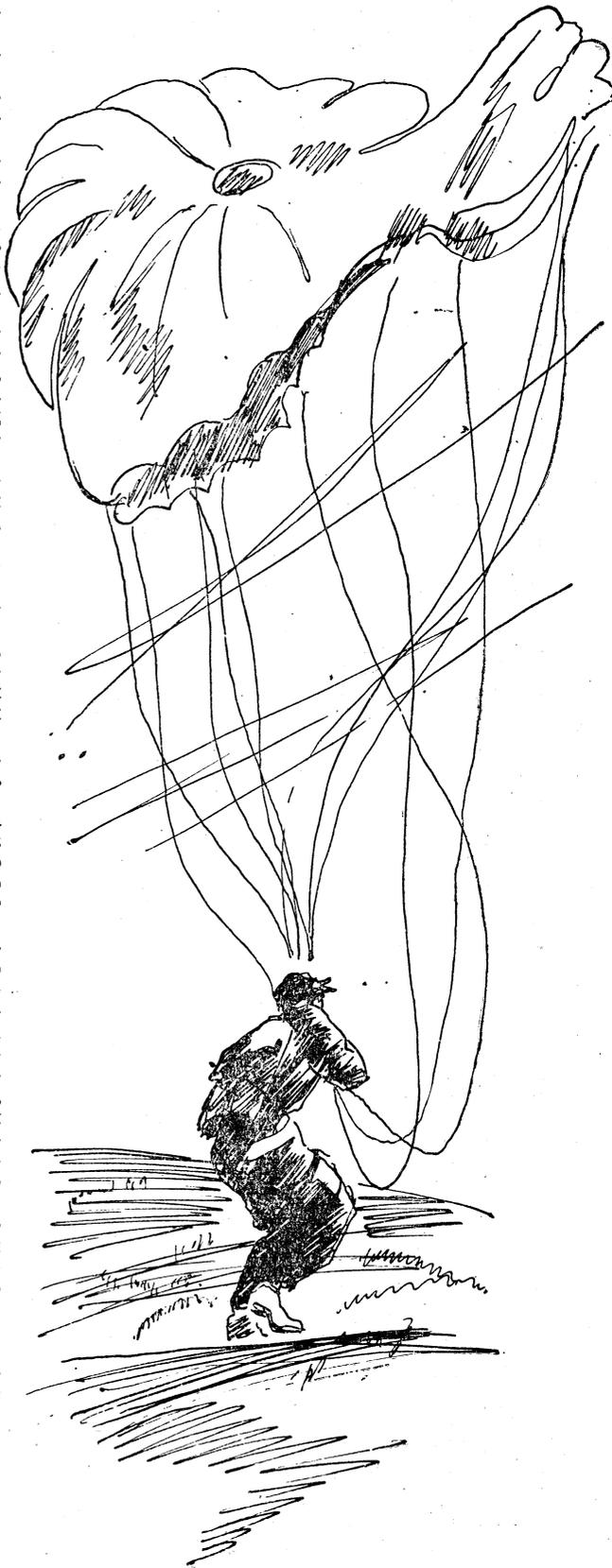
А лицо Гарри мгновенно прояснилось. То, что Шлитсен полетит вместе с ними, он, наверное, воспринял как проявление большой заботливости начальства. Это подбодрило и успокоило его.

Парашюты-автоматы надели в самолете. Бортмеханик, помогавший Фреду и Гарри, сразу же исчез в кабине.

Самолет оторвался от земли. Взглянув на часы и заметив время — двадцать два сорок пять, — Фред прижался лицом к окну. Где-то внизу замелькали огньки — казалось, что движутся именно они! — и исчезли. Самолет развернулся и начал набирать высоту.

Неудержимая тоска охватила вдруг Фреда, или лучше сказать — Григория, потому что в эти минуты он изменил годами приобретенной привычке — даже в мыслях называть себя именем человека, роль которого он играет. Здесь, между небом и землей, в короткие минуты полета он мог разрешить себе такую роскошь — забыть эту проклятую кличку Фред, которую приклеил к нему Кроне! Взглянул бы сейчас Тигов на своего любимца! Наверное, даже не посочувствовал бы, а просто выругался. И надо же было попасть в эту самую переделку!

Неизвестно, куда летит этот самолет! Что придумал Кроне, то есть Нунке? А что, если он узнал об истинной деятельности «фон Гольдринга» в прошлом? Узнал, перепугался, что привез его в свою школу, и, боясь себя скомпрометировать, спровоцировал это задание?.. Если бы можно было по каким-нибудь признакам догадаться, куда они летят... Нунке предупреждал, чтобы они не попали в руки красных. Едва ли речь шла о Советском Союзе. Туда «рыцари» не рискнули бы сунуться. А может быть, в какую-нибудь страну, где сейчас находятся советские войска? Например, в Австрию, из таких стран она ближе всего к испанской границе.

...Когда шеф дал команду готовиться к прыжку, было пять минут первого. Значит, летели всего час двадцать минут.

Фред старался прикинуть расстояние, которое они прошли, но из кабины уже вышел штурман и открыл боковой люк. Гарри и Фред стояли навтыжку.

— С богом!— крестя обоих, произнес Шлитсен.

Первым прыгнул Гарри. За ним Фред.

Приземлились они, как и было рассчитано, на лесной поляне, обозначенной на карте. С минуту, припав к земле, выжидали. Но ничто, кроме их тяжелого дыхания, не нарушало ночного покоя леса. Отдыхавшись, осторожно, не промолвив ни слова, помогли друг другу освободиться от парашютов и комбинезонов, торопливо свернули их. Потом, пригибаясь, быстро перебежали поляну и углубились в лес. Теперь нужно было избавиться от довольно тяжелых свертков. Хотелось сделать это как можно скорее, но в темноте копать было трудно, а осветить ручным фонариком ни один из них не рещался. Притоптав кое-как насыпанную поверх свертков землю, они замаскировали тайник сухими листьями и на ощупь проверили, не осталось ли каких-нибудь следов.

Перед тем как двинуться к опушке, немало отдохнули, настороженно прислушиваясь. Тихо. Так тихо, что сделалось даже как-то жутко. Гарри все время потирал руки, он явно волновался, и это все больше раздражало Фреда— плохо, если рядом с тобой трус...

— Слушайте, Гарри,— прошептал Фред,— пока что все идет хорошо. А хорошее начало — половина успеха. Надеюсь, на часовых мы не нарвемся. Этот жалкий мостик едва ли охраняется. Впрочем, предположить наихудшее никогда не мешает. Как старший в операции предупреждаю: мы не имеем права попасть живыми в руки врагов. Если сделается попытка спастись, сдавшись в плен, вспомните: мой пистолет бьет без промаха. Ясно?

— Что вы, Фред? Сдаться красным? Это значит пойти на верную смерть! Куда бы мы с вами ни попали, меня сразу же из рук в руки передадут русским. А я им в свое время крепко насолил...

— На войне?

— Когда служил в карательном отряде.

— Значит, будем максимально осторожными. Пошли! Идите впереди, я за вами. Никаких разговоров, даже шепотом.

Начинало светать, когда они вышли на опушку леса. Спрятавшись за дерево, Фред некоторое время наблюдал за мостом. Охраны не было. Полное безлюдье и тишина. Даже лягушки еще не квакали. Фред дал Гарри знак приготовиться и открыл футляр мины. Поставив стрелку взрывателя на сорок минут, завел часовой механизм.

То же самое проделал со своей миной Гарри.

— Вы закладываете мину в дальнем конце моста, я— с этой стороны. Пошли!— тихо скомандовал Фред.

Они прижались к земле и по-пластунски поползли к реке. Пятьдесят метров, отделявшие их от моста, показались им бесконечно длинными. Намного длиннее, чем пройденные лесом три километра.

Закладка мин заняла несколько минут.

— Доберемся до леса и пойдем в восточном направлении,— тихо сказал Фред,— потом свернем, чтобы к поляне подойти с противоположной стороны. Лучше пробираться на некотором расстоянии друг от друга. Следите за тем, чтобы хорошо маскировать следы. Умеете это делать?

— Научили...

— Днем спрячемся отдельно друг от друга, подальше от поляны и места, где закопаны парашюты, но так, чтобы ко времени прилета геликоптера быть неподалеку. Дождаться нас не станут.

— Будьте уверены, я подойду своевременно!— в голосе Гарри чувствовалась нескрыва-

ТОБОЛЕЦ ПОМОГАЕТ НАНСЕНУ

«Александр Иванович Тронтейму с благодарностью за его верную службу от Фритьофа Нансена, 22 августа 1897 года».— такую надпись известный норвежский полярный исследователь сделал на своей книге «В стране льда и ночи. Норвежская экспедиция 1893—1896 годов». Написана она на немецком языке, издана в Дрездене, а сейчас хранится в библиотеке музея Тобольска.

Кто такой Тронтейм? Как пошло произведение Нансена с дарственной надписью в Сибирь?

Организуя в 1893 году очередную экспедицию в Арктику, Нансен рассчитывал использовать дрейф льдов. Он писал: «Я уверен, что если мы обратим внимание на силы, свойственные самой природе, и попробуем работать задом с ними, а не против них, то найдем вернейший и легчайший способ достижения полюса». Но он не отвергал возможности езды на санях. «Большое значение собак для санных путешествий стало для меня ясно еще до моего гренландского путешествия, и если я там ими не пользовался, то един-

ственно потому, что не мог достать годных собак».

В январе 1893 года одновременно с сооружением судна «Фрам» Нансен искал хороших сибирских ездовых собак. Житель Тобольска Александр Иванович Тронтейм, норвежец по происхождению, решил помочь своему соотечественнику. Больше того, он обязался доставить закупленных собак из Сибири в селение Хабарово к Югорскому шару.

Вот как, по сообщению газет, было организовано это трудное путешествие.

28 января в селе Березово Тронтейм закупил тридцать три собаки, приученные к езде. Для

испытания выносливости их запрягли в три нарты, на которые положили по десять пудов клади.

На этих собаках Тронтейм доехал до села Мужы, где начал подготовку к дальнейшему основному пути. До 16 апреля, дня выезда, он заготовил около 300 пудов корма для собак, нанял оленевода со стадом в 450 голов, который обязался доставить его вместе с собаками и кладью на Югорский шар.

«Это была скорее кочевка, чем путешествие»,— писал Тронтейм.— Дагаались не прямо к цели, а оглябая большие пространства и оставаясь не там, где хотелось, а там, где более удобно для оленей».

Из села Мужы экспедиция шла по реке Войкару до ее верховья, а потом через проход Хойла поднялась на Уральский хребет. Перевалив через Урал, путники вышли на реку Уса и 8 мая достигли реки Воркута. Здесь пришлось сделать многодневную остановку.

29 мая караван вступил в тундру.

Чтобы перейти реку Воркута, «...пришлось всю ночь, пользуясь

емая радость человека, спасшегося от смертельной опасности.

«Не рано ли ты, голубчик, радуешься?» — подумал Фред.

И, будто в подтверждение его мыслей, из леса вышли четыре человека в защитных комбинезонах.

— Патруль! Бери левее! — прошептал Фред в самое ухо своему напарнику и еще сильнее прижался к земле.

Гарри дернулся в сторону, прополз около метра, но вдруг встал на четвереньки и, неуклюже перебирая руками и ногами, будто большая хромая собака, запрыгал к лесу.

Один из военных что-то крикнул и вскинул автомат.

Поднявшись с земли и время от времени пригибаясь, Фред бросился влево и на ходу крикнул Гарри:

— Перебежками к опушке! Я прикрою! Будем по очереди прикрывать друг друга!

Но Гарри, наверное, не слышал этой команды. Круто свернув, он бросился бежать вдоль реки. Потом сделал петлю и снова помчался к лесу.

Застрочили автоматы. Фред, не целясь, тоже разрядил свой «кольт».

Автоматчики, стреляя то в сторону Гарри, то в сторону Фреда, медленно приближались. Они заходили полукругом, очевидно решив отгнать беглецов к лесу, и Фред сразу понял, что там ждет их новая засада.

«Но почему не слышно свиста пуль? Неужели?.. Неужели это только спектакль?», — вдруг молнией пронеслось в его голове.

«Бог на помощь! — хотелось ему крикнуть. — Скорее хватайте, а то один «рыцарь» совсем уже с ума спятил от страха! Ничего не скажешь, в карательном отряде, конечно, безопасней было!»

А бывший каратель и в самом деле вел себя так, будто был один-одинешенек, и совсем не думал о том, чтобы выручить товарища. Пятясь, он лихорадочно посылал пули

куда-то в пространство. И то, что не было слышно, как они свистят, его нисколько не удивляло.

Когда до леса оставалось метров десять и преследуемые стрелки бросились в заросли, из-за кустов вышли еще шестеро.

— Бросай оружие! — по-русски крикнули они. — Быстро!

Для Гарри это было такой неожиданно, что он мгновенно покорился: бросил пистолет и поднял руки. Автоматчики сразу же его связали.

Теперь все внимание бойцов сосредоточилось на втором диверсante. А он отчаянно сопротивлялся. Если бы патроны оказались настоящими, не один участник этой облавы отдал бы душу богу. Но силы все же были неравные, Фреда окружили со всех сторон. Вложить новую обойму он не мог и пытался отбиваться ручкой пистолета. Но на руке его сразу же повисло два автоматчика. Тогда он извернулся и с силой ударил одного из них носком ботинка в живот. Тот взвыл от боли. Второй, высокий и сильный, обхватил Фреда из-за спины и так сжал, что у него дух захватило.

«А может, хватит сопротивляться? — мелькнула мысль. — Нет! Убить они меня не убьют. А если и помнут немного, так и я же кого-нибудь искалечу!» Защитный рефлекс сработал мгновенно. Каблук правого ботинка с такой силой ударил нападающего в колено, что тот мгновенно ослабил свои объятия. Фред воспользовался этим. Выскользнув из державших его рук, он ударом головы снизу вверх сбил еще кого-то из автоматчиков. Благодаря этому удару, неожиданному для противника, Фред чуть не вырвался. Но теперь на него навалились сразу шестеро. Падая на землю, он сделал вид, что хочет схватить зубами краешек своего воротника с защитой в нем ампулой. Кто-то опередил Фреда и так рванул за воротник, что тот отлетел вместе с куском разорванной сорочки.

холодом, устраивать мост из жердей и льдин. Людям приходилось мерзнуть, так как костер разводили ненадолго, чтобы сварить пищу и просушить несколько одежды...»

Наконец, через три месяца после выхода из Мужей, после долгого плутания, перед путешественниками открылось море. На следующий день они достигли Хабаровки. А еще через несколько дней сюда на судне «Фрам» прибыл Нансен, «человек среднего роста, с открытым приветливым лицом и рыжей бородой».

Ученый приветливо встретил сибиряка.

«Нансен совсем еще молодой человек, — вспоминал Тронтейм. — Каждое его движение и слово говорили об энергии, силе воли и стойкости. Его обращение с подчиненными матросами, подобранными молодец к молодежи, отличается душевностью и любовью».

Высадившись на берег, Нансен подробно ознакомился с бытом местного населения. «...Потом, — писал он, — мы прошли в помещенье для собак... Некоторые из них имели вид настоящих породистых — длинношерстные, бело-снежные, со стоящими вверх ушами и острой мордой. Своими короткими, добродушными физиономиями они тотчас же вошли к нам в милость».

Однако первые испытания развили впечатления Нансена о крохотности и добродушии собак. «Тронтейм, — вспоминал позднее исследователь, — выбрал десяток из них и запряг в сани. Но только что все было готово и я сел, вдруг мои собаки завидели проходившую вблизи чужую собаку, и в то же мгновение вся свора, сани и моя собственная персона стремглав понеслись на бедное животное. Это был чистый разбой; как дикие волки, бросились все десять на одну, кусали и трепали ее за что ни попало, кровь текла ручьями, а бедняга жалобно визжала. Тронтейм, как бешеный, бегал вокруг и длинной палкой наносил удары направо и налево. Я среди всего этого смятения сидел в санях ни жив ни мертв, и немало времени прошло, пока я сообразил, что и для меня, быть может, найдется дело. С ужасным криком бросился я на злых драчунов, хватил нескольких по загривку, и этим дал несчастной жертве время улепетнуть...»

Когда Нансен принял собак и перевел на «Фрам», Тронтейм попросил ученого дать ему удостоверение о точном и добросовестном выполнении поручения. По свидетельству газет того времени, Нансен на это ответил: «О нет, удостоверения и аттестата мало! Вы выполнили условия весьма добросове-

стно и тем оказали экспедиции большую услугу. Я имею поручение передать вам золотую медаль, пожалованную вам нашим королем за ту немалую помощь, которую вы вызвались оказать».

С этими словами Нансен передал Тронтейму большую золотую медаль с надписью: «Награда за верную службу А. И. Тронтейму».

В тот же день, 3 августа 1893 года, ученый вручил Тронтейму благодарственный адрес, а через четыре года послал ему свою книгу с автографом.

Такова история автографа Нансена. Но что стало с Тронтеймом?

«Экспедиции на Северный полюс, организуемой капитаном Седовым, — писала в 1912 году «Сибирская торговая газета», — оказывает содействие до некоторой степени и Тобольск: один из обывателей которого взял на себя доставку для экспедиции ездовых собак, которые через неделю будут отправлены в Архангельск, где собираются участники экспедиции».

В годы Советской власти Тронтейм получил государственную пенсию. Умер он в начале 40-х годов. Сейчас в Тобольске живут его родственники. Но судьба полученных им от Нансена золотой медали и аттестата пока не известна.

Ю. РЯБОВ

А через минуту крепко связанных Фреда и Гарри под дулами автоматов уже вели через тот самый мост, который они должны были поднять на воздух.

Пленных привели к одинокому дому, даже не обозначенному на их злополучной карте, очевидно хате лесника Гарри оставили во дворе под охраной, а Фреда втолкнули в помещение.

В комнате сидел пожилой человек в форме майора МГБ. Окинув задержанного внимательным взглядом, он сказал по-русски:

— Старались вы изо всех сил, а мост все-таки целым остался!

Фред молчал.

Майор повторил эту же фразу по-английски и минуту подождал.

Опять молчание.

— Вы отказываетесь отвечать? — насмешливо улыбнулся майор.

Фред пожал плечами.

— Я вас не понимаю, — по-немецки ответил он.

— Вы немец? — майор, очевидно, был хорошим полиглотом, потому что с английского сразу же перешел на чистейший немецкий язык.

— Да.

— А ваш напарник?

— Не знаю.

— Не хотите отвечать? Ну что ж, примем другие меры, которые помогут развязать вам язык. Вас поймали с поличным. И вещественные доказательства — вот они, — майор кивнул в угол. — Те две шгучки, что, как миленькие, лежат теперь там, обезвреженные. Не советую отмалчиваться или врать!

«Этот тип, по всей вероятности, из Пруссии, — подумал Фред. — Тот же чуть заметный акцент, которому когда-то учили и меня. Ну и осточертел же он мне тогда!»

— Вы будете говорить? — Насмешливая улыбка не сходила с лица майора. Он взял ручку и приготовился записывать.

«Какую бы тебе пакость устроить?» — подумал Фред, а вслух сказал:

— До тех пор, пока у меня будут связаны руки, я не отвечу ни на один вопрос.

— Развяжите его! — по-русски бросил майор конвоиру и придвинул к Фреду коробку с папиросами «Казбек».

На некоторое время воцарилось молчание. Майор пощелкивал незагейливой зажигалкой. Фред жадно курил, глубоко затягиваясь дымом. Соблазнительная мысль вскочить, трянуть хорошенько майора, выхватить у него пистолет — гвоздем засела в голове, хотя Фред и понимал всю бессмысленность такой попытки. Мешал конвоир, да и кобуры у майора не было видно.

— Ну-с, начнем? Будете говорить?

— О чем?

— Не притворяйтесь наивным! Я третий раз спрашиваю: вы будете отвечать на мои вопросы или нет?

— Это зависит от того, о чем вы собираетесь спрашивать, — спокойно ответил Фред и достал новую папиросу.

— Еще раз предупреждаю: у нас есть средства, которые заставят вас заговорить. Но я прибегаю к ним лишь в крайнем случае. Поэтому не играйте с огнем! Лучше вам никогда

не знать, что это за средства... Если вы чисто-сердечно ответите на все мои вопросы; не исключена возможность, что вместо трибунала вы попадете к нам. И уже не как диверсант и разрушитель границы, а как наш сотрудник. Для вас, в вашей карьере рядового агента, это будет блестящим прыжком вверх. Представьте себе: вы возвращаетесь, докладываете своему начальству о выполнении задания, — мы побеспокоимся, чтобы ваш доклад показался правдоподобным, — а потом, выполнив уже наше поручение, возвращаетесь сюда. Для этого мы вам тоже создадим соответствующие условия... Деньгами я вас соблазнять не буду, скажу только одно: вы будете иметь значительно больше, чем получаете сейчас. В таких случаях средств мы не жалеем.

«Ну и идиот! Просто трогательная по своей непосредственности глупость! А может, он только прикидывается дурачком? Но с какой целью?»

— Я вижу, — продолжал майор, — вы задумались над моими словами. Обещаю вам хлопотать о вас лично. Мне понравилось ваше отчаянное сопротивление. Сам я не из трусливых и люблю храбрых людей. Иметь такого сотрудника мне было бы очень приятно. Но все это зависит от вас, от ваших ответов на некоторые мои вопросы. Ну, так как же, герр...

— Зоммербах. Эдзин Зоммербах, — подсказал Фред.

На мгновение глаза майора удивленно расширились, но он быстро овладел собой и спокойно продолжил:

— Вот и чудесно! Так и запишем: Эдвин Зоммербах... Год рождения?

— Тысяча девятьсот двадцать первый.

— Так... А ваша кличка?

— Какая кличка?

— Слушайте, герр Зоммербах, мне показалось, что мы с вами договорились, и я вправе услышать от вас честный ответ, а не увертки!

— Я и отвечаю честно, хотя мы ни до чего не договорились. Вы неправильно истолковали мое молчание во время вашей длинной речи. Просто, я ничего не понимаю. Какая карьера, какая кличка?

— Та, которую вы получили в разведывательной школе! — рявкнул майор.

«Откуда ты узнал о школе? Не от самого ли Нунке?»

— Я никогда не был ни в какой разведывательной школе.

— От кого же вы получили задание взорвать мост? Ведь не по собственной же инициативе вы это сделали?

— Вы угадали. По собственной.

— Странно.

— Почему же странно? Чувство мести присуще каждому человеку.

— Допустим, что это так. Кому же вы собирались отомстить?

— Вам, русским.

— А почему избрали именно этот мост?

— У меня с ним связаны некоторые личные воспоминания, слишком интимные, чтобы на них останавливаться.

— Хорошо, допустим и такой вариант. А откуда у вас мины?

— Если вы осматривали их, то нетрудно

было установить: они немецкие, образца 1942 года. У меня после войны сохранилось несколько штук.

— Как же случилось, что, собираясь мстить по личным мотивам, вы призвали на помощь совершенно незнакомого человека? Ведь второй арестованный нами помогал вам закладывать мины? Может, вы и против этого собираетесь возражать? А ведь в начале нашего разговора вы категорически заявили, что не знаете, кто он!

— Это действительно так. Мы встретились с ним случайно. Оказалось, и он не свел некоторые счеты с вами, русскими. Я предложил ему помочь мне, и он охотно согласился. Ведь между всеми нами, бывшими военными, существует та боевая дружба, которая возникает внезапно и объединяет людей для какого-то общего дела...

Потешаясь в душе над майором и бывшим карателем Гарри, Фред готов был еще долго нанизывать одну небывлицу на другую, но следователь его остановил.

— На первый раз хватит! Распишитесь, чтобы потом не отказались от своих выдумок. А теперь вы получите возможность отдохнуть в погребке. Там, правда, сыровато, но что поделаешь, — другого помещения для таких птиц у нас нет. На досуге советовал бы подумать вот над чем: мое терпение может лопнуть значительно раньше, чем вы думаете. Тогда берегитесь! Я не хочу вас запугивать, но обязан предупредить: я и мертвого говорить заставлю!.. Выведите его! — обращаясь к конвоиру, приказал майор.

Фреда вывели из комнаты и заперли в погребке.

Но просидел он там недолго. Очевидно, на допрос Гарри было затрачено значительно меньше времени, потому что приблизительно через час Фред стоял в той же комнате перед тем же майором.

Майор молча проглянул ему густо исписанный по-русски лист бумаги — протокол допроса Гарри — и грозно приказал:

— Читайте!

Фред повертел бумагу в руках, взглянул на обратную сторону и положил на стол.

— Я же говорил вам, что знаю только немецкий язык.

— А с генералом Вороном вы тоже по-немецки разговариваете?

— Генерал Ворон? Впервые слышу! Может, и промелькнула когда-нибудь такая фамилия в фронтовых сводках, но я ее не запомнил.

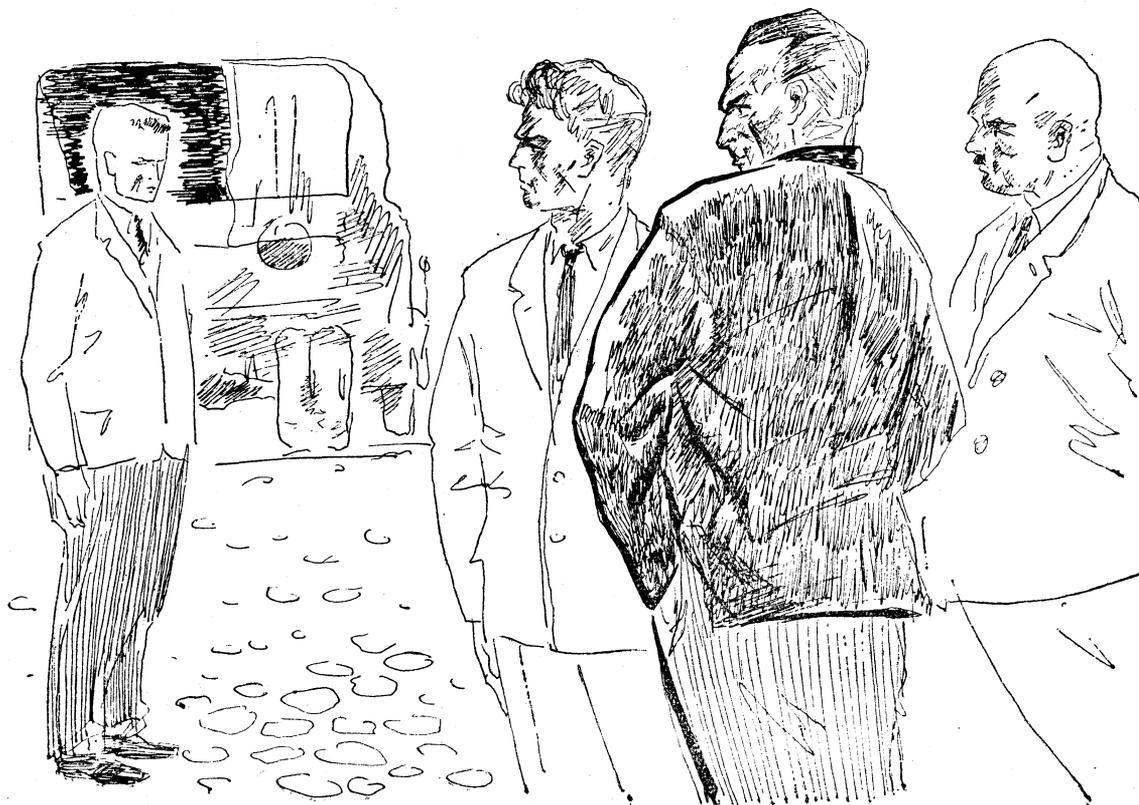
Майор вскочил и с силой грохнул кулаком по столу. Он дрожал от ярости, лицо его дергалось.

— Хватит дурака валять! Читайте показания вашего напарника! А чтобы не задерживать ни меня, ни себя, подписывайтесь рядом с кличкой Гарри, герр Фред! Все равно ничего нового вы прибавить не сможете!

— Я уже подписал один протокол и ничего больше подписывать не буду.

— Ага, отказываешься! — майор вплотную подошел к Фреду. — Отказываешься! Да ты знаешь, что я с тобой сделаю?! Все кости переломаю, а заговоришь, подпишешь!

— С теми, кого допрашивают, советские следователи так не разговаривают, — глядя майору прямо в глаза и улыбаясь, с ударением сказал Фред. — Мне пришлось случайно

столкнуться с ними по поводу одного недоразумения. Уверяю вас, они ведут себя иначе...

— Что вы хотите этим сказать?— вырвалось у незадачливого лжеследователя.

— То, что вы слышали.

— Сегодня же я отправлю вас в тюрьму, и вы убедитесь, как разговаривают у нас с такими, как вы! Там заставят вас сказать правду. И даже сверх правды! Все, что будут от вас требовать!

...Вечером того же дня, когда уже порядком стемнело, Фреда и Гарри посадили в разные крытые машины и куда-то повезли. Рядом с Фредом сидели два конвоира, в одном из них он узнал бойца, которого ударил в живот.

Сначала машина долго подпрыгивала на ухабах грунтовой дороги, потом ровно покатилась по асфальту. Ехали часа два. Фред поднес было к глазам часы, пытаясь определить время, но тут же вспомнил, что разбил их во время драки.

Наконец после крутого поворота машина остановилась.

— Выходите!— приказал кто-то по-немецки.

Конвоиры быстро отбросили брезентовый верх, и Фред спрыгнул на землю.

Признаться, он не думал, что его сразу же привезут именно сюда. Ведь самолетом они летели больше часа. Выходит, он просто покружился немного в воздухе, и сбросили их не так-то уж далеко от школы.

Да, это была школа! Фред сразу же узнал двор, с которого их увезли позавчера, и в ту же минуту увидел Нунке и Шлитсена, шедших ему навстречу.

Вытянувшись в струнку и взяв под козырек, он спросил:

— Докладывать?

— Потом, потом, Фред! Лучше оглянитесь назад.

И Нунке и Шлитсен почему-то захохотали, потом громко и неприлично выругались.

Возле второй машины, окаменев под взглядами начальников, стоял Гарри.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Ворон без гнезда

На другой день Фред проснулся поздно. Было воскресенье, и сигнал будки, который обычно громко разносился по всей территории школы, сегодня не нарушил утреннюю тишину. А впрочем, Фред так устал вчера, что едва ли услышал бы его.

Завтрак уже ждал на столе. Очевидно, ради праздника рядом с тарелками и закрытыми судками стоял графинчик с коньяком. Взглянув на этот «натюрморт», Фред почувствовал острый голод. Ведь на протяжении вчерашнего дня он почти ничего не ел, а в школу приехали поздно, и всем было не до ужина.

Наспех проделав несколько гимнастиче-

ских упражнений, он принял душ и, усевшись за стол, с наслаждением осмотрел содержимое судков. Ого-го, как сегодня угощают! Даже для его аппетита слишком много: селедка, вареные яйца, ветчина, куриная ножка с рисовым гарниром... И, конечно, термос с неизменным черным кофе.

Но не успел Фред взяться за вилку, как в дверь постучали. Новость! Ведь до сих пор она днем и ночью была на замке... А теперь беззвучно распахнулась, а на пороге появилась полная фигура генерала Ворона.

— Вы, молодой человек, конечно удивлены, что я явился к вам в воскресный день, да еще и без приглашения? Но еще больше удивитесь, когда увидите вот это!

Ворон вытащил из кармана брюк обернутую бумагой бутылку, не спеша резвернул и торжественно, словно преподносил хозяйину необыкновенно приятный подарок, поставил на стол. Поставил так, чтобы Фред сразу мог увидеть этикетку.

— «Русская смирновская водка»,— громко прочитал Фред и удивленно посмотрел на Ворона:— Что-то не слышал я о такой!

— Нет, нет, вы читайте то, что мелким шрифтом написано,— настаивал Ворон, довольный тем, что удивил Фреда.

— «Поставщик двора Его императорского величества»,— разобрал Фред.

— Вот в этом-то и штука, батенька мой! Поставщик двора! Это вам не на Хитровом рынке и не в Охотном ряду торговать!

— Выходит, вы с дореволюционных времен сберегли эту бутылку?— с нарочитой наивностью спросил Фред.

Ворон захохотал. Он упал на стул, его огромный живот дрожал так, что, казалось, генерала бьет жестокая лихорадка.

— Ха-ха! Ну и сказал! Храню с дореволюционного времени! Ха-ха-ха! Да вы, батенька, на мой нос взгляните! Это же вывеска. Самая лаконичная характеристика! Муки Тантала — мелочь по сравнению с тем, что мне пришлось претерпеть, чтобы вчера вечером удержаться и не распить эту предназначенную вам бутылку. Даже ночью просыпался! А вы... «с дореволюционного времени»!.. Это из Англии! Поставщик Смирнов эмигрировал туда и построил водочный завод. Славится! Весь мир объедете — лучшей водки, чем смирновская, не найдете.

— А московская?

— Пробовал! Хороша, ничего не скажешь. Но кто привык к смирновской — другую пить не будет.

— В таком случае давайте завтракать вместе! Присаживайтесь, пожалуйста!

Ворон встал, подошел к телефону.

— Говорит Ворон. Мой завтрак принесите в тринадцатый бокс,— приказал он кому-то и, положив трубку, спросил:— В спальне тоже есть аппарат?

Фред утвердительно кивнул.

Ворон молча выдернул из штепселя вилку, зашел в спальню и сделал то же самое.

— Свободнее чувствуешь себя, когда аппарат выключен,— объяснил он, возвратясь в столовую.

— Меня предупредили, что выключать эту штуку нельзя.

— Э!.. Я преподаватель и имею право...— генерал вытер ладонью пот, обильно покрыв-

ший его широкий с залысинами лоб, и тяжело упал на стул.

В дверь постучали. На этот раз пришел денщик с завтраком для Ворона. Те же блюда, что и у хозяйина комнаты, только хлеба в несколько раз больше и на маленькой тарелочке соленый огурец.

— Приготовь постель и все, что нужно!— приказал Ворон денщику.

Тот щелкнул каблуками и вышел.

— Ведь еще утро, зачем же вам постель?— удивился Фред.

— Каждый из нас сам себя лучше знает,— весело подмигнул Ворон, кивая в сторону смирновской. Теперь рядом с ней появился довольно большой графин с водкой. Очевидно, утренняя порция генерала.

Ворон налил себе большую рюмку, поднял бутылочку, чтобы налить и Фреду, но рука его так и застыла в воздухе.

— А, кроме этого наперстка, у вас ничего поприличнее не найдется?

— Господин генерал, я вообще-то не падкий на водку. Но сегодня выпью одну маленькую рюмочку, чтобы попробовать смирновской и поблагодарить вас за такой приятный визит.

— На мою долю достанется больше,— откровенно обрадовался Ворон.— Ну, дай боже,

чтобы и завтра то же!.. Хотя старинная русская пословица и утверждает, что незваный гость хуже татарина, я надеюсь, вы примете меня с такой же открытой душой, с какой я пришел к вам.

Провозгласив этот тост, он одним глотком опорожнил стограммовую рюмку, скривился, будто в ней была отравка, понюхал хлебную корочку и откусил кусочек огурца.

Фред тоже отпил из своего «наперстка».

— Ну как, понравилось?— поинтересовался Ворон.

— В дегустаторы водочных изделий я бы не пошел. Коньяк лучше.

Некоторое время ели молча. Паузу прервал Фред.

— Господин Ворон, вот вы говорили об откровенности. А меня сомнение взяло. Разве может человек, всю жизнь отдавший работе в разведке, быть до конца искренним?

— Э-э! Напрасно вы это, молодой человек! Нет такой живой души на свете, которая не стремилась бы время от времени довериться кому-нибудь.

— Доверяют друзьям, иногда просто приятелям, но таким, которым безусловно веришь, в которых...

Ворон горько улыбнулся:

— Вы хотите намекнуть, что мы — не

друзья, что вы не доверяете мне и поэтому мне нечего надеяться на вашу дружбу и откровенность!

— Боже упаси! Но я знаю по собственному опыту: друзей не ищут. Они находятяся. Но фактически вы среди друзей, однодумцев. Помните, у Сервантеса: «Не так трудно умереть ради друга, как найти друга, за которого стоит умереть».

— Не понимаете вы меня, Фред, или не хотите понять! Живем мы с вами в Испании. Но фактически вы среди друзей, однодумцев. Нунке, Шлитсен,— не буду перечислять,— все они ваши соотечественники. А я, как уехал, вернее, убежал в девятнадцатом году из родной страны, с тех пор и слоняюсь по белому свету. Двадцать шесть лет! Вы понимаете, двадцать шесть! Больше, чем вы живете на свете. Ведь вам двадцать четыре?

— Двадцать пятый.

— Вот видите! Я завидую вам. Просто завидую.

Ворон выпил вторую рюмку.

— А не кажется ли вам, господин генерал, что завидовать мне нечего. Ведь вы же прекрасно понимаете: в любой момент меня могут послать на чужую землю, и, кто знает, какая судьба ждет меня там. В лучшем случае жизнь на чужбине, тревожная, напряженная; в худшем — девять граммов свинца и «со святыми упокой».

— Хотите, скажу, почему я завидую вам? Сейчас скажу, пока не напился, как свинья.

— С удовольствием выслушаю вас.

— Вы очень молоды. Это раз. Но вы уже,

как говорят русские, стреляный воробей и имеете большой опыт в нашем деле. Это два. Вы чудесно владеете русским языком. Знаете жизнь России. Если даже вас и пошлют туда, возможность провала очень невелика. Это три. И не только это. Попав в Россию, вы, как немец, хоть и будете чувствовать себя среди чужих, но сознание, что вы мстите за разгромленную Германию, доставит вам много приятных минут... Не то, что я... Верите: во время войны слушаю, бывало, советские сводки, и где-то глубоко в душе гайтиса гордость: ага, напоролись на русских! Это вам не Франция! Горечи этого чувства вы никогда не узнаете. Это вам — четыре. А пятое то, что вас, кажется, вообще никуда не пошлют, а оставят преподавателем в школе.

— Боюсь, что вы ошибаетесь...

Фред внимательно наблюдал за выражением лица собеседника. Нет, кажется, не пьян.

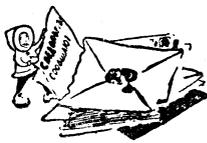
— Но прошу вас иметь в виду,— продолжал Ворон,— что вы ничего не слышали. Я просто выдал вам первый аванс на дружбу... Только знаете, что? Не доверяйте судьбе! Изменница она. Сегодня кокетничает с тобой, целуется, а завтра махнет хвостом и к другому переметнется... Нет, нет, вы не смотрите на меня так. Две рюмки для Ворона — это все равно что французская булочка для слона... Пол-литра — порядок. Что сверх этого — то от лукавого... И со мной смолоду кокетничала судьба. И я когда-то счастье, казалось, за хвост держал. Вырвалось! Вернее, вырвали и под зад коленкой дали. Так турнули, что с Дальнего Востока до самой Франции летел... А ведь я был одним из лучших агентов разведки, а позже и контрразведки. И не какой-нибудь, а русской! Вы знаете, что такое царская разведка? Одна из самых лучших в мире! Не верите? Хотите, я расскажу вам один случай. Даже рюмку оставлю, пока буду рассказывать. Хотите?

— Еще бы!

— В феврале тысяча девятьсот шестнадцатого года немецкая разведка послала в Россию одного из лучших своих агентов — Альфреда фон Бенсберга. А нужно сказать, что этот Бенсберг в течение двух лет — уже во время войны — четыре раза посещал Россию и счастливо возвращался домой. Был он, как теперь говорят, новой звездой на горизонте кайзеровской разведки. Исполнилось ему тогда, если не ошибаюсь, лет тридцать.

Так вот. На этот раз он приехал в Прибалтику с документами богатого сибирского купца и с заданием любой ценой раздобыть план прохода через заминированные поля в Ирбенском проливе. Немцы знали, что русские эсминцы проходят через этот пролив, а их старания проскользнуть через него в Рижский залив были тщетными.

В то время штаб русского военно-морского соединения, которое базировалось в Рижском заливе, находился в Пярну. Естественно, что немецкий разведчик прибыл именно сюда. Поселился в лучшей гостинице и стал жить широко, как и подобает богатому человеку. Утром он был занят своими купеческими делами, а вечером балы, рестораны. На каком-то балу и познакомился он с молодой, красивой вдовой, муж которой год назад погиб на войне.

Бутылка - путешественница

Тридцатого января этого года моряки Калининградской китобойной антарктической флотилии выловили бутылку из-под виски с вложенной в нее запиской на английском языке. Вот ее текст:

«Первого апреля 1962 года. Эта бутылка была опущена американским наблюдателем на исследовательском судне «Шеклтон» и опущена в воду только ради смеха».

Тут же сообщались и координаты: 60 градусов 20 минут южной широты и 62 градуса 00 минут западной долготы. Судно с экипажем английской антарктической станции следовало к Фолкендским островам.

О находке можно было и не писать, если бы не одна интересная деталь: за десять месяцев бутылка оказалась отнесенной за 3850 миль, или на 7100 километров, к востоку. Движение ее проходило со средней скоростью 15 миль в сутки. Таким образом, она сыграла роль гидрологического буя, подтвердив еще раз существование кольцевого антарктического течения, направленного против часовой стрелки.

Е. ШВАРЦ

В. ШМЕЛЕВ

Вдова уже сняла траур и начала выезжать в свет. И где бы ни появлялась она, рядом всегда можно было увидеть влюбленного купца. Он окружал ее вниманием, присылал цветы, драгоценные подарки, ну и все прочее — вы сами знаете, как ведут себя в подобных случаях без ума влюбленные мужчины... Но Елена Дмитриевна — так звали молодую женщину — довольно сдержанно относилась к новому поклоннику. Дело в том, что у нее был жених, капитан второго ранга, работающий в штабе соединения. Вы, наверное, уже догадались, что, ужасивая за вдовой, именно в него Бенсберг и прицелился. Вот только познакомиться с ним он никак не мог. Капитан был перегружен работой в штабе — ведь шла война! Он мог уделять Елене Дмитриевне только считанные часы. В такие дни она записывалась в своем особняке и никого больше не принимала. И получалось так: когда у Елены Дмитриевны прием — нет капитана, когда есть капитан — нет приема.

А время торопило, в Берлине не хотели больше ждать! Тогда Альфред Бенсберг решил ускорить ход событий. Он установил слежку за особняком молодой женщины, и однажды вечером, когда капитан пришел к ней, подождал с полчаса на крыльце, а потом и сам нажал кнопку звонка. Раз, второй, третий... Наконец горничная открыла дверь и, получив от позднего посетителя довольно крупную купюру, не совсем уверенно пригласила его в гостиную.

— Подождите, Елена Дмитриевна немного занята.

Ждать Альфреду пришлось довольно долго. Он уже начал нервничать, предчувствуя, что и на этот раз ему не удастся познакомиться с капитаном. Из соседней комнаты доносились отзвуки довольно бурного разговора. Слов Альфред разобрать не мог, но ясно было, что ведется он на верхнем регистре, как говорят музыканты... Я полрюмочки,— прервал рассказ Ворон.— Что-то в горле пересохло.

Он торопливо выпил и продолжал:

— Но все кончается на этом свете, даже бурные ссоры. И Елена Дмитриевна, вошла, наконец, в гостиную. Но в каком виде! Бледная, с опухшими от слез глазами. Как всегда бывает в таких случаях, влюбленный всполошился, спросил о здоровье; молодая женщина сослалась на головную боль, разговор не клеился. А кончилось тем, что Елена Дмитриевна не выдержала и разрыдалась.

— Вы теперь мой единственный друг,— с тоской вырвалось у нее.

Слово за слово, и она рассказала ему о своем горе. За первого мужа выдали ее насильно, в браке она счастлива не была. Единственное, что утешало ее,— почтительная и нежная любовь помощника ее мужа, о которой она догадывалась. Она отвечала ему равной благородной приязнью. Но когда осталась одна, то и сама полюбила Сергея Викторовича. Они обручились. Впервые она узнала, что такое любовь и счастье. Но сегодняшняя утренняя почта принесла анонимное письмо. Оказывается, Сергей Викторович женат, имеет двух детей. Она вначале не поверила, поэтому и вызвала Сергея с работы. Он пришел прямо из штаба. Прочитав письмо, очень разволновался. Умолял простить его, уверял, что

с женой давно не живет, и только жалея детей, не оформил развод. Понятно, капитана она выгнала. Он ушел так поспешно, что даже забыл свой портфель...

Напоминание о портфеле будто электрическим током пронизало Бенсберга. Он увидел его: эlegantный, кожаный, с блестящими застежками, с сафьяновыми внутренностями, скрывающий в себе — нет, не тайну, которой он во что бы то ни стало должен овладеть, на это нечего и надеяться! — а пусть даже частичку тайны, намек на нее, какой-нибудь компрометирующий документ. Уж он-то сумеет использовать его для шантажирования!

Возможно, он думал и не совсем так, но с этой минуты все его мысли, конечно, были сосредоточены только на портфеле. Сразу же возник план. Бенсберг решил подогреть обиду в душе женщины.

— Это непорядочно, а непорядочность извинять нельзя. Поэтому и развелось вокруг так много мерзости, что мы с ней миримся. В прежнее время человека, нарушившего правила чести, вызывали на дуэль, а теперь с ним, в лучшем случае, не здороваются,— возмущался он.— А вы, если он завтра, а может быть даже сегодня придет за портфелем, вероятно, простите его. Сердце любящей женщины не камень.

— Никогда, ни за что на свете! Я прикажу вообще не пускать его в дом!

— Но ведь портфель ему нужен, возможно, в нем какие-нибудь служебные материалы. Я уверен, что он еще сегодня опомнится и прибежит за ним.

— Да, да, обязательно прибежит... Чтобы выкроить час для наших свиданий, он часто берет с собой какие-то документы и потом работает дома. Это запрещается, но он делает это ради меня, чтобы мы могли чаще встречаться... Боже мой, умоляю вас, не бросайте меня одну! Я не могу, я не хочу с ним встречаться!

— Проще всего было бы немедленно отослать ему портфель. Ваша горничная еще не спит?

— Я ее сейчас позову.

— Хотя... Минуточку... Удобно ли поручать это прислуге? Служанки — народ бесцеремонный, а в портфеле, кроме документов, могут быть и какие-нибудь личные письма. Ваши, например. Или письма жены. Или... кто знает, какой-нибудь другой женщины. Из-за чрезмерного любопытства полуграмотной горничной, которая и содержания-то не поймет, ваше имя, чего доброго, будут произносить в лакейских, кухнях и прихожих... Я советовал бы вам предварительно проверить содержимое портфеля.

Такой или почти такой разговор произошел между Еленой Дмитриевной и лжекупцом. Как видите, намеком на письма от предполагаемых любовниц он хотел затронуть самое больное место женской души. И добился своего.

Дальнейшие события развивались так. Елена Дмитриевна стремительно выбежала из комнаты; через минуту она возвратилась с портфелем и начала лихорадочно рыться в бумагах, но руки плохо слушались ее, а глаза ничего не видели. Не в состоянии преодолеть волнение и стыд от сознания, что она, будто

воровка, копается в чужих вещах, молодая женщина с отвращением швырнула злополучный портфель на диван.

— Нет, не могу! — простонала она. — Я веду себя как горничная, о которой вы только что говорили. Уж лучше передать его из рук в руки!

— Я не хочу быть навязчивым... Но если вы поручите мне эту неприятную миссию, — несмело и запинаясь, пробормотал влюбленный купчик, — то я... я сочту это за честь и проявление вашего дружеского расположения ко мне... Вы же знаете, я готов для вас на значительно большее...

— Я буду безгранично благодарна вам! — вырвалось у растроганной Елены Дмитриевны.

Схватив кусок бумаги, она написала адрес и протянула его Бенсбергу. На мгновение ее печальные глаза повеселели, в них блеснули лукавые огоньки.

— Это будет и моей маленькой мстью, — сказала она с грустной улыбкой. — Он очень ревнив и терпеть вас не может.

— Нужно ли вам говорить, друг мой, — продолжал Ворон, — что в свою гостиницу Бенсберг не шел, а легел. Вы можете представить, как он обрадовался, когда среди всякого хлама нашел пакет с надписью: «Совершенно секретно», а в нем копию плана заминированных полей в Ирбенском проливе. Вы, конечно, догадались уже, что минут через десять, а может быть и меньше, влюбленного купчика в Пярну и след простыл.

А через несколько дней в одном из самых фешенебельных ресторанов Берлина

Альфред Бенсберг давал пышный банкет для своих приятелей и друзей. Колоссальная награда, полученная им от разведки и военноморского ведомства за выполнение задания, давала ему возможность не скупиться.

На этом же банкете Бенсберга и арестовали.

— Арестовали? — удивился Фред.

— Да. И знаете, что послужило причиной? Когда корабли немецкого военного флота, руководствуясь только что добытой картой минных полей, вошли в Ирбенский пролив, многие из них подорвались на минах, именно там, где, судя по карте, мин не было. Утонул даже крейсер «Вильгельм».

Альфреда Бенсберга судил военный суд. О том, где и когда должны были его судить, знали только три или четыре самых доверенных лица. И несмотря на это, в день первого заседания суда на имя его председателя почта доставила письмо из Швейцарии. Цитирую по памяти, потому что он и сейчас стоит у меня перед глазами:

«Господин председатель! В том, что в водах Ирбенского пролива погибла третья имперская немецкая эскадра, виновен не разведчик Альфред фон-Бенсберг, известный под кличкой Ключ, а немецкий генштаб, игнорировавший во время планирования операции наличие русской контрразведки. Пусть это послужит вам уроком на будущее. Меня крайне огорчит, если моего коллегу и хорошо воспитанного человека Альфреда Фона Бенсберга незаслуженно сурово накажут. Он приложил максимум усилий, чтобы выполнить задание. Елена Дмитриевна».

ТАК ДЕРЖАТЬ,

Вот ты и рассказал мне о нескольких месяцах своей жизни, юнга Сергей Савенков. Нелегкие же это были месяцы. Наверное, самые решающие в твоей судьбе. Верно, юнга? Впрочем, ты давно уже не юнга. Где, на каком море лежат сейчас твои пути-дороги, я не знаю. Но зато я узнал, как ты сделал первые шаги к морю, как пережил первые неудачи, одержал первые победы...

Ты ведь не собирался на флот. Мечтал стать летчиком, драться с фашистами в небе. Но разве возьмут в авиацию четырнадцатилетнего? Тогда-то и прибежал к тебе одноклассник Валька Заяц, прослышавший о наборе в школу юнг.

— Учиться будем в Архангельске, — расписывал он, — и после практики на кораблях — в действующий флот. Точно тебе говорю! Айда?

Это был первый шаг, еще неосознанный, по-мальчишески лихой, но рожденный сердцем, рожденный горячим стремлением помочь Родине в трудную для нее минуту. Разве думали вы с Валькой в те дни, что вам придется унылыми осенними днями ковыряться в заледенелой соловещьей земле, строя помещение будущей школы? Разве рассчитывали недоедать, недосыпать, мерзнуть по ночам в карауле, чистить котлы на кухне, пилить дрова и отработывать шаг в строю?

Может быть, поэтому, когда твои соседи по роте Юрка Железнов и Леха Чудинов предложили бежать на шлюпке к фронту, ты, не задумываясь, согласился и пошел с собой Вальку. Так был сделан второй шаг к морю, шаг, едва не ставший для всех вас роковым. Юнцы-неумехи, вы попросту заблудились в морском просторе, без

компы, без запасов воды и пищи. В эти часы первого настоящего испытания до конца раскрылись перед тобой характеры спутников — выдержка Лехи, мужество бывшего детдомовца Юрки, трусость и эгоизм Вальки.

А ты, Серёга Савенков, как вел себя ты? Во всяком случае, не хуже Юрки и Лехи, вполне достойно, хотя липкий страх и сжимал сердце. И когда вы все-таки выбрались на берег, ты, Сергей, написал рапорт с просьбой после окончания школы списать тебя в летную часть в качестве стрелка-радиста. Но это тоже был шаг к морю. Почему? Да потому, что ты остался в строю. Ведь Валька-то Заяц, перетрусивший, сникший после ваших морских приключений, сразу же отпросился домой.

С тех пор ты зашагал вперед увереннее и быстрее. В школе тебя впервые опалило жаром далекой

Ворон налил одну за другой две рюмки и жадно выпил.

— Капитаном второго ранга были вы, господин Ворон? — спросил Фред.

Мгновение Ворон осоловело смотрел на собеседника.

— Я этого не сказал... А в общем...

Были когда-то и мы рысаками,

И кучеров мы имели лихих...—

неожиданно свежим для своих лет голосом пропел генерал.

— Понимаете, я того... перебрал. Еще когда шел к вам, клюкнул. И за этим вот столом перестарался малость... Старым становлюсь! Пьянею...

— Ведь это в ваши годы опасно!

— Опасно? Меня еще и долбней не добьешь. Да и службе это не вредит. Проверяли. Поили, как быка. Дрессировка старого разведчика выручала. Ни одного секрета не выдал! Поэтому и держат... Выдумщик я. И эту историю с вашим полетом я придумал... О, меня, кажется, разбирает не на шутку. Слушайте, Фред, дайте, я вас поцелую. Не хотите? И в самом деле, кому нужны мои поцелуи? Старый одинокий Ворон без гнезда. Служу любому. Тому, кто больше даст...

Ворон схватил салфетку и ловким движением перебрал ее через левую руку.

— Чиво изволите-с? — с лакейским рвением, склоняясь в полупоклоне, спросил он воображаемого клиента.

И вдруг встал.

— Фред! Не сердитесь! Хотя... какой вы Фред! Такой же, как я Ворон... А кто я на самом деле, вы никогда не узнаете. Не хочу по-

зорить род... А может, перед смертью и скажу. Вы в Сибири жили? Люблю Сибирь! Ох, как люблю! Простор!.. Широта!.. Гуляй душа без кунтуша...

Ворон замолчал, стараясь что-то припомнить, потер пальцами морщины на лбу, будто разглаживая их, и махнул рукой.

— Слушайте, друг мой, я не такой уж и забывчивый. Я помню... все хорошо помню. Шеф поручил мне рассказать вам о школе, о ее задачах и прочей петрушке. А я напился. Ладно, прокручу эту шарманку в другой раз... Включите этого шпиона,— Ворон ткнул пальцем в угол, где стоял телефон,— и скажите тридцать пятому, чтобы забирали тело старого Ворона... А вы, когда будут меня тащить пойте:

«Ныне отпускаеши раба твоего, владыко...»
Фред позвонил.

Ворон еще что-то бормотал, порывался куда-то идти, но денщик, который через минуту появился в комнате, привычно и быстро успокоил его и уложил на коляску-кровать. Старик сразу же заснул.

Фред отодвинул недоеденный завтрак, подошел к окну и долго смотрел в сад. На голубом небе не было ни пятнышка. Но перед глазами Фреда мелькали два черных крыла. Казалось, что кружит и кружит в поисках приюта большая подстреленная птица.

Птица без гнезда.

(Продолжение следует.)

ЮНГА!

войны. Сначала, когда «Юнкерс» сбросил возле поселка неразорвавшуюся бомбу, война еще представлялась тебе, да и не только тебе, овеянной романтическим ореолом. Но когда Леха Чудинов получил весть о гибели отца, когда ты сквозь треск атмосферных разрядов поймал своим приемником торопливый, срывающийся голос: «...расстреливают прямой наводкой. Погибаю, но не сдаюсь. Прощайте, братцы!», ты понял, что война — это каждодневный, упорный, неизмеримо тяжелый и опасный труд.

Тогда ты стал настоящим солдатом, еще зеленым, не обстрелянным как следует, но уже солдатом. И именно тогда ты, узнав о героической гибели капитана второго ранга Иванова — человека, который первым разглядел в тебе моряка, не раздумывая, сказал начальнику школы: «Прошу списать меня на боевой корабль!»

Так юнга Савенков сделал последний шаг к морю.

Хорошо, что я узнал тебя, Сережа. Я в тебе увидел черты многих и многих подростков военного времени, тех, кто, подобно тебе, понял: «В жизни никогда не бывает последнего дня — он всегда становится первым».

Ведь это значит, что нельзя останавливаться на полпути, и тем более нельзя отступать. Это значит, что есть только одна-единст-

венно верная дорога: вперед! Ты выбрал ее.

Так держать, юнга!

* * *

А вы хотите перелистать увлекательные страницы биографии юнги Сергея Савенкова? Если хотите, то прочтите во втором номере «Искателя» (приложение к журналу «Вокруг Света») за этот год волнующую «Повесть о юнгах» Владимира Саксонова. Прочтите — не пожалеете.

Г. КРАСНОВ

ВТОРОЙ ВСЕУРАЛЬСКИЙ

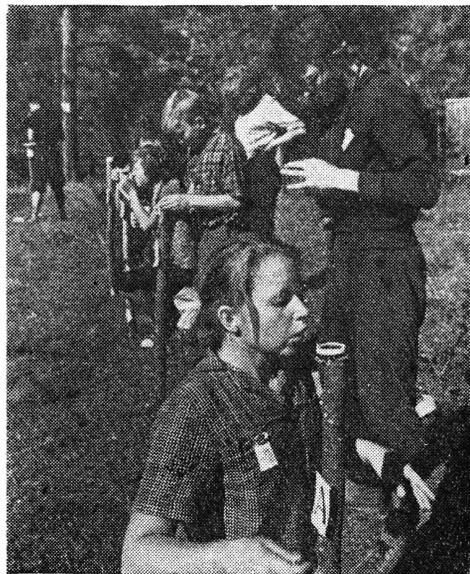
Три дня — с 24 по 26 августа — на берегу Ижевского пруда в Удмуртии не смолкали рассказы, споры, беседы, песни, не сходили улыбки с лиц участников и гостей Второго Всеуральского слета следопытов. Хозяева — следопыты и туристы Удмуртии — гостеприимно принимали челябинцев и свердловчан, тюменцев и пермяков. Следопыты из Кургана, Башкирии, Коми АССР, Оренбурга, Кирова — лучшие следопытские отряды Урала.

Лучшие! Это значит, что за плечами у каждого год замечательных дел на благо родной страны.

Шумихинские школьники из Пермской области подарили стране сто гектаров кедра и ели. Сад в три тысячи деревьев высадили в новом районе города тюменцы. Ценные геологические открытия у следопытов Челябинска, Первоуральска, Башкирии. Таких примеров очень много.

Флаг слета спущен. Определены победители. Кто?

О том, как проходил Второй Всеуральский слет следопытов, кто завоевал переходящие призы нашего журнала, читайте в двенадцатом номере «Уральского следопыта».

В НОМЕРЕ:

КОМСОМОЛЬЦЫ. В. Шустов	1
МОЕ ПОКОЛЕНИЕ. Борис Марьев. Стихотворение	2
ПИСЬМО В БУДУЩЕЕ	4
ПРЫЖОК ИЗ ПОДНЕБЕСЬЯ. Б. Рябинин. Очерк	5
О СЧАСТЬЕ. У КОСТРА. ЛЕСНОЙ НОВОСЕЛ Ю. Рухлов. Стихотворения.	10
ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ УРАЛ?	10
ДОРОГОЙ СТАРШИХ БРАТЬЕВ. Э. Ермакова	12
ТРИ МЕДАЛИ. П. Коверда	14
ОТЕЦ РУССКОГО БЕССЕМЕРОВАНИЯ. М. Паранин.	16
ПЕРВЫЙ КАВАЛЕР ОРДЕНА КРАСНОГО ЗНАМЕНИ.	18
ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ФЛАГ.	19
ПОСЛЕДНЕЕ ПОВЕЛЕНИЕ ГАТО. Ю. Котляр. Конкурс научной фантастики.	22
РУКИ. В. Белоусов. Стихотворение.	26
ИСТОРИЯ ОДНОЙ КОЛЛЕКЦИИ. Л. Большаков.	27
СВИДЕТЕЛИ ВЕКОВ.	34
ОТКРЫТИЯ ЮНЫХ.	31
НА СТАНЦИИ МИРНОГО АТОМА. Е. Константинова.	32
ИМЕНЕМ СОВЕТСКОЙ РОССИИ. В. Альтов.	33
ОПЕРАЦИЯ «БЕРЕЖКИ» М. Ляшенко. А. Мусатов. Повесть. Окончание.	35
В МАЗУЛИНСКОМ ОЗЕРЕ. Е. Медведева.	37
ИМЕНИ 11-ой КАВАЛЕРИЙСКОЙ... В. Пролеткин.	49
ФАДЕЕВ-СТАРШИЙ. А. Кисель.	60
ЗА ГОРИЗОНТОМ. Вл. Копосов. Рассказ.	62
И ОДИН В ПОЛЕ ВОИН. Ю. Дольд-Михайлик. Приключенческий роман. Книга вторая (продолжение).	65
ТОБОЛЕЦ ПОМОГАЕТ НАНСЕНУ. Ю. Рябов.	70
БУТЫЛКА-ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Е. Шварц. В. Шмелев.	76
ТАК ДЕРЖАТЬ, ЮНГА! Г. Краснов. Книжная полка Следопыта.	78
ВТОРОЙ ВСЕУРАЛЬСКИЙ	80

ОБЛОЖКА А. КАЗАНЦЕВА.

Главный редактор В. ШУСТОВ

Редколлегия: А. АСС, В. АСТАФЬЕВ, В. ВОЛОВИЧ, М. ГРОССМАН, С. ЗАХАРОВ (ответственный секретарь), Ю. КУРОЧКИН, А. МАЛАХОВ, В. ОЧЕРЕТИН, Г. РАМАЗАНОВ, К. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАВУКИН (зам. главного редактора), Г. ТРИФОНОВ.

Рукописи
не возвращаются.

Технический редактор
Э. Максимова.

Корректор
Г. Стороженко.

Адрес редакции: Свердловск, ГСП 353, ул. Малышева, 36, комн. 79 и 87. Телефоны Д1-22-40 (для справок), Д1-26-01 (редактура), Д1-85-70 (доб. 7-49) — производственный отдел. Свердловское Книжное Издательство

Подписано к печати 24/IX 1963 г. Бумага 84×108/16=2,62 бум. л.— 8,61 печ. л.— уч.-изд. л. 10,81.
НС 21331. Тираж 80 000. Цена 30 коп. Заказ 428.

Типография издательства «Уральский рабочий», Свердловск, проспект Ленина, 49.
Обложка отпечатана на Свердловской фабрике офсетной печати.

ИЗ

ДНЕВНИКА ОДНОГО ОТРЯДА

Август. Горны в путь зовут!
Уточняется маршрут.

На дворе **Ноябрь.**
На слёте
Отчитались о работе!

Март. Весна. Начало года.
Намечаем план похода!

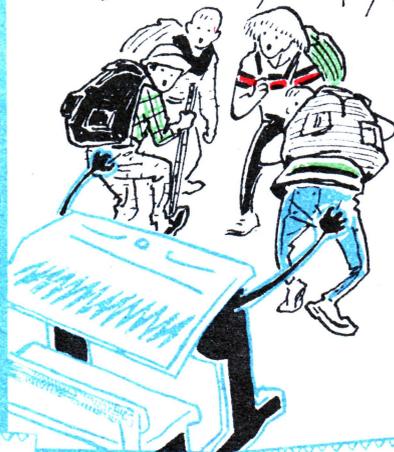
Май-Июнь. Земля цветёт.
Собираемся в поход.

Осень. Сыро, к сожалению.
Заменяли снаряжение.

Сушь. Сентябрь.
Готовы к старту!
Но, увы, пора за парту!

Всё в порядке!
Новый год.
Собираемся в поход!

СТИХИ
Ч. ТАРАБУКИНА
РИСУНКИ
В. БУБЕНЩИКОВА

30 коп.

73413

